РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

8.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1888.

СОДЕРЖАНІЕ

РУССКАГО АРХИВА 1886 ГОДА.

Три большія книги съ приложеніями.

Цѣна 9 руб., безъ пересылки 8 руб.

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ:

Дворъ и правительство въ Россіи сто лѣтъ назадъ. **Н. А. Ратынскаго.**

Журнальная записка происшествіямъ во время экспедиціи князя Ю. В. Долгорукова въ Черногорію.

Полякъ-конфедератъ въ Сибири. **М. К. Серно-Соловьевича.**

Изъ записокъ Екатерининскаго доктора **Вейкарта.**

Екатерина Великая и **А. Д. Ланской.**

Письма и записки **Екатерины Великой къ графу Валерьяну Александровичу Зубову.**

Записки **Николая Николаевича Муравьева. 1813—1814.** Со времени вступленія въ Богемію до вступленія во Францію изъ Франкфурта на Майнѣ. Со вступленія въ походъ изъ Петербурга въ Вильну въ 1815 году.—Путешествіе въ Персію, въ посольствѣ А. П. Ермолова. **1816** и **1817** годы. Экспедиція въ Туркменію 1818 и 1819.

Разсказы князя **А. Н. Голицына.** Изъ записокъ **Ю. Н. Бартенева.**

Къ исторіи Московскихъ учрежденій Императорскаго Воспитательнаго Дома, по поводу писемъ Маріи Θеодоровны къ князю **С. М. Голицыну.**

Александръ Дмитріевичъ Улыбышевъ.

Изъ бумагъ поэта **И. И. Козлова.**

Изъ бумагъ **Александра Николаевича Попова:** письма **М. А. Стаховича, А. П. Елагиной, М. В. Кирѣевской, А. И. Кошелева**

Правда о Лжедмитріи. **Н. М. Павлова.**

Авраамій Палицынъ какъ писатель. **С. И. Кедрова.**

Возраженіе **патріарха Никона** на Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича. **В. М. Ундольскаго.**

1812 годъ. Изъ семейныхъ воспоминаній **А. Θ. Кологривовой.**

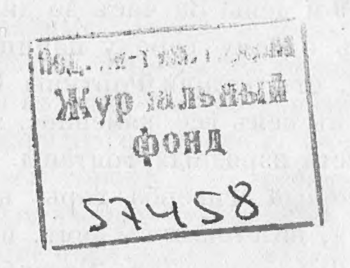
Три письма **императора Александра Павловича** къ маркизу Паулуччи о фонъ-Бокѣ и г-жѣ Криднеръ.

Папство и Римскій вопросъ, съ Русской точки зрѣнія. Сочиненіе **Θ. И. Тютчева.**

Первые шаги освобожденія крестьянъ въ Россіи. Статья **Θ. П. Еленева.**

Сто восемьдесятъ писемъ **императрицы Екатерины Великой** къ фельдмаршалу графу Петру Семеновичу Салтыкову.

(См. на третьей стр. обложки).

Под. ...
Журнальный
фонд
57458

ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО *).

Августа въ 18-й день. Поутру рано пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію фурманъ мой, который меня везъ изъ Неаполя до Риму съ коляскою, и я, убрався на коляску совсѣмъ, поѣхалъ изъ Риму на первомъ часу дня и, выѣхавъ изъ Риму, пріѣхалъ къ рѣкѣ Тиверю, гдѣ черезъ ту рѣку сдѣланъ великій мостъ каменный на великихъ каменныхъ столбахъ. На семъ Римскомъ мосту въ древнихъ лѣтахъ Римскій кесарь Константинъ видѣлъ святой крестъ, на небѣ сложенный изъ звѣздъ, и нѣкоторыя литеры, также изъ звѣздъ сложенныя, какъ о томъ повѣствуетъ исторія; и побѣдилъ царь Константинъ на томъ мосту Максентія. И, тотъ мостъ переѣхавъ, пріѣхалъ къ однимъ воротамъ, которыя построены на концѣ того мосту; и стоятъ въ тѣхъ воротахъ солдаты на заставѣ для осмотру у проѣзжихъ всякихъ людей купецкихъ всякихъ вещей. Въ тѣхъ воротахъ отдавъ я по обыкновенію Римскому что̀ надлежало со своей коляски, поѣхалъ Флоренскою дорогою ко Флоренціи. Отъ Риму до того мѣста 2 мили Италіянскія. Того числа о полудни пріѣхалъ въ остарію, которая называется Бакана, отъ Риму 17 миль Ит. По сей дорогѣ отъ Риму до сей остаріи есть горы небольшія, а въ иныхъ мѣстахъ есть и поля ровныя, по которымъ много пашни подъ пшеницы, также есть и лѣса мелкіе не во многихъ мѣстахъ. Въ той остаріи, которая называется Бакана, я того дня обѣдалъ и по полудни, изъ той остаріи выѣхавъ, пріѣхалъ за часъ до ночи въ городъ папежской области, который называется Риджеліонъ; въ томъ городѣ я ночевалъ, отъ помяненной остаріи 15 миль Итальянскихъ. Отъ той остаріи до сего города по дорогѣ есть горы же небольшія и поля ровныя, по которымъ

*) См. выше, стр. 225.

пшеницы сѣютъ; также есть и лѣса мелкіе. Въ томъ помяненномъ городѣ стоялъ я въ остаріи, которая называется Фортуна.

Августа въ 19-й день. За часъ до дня поѣхалъ я изъ той остаріи и пріѣхалъ къ одному городу папиной области, который называется Тивербо, отъ остаріи Фортуны 10 миль Ит. Тотъ городъ великій, строеніе въ немъ все каменное, а добраго строенія мало. Въ томъ городѣ есть изрядныя фонтаны. По сей дорогѣ отъ остаріи Фортуна до города Тиверба горы великія каменистыя. Тотъ городъ проѣхалъ я, не стоявъ въ немъ, и пріѣхалъ того жъ числа къ городу Монто-Фіашкону, отъ Тиверба 8 миль Ит. По той дорогѣ есть горы великія каменистыя. Близко того города стоялъ я въ остаріи, что̀ называется Ляшкала, и стоялъ тутъ того дня до девятаго часу, а въ девятомъ часу поѣхавъ пріѣхалъ къ одному городу Бонзене. Тотъ городъ проѣхавъ, не стоялъ въ немъ. Тотъ городъ невеликій, строеніе въ немъ все каменное. Потомъ пріѣхалъ того числа во второмъ часу ночи въ городъ Аква-Пиненть, въ томъ городѣ сталъ въ остаріи, что̀ называется тѣмъ же именемъ Аква-Пиненть, и въ той остаріи ночевалъ. По той дорогѣ много горъ, по которымъ растутъ мелкіе лѣса. Отъ остаріи Ляшкала до сей остаріи Аква-Пиненть 15 миль Италіанскихъ.

Августа въ 20-й день. Поутру рано изъ того города Аква-Пинента я поѣхавъ пріѣхалъ къ городу Редегофону. Тотъ городъ стоитъ на высокой горѣ и суть невеликій. Я его проѣхалъ того числа о полудни и пріѣхалъ въ остарію, которая зовется Лямаджина-де-Редегофона, отъ того города, гдѣ ночевалъ, 19 миль Италіанскихъ. По той дорогѣ превеликія каменныя горы, на которыя не могъ я взъѣхать въ коляскѣ, шелъ на тѣ горы пѣшъ. И стоялъ я въ той остаріи три часа, а за четыре часа до ночи поѣхавъ пріѣхалъ въ городъ Акварико, близко того города сталъ въ остаріи, что̀ зовется Фонте-Алявина, отъ той остаріи, гдѣ обѣдалъ, 14 миль Италіанскихъ. По той дорогѣ горы великія, и вся та дорога безмѣрно камениста; тутъ я ночевалъ.

Августа въ 21-й день. Изъ той остаріи пріѣхалъ въ одно мѣсто, которое зовется Люціанъ, и сталъ въ остаріи, которая зовется тѣмъ именемъ же Люціанъ, отъ остаріи, гдѣ ночевалъ, 16 миль Италіанскихъ. По той дорогѣ горы великія каменистыя, а въ иныхъ мѣстахъ есть и ровныя поля изрядныя; и стоялъ я въ той остаріи до 9-го часа того дни, а въ 9-мъ часу поѣхалъ и пріѣхалъ въ городъ Сану. Тотъ городъ великаго князя Флоренскаго и зѣло великъ, стоитъ на высокой горѣ; въ томъ городѣ есть высокія каменныя зданія изряднымъ мастерствомъ сдѣланы, строеніе все камен-

ное. Тотъ городъ многолюдный, и люди въ немъ живутъ изрядной политики, честныя особы, ѣздятъ въ изрядныхъ каретахъ и возники и шоры имѣютъ изрядные. Также и жены и дѣвицы того города ѣздятъ въ каретахъ же. Торговыхъ людей въ томъ городѣ много, лавокъ и товаровъ въ томъ городѣ довольно. Монастыри и костелы въ томъ городѣ изряднаго строенія. Отъ остаріи до сего города 8 миль Ит. Въ томъ городѣ я не стоялъ и проѣхалъ его мимо и пріѣхалъ того числа ввечеру въ остарію, которая называется Каштель-де-Лянцеліо, отъ того города Саны 8 миль Ит.; въ той остаріи и ночевалъ.

Августа въ 22-й день. Изъ той остаріи поѣхалъ и пріѣхалъ въ остарію, что̀ называется Тавернели, отъ той остаріи, гдѣ ночевалъ, 15 миль Ит. Та остарія въ одномъ маломъ мѣстечкѣ Тавернели. По сей дорогѣ мало есть горъ, а которыя и есть, и тѣ небольшія; тутъ есть мѣста ровныя и много виноградовъ, а по полямъ и деревъ много оливныхъ, которыя растутъ по пригоркамъ и по ровнымъ мѣстамъ. Много по сей дорогѣ селъ и деревень и остарій, строеніе все каменное. По той дорогѣ есть воды изрядныя текучія во многихъ мѣстахъ, есть и мосты каменные. И стоялъ я въ той остаріи, которая зовется Тавернели, того числа Августа въ 22-й день до 9-го часу, для того что въ помяненной остаріи Делянцеліо забылъ, поѣхавъ изъ нея, нѣкоторыя свои вещи, и для тѣхъ вещей посылалъ я съ дороги фурмана своего, и тотъ мой фурманъ пріѣхалъ ко мнѣ, а забытыхъ моихъ вещей не привезъ и сказалъ, что тѣхъ-де моихъ вещей тамъ не съискалъ; и я, не съискавъ тѣхъ своихъ вещей, въ путь свой ѣхать не хотѣлъ и ночевалъ того числа въ той же остаріи.

Августа въ 23-й день. Поутру рано, отъискавъ я свои забытыя вещи, поѣхалъ изъ остаріи Тавернели ко Флоренціи; отъ той остаріи до Флоренціи 15 миль Ит. По той дорогѣ все каменныя горы, по которымъ горамъ и между горъ много селъ великихъ и людныхъ, въ которыхъ все строеніе каменное. По тѣмъ же горамъ и промежъ горъ много пашни подъ пшеницы, также есть деревья: дубы, березы, осины по тѣмъ горамъ и промежъ горъ, между котораго деревья множество посажено виноградовъ бѣлыхъ и красныхъ, которые оплетаяся растутъ около вышеписанныхъ деревъ и приносятъ великое довольство плоду. Не доѣзжая до Флоренціи миль за 6, есть жилье зѣло часто, строеніе все каменное, между которымъ строеніемъ есть великіе котвенты, т.-е. монастыри, въ которыхъ каменное изрядное великое строеніе, также домы великіе, стройные, съ великими палатами. Въ тѣхъ же мѣстахъ межъ

домами есть рощи кипарисныхъ великихъ деревъ. А какъ я пріѣхалъ ко Флоренскимъ воротамъ, и въ воротахъ которые солдаты стоятъ для караулу хотѣли по обыкновенію своему осмотрѣть у меня въ сундукѣ всякихъ купецкихъ вещей, и какъ услышали обо мнѣ, что я Московскаго государства человѣкъ, и они, у меня ничего не осматривая, тотчасъ меня во Флоренцію пропустили, и я, въвѣхавъ во Флоренцію, сталъ въ остарію, которая называется Санлянци. Въ той остаріи хозяинъ отвелъ мнѣ палату изрядную, въ которой была кровать золоченая съ завѣсомъ изряднымъ, также постеля хорошая съ бѣлыми чистыми простынями и съ одѣяломъ изряднымъ, и столъ и стулы и креслы изрядные и всякій уборъ, зеркалы, картины, какъ обыкновеніе Итальянамъ убирать палаты. Въ той остаріи за пищу и за палату и за всякій покой платилъ я хозяину за себя по семи павловъ Римскихъ на сутки, а Московскихъ денегъ будетъ по полтинѣ.

Того жъ числа по обѣдѣ пошелъ гулять и пришелъ перво къ церкви Іоанна Предтечи. Та церковь великая, сдѣлана осьмигранная изрядною архитектурою и мастерствомъ предивнымъ, также и уборъ въ ней хорошій. На той церкви четверы двери великія, у тѣхъ дверей затворы подѣланы мѣдныя, предивнымъ мастерствомъ высѣканыя, на тѣхъ дверяхъ фигуры изъ мѣди власно какъ бы изъ дерева вырѣзаны зѣло предивно.

Потомъ пришелъ къ соборной церкви, которая называется Итальянскимъ языкомъ Санта-Марія-Фіоре, т. е. святой Маріи Цвѣтковой. Та церковь зѣло велика, а снаружи сдѣлана вся изъ бѣлаго мрамору, а въ бѣлый мраморъ врѣзываны черные каменья изрядными фигурами, и препорціею та церковь сдѣлана дивною; а внутри той церкви убору никакого нѣтъ, только алтарь сдѣланъ изрядною рѣзной работою изъ алебастру, и помостъ въ той во всей церкви сдѣланъ изъ разныхъ мраморовъ изрядною же работою.

Потомъ пришелъ въ одинъ домъ, въ которомъ Флоренскаго великаго князя сидятъ звѣри и птицы. Въ томъ домѣ подѣланы звѣрямъ мѣста пространныя и палаты, въ которыхъ звѣри живутъ, изрядныя. Въ тѣ мѣста подѣланы окна великія, и вставлены рѣшетки желѣзныя толстыя, въ которыя окна сквозь тѣ рѣшетки могутъ люди звѣрей видѣть. Среди того дому сдѣлано между палатъ мѣсто пространное, среди того мѣста стоитъ столбъ деревянный великій, а сдѣлано то мѣсто для того, когда похочетъ Флоренскій великій князь тѣми звѣрьми веселиться, тогда на то мѣсто выпускаютъ звѣрей, и тѣ звѣри на томъ мѣстѣ бьются, а великій

князь смотритъ того сверху, гдѣ подѣланы вокругъ того помяненнаго мѣста переходы каменные изрядные. И если звѣрь звѣря учнетъ одолѣвать, и ихъ людямъ разнять невозможно за ихъ лютостію, и для того разъему сдѣланъ инструментъ такой: сдѣлано изъ глины одно воображеніе великое, безмѣрно страшливое, подобіемъ нѣкакой зѣло устрашительной жабы, и въ то изображеніе войдутъ люди и запалятъ въ немъ огонь, чтобъ дымъ и пламя огня исходило у того изображенія изо рту и изъ глазъ и изъ ушей и изъ сторонъ, и такъ тѣ люди въ томъ страшилищѣ въѣдутъ въ то мѣсто, гдѣ тѣ звѣри бьются, и какъ звѣри то изображеніе увидятъ, испужаются, чаютъ, что живое нѣчто вошло къ нимъ, и разбѣгутся розно, покинувъ драться. Тогда ихъ звѣровщики взявъ посадятъ въ ихъ мѣста, въ которыхъ живутъ. А сдѣлано то страшливое изображеніе на колесахъ, и могутъ въ немъ бывшіе люди идтить куды хотятъ. Въ томъ домѣ видѣлъ я льва великаго, которому, сказываютъ, 9 лѣтъ; потомъ видѣлъ львицу великую жъ, и сказываютъ объ ней вещь удивительную, будто она больна лихорадкою, которую я видѣлъ лежащую, и зѣло громогласно ревѣла, власно какъ бы стонетъ. Потомъ видѣлъ льва молодаго, у котораго еще нѣтъ гривы и на хвостѣ кисти; а сказываютъ, что тотъ левъ еще трехъ лѣтъ. Потомъ видѣлъ два льва малыхъ, въ одномъ мѣстѣ сидятъ и играютъ между собою, а величествомъ тѣ малые львы съ посредственнаго волка; а сказываютъ, что тѣмъ львамъ еще отъ роду по 7 мѣсяцевъ и привезены изъ Гишпани.

Въ томъ же домѣ видѣлъ одного барса великаго и зѣло изряднаго. Въ томъ же домѣ видѣлъ трехъ медвѣдей великихъ, между которыми одинъ половой великій; а сказываютъ, что тотъ половой медвѣдь въ томъ домѣ сидитъ уже 30 лѣтъ. Въ томъ же домѣ видѣлъ немало волковъ великихъ. Въ томъ же домѣ видѣлъ одну лисицу черную; а сказываютъ, что-де та лисица привезена въ давнихъ лѣтахъ во Флоренцію съ Москвы.

Тамъ же видѣлъ много орловъ великихъ сѣрыхъ.

Потомъ изъ того дому пришелъ къ церкви св. архидьякона Лаврентія, которая зачата дѣлать тому 94 года, и непрестанно отъ того времени какъ начата и по сіе время дѣлаютъ, а еще недокончена, и чаютъ, что еще больше десяти лѣтъ той церкви докончить невозможно. Та церковь немалая, осмероугольная, во всѣ стѣны ровная, съ лица сдѣлана изъ сѣраго камени предивнымъ мастерствомъ; по многимъ мѣстамъ кругомъ оконъ вставленъ алебастръ изрядною гладкою работою, а изнутри та церковь вся сдѣлана изъ

розныхъ мраморовъ такою преславною работою, какой работы на всемъ свѣтѣ лучше не обрѣтается. И въ тѣ мраморы врѣзываны каменья цвѣтные Индѣйскіе и Персидскіе и раковины и корали и янтари и тунпасы и хрустали такою преудивительною работою, котораго мастерства подлинно описать невозможно. Около тѣхъ розныхъ мраморовъ кладены дорожники мѣдные литые, золоченые запарнымъ *) золотомъ. Тѣ цвѣтные мраморы такъ въ лицѣ поставлены власно какъ изрядныя зеркалы, и въ тѣхъ камняхъ та церковь и бывающіе въ ней люди видимы власно какъ въ зеркалахъ. Въ ту церковь изготовленъ алтарь Римскій, сдѣланъ весь изъ чистаго золота преудивительнымъ мастерствомъ, которому цѣна одинъ миліонъ червонныхъ золотыхъ.

Въ той же церкви у стѣнъ подѣланы изъ розныхъ же мраморовъ гробы, въ которыхъ лежать будутъ тѣла древнихъ великихъ Флоренскихъ князей; между тѣми сдѣланъ гробъ, гдѣ лежать по смерти тѣлу нынѣшняго грандуки, т. е. великаго князя Флоренскаго. Тѣ гробы подѣланы такой преузорочной работою, что уму человѣческому непостижно, и надъ тѣми гробами поставлены персоны вышеимянованныхъ Флоренскихъ великихъ князей, также и нынѣшняго великаго князя Флоренскаго надъ его гробомъ стоитъ, а высѣчены всѣ тѣ персоны ихъ изъ алебастру изряднымъ мастерствомъ и съ такими фигурами, которыхъ подробну описать невозможно.

Изъ той церкви сошелъ я внизъ подъ ту церковь, гдѣ сдѣлана церковь же Римская, на которомъ алтарѣ стоитъ образъ распятія Христова и образъ Пресвятыя Богородицы и образъ Іоанна Богослова, вырѣзаны изъ алебастру такимъ предивнымъ мастерствомъ, какого мастерства на всемъ свѣтѣ мало обрѣтается; и подѣланы подъ той церковью столбы для укрѣпленія верхней церкви, а стѣны той нижней церкви сдѣланы толщиною четырнадцати локтей Итальянскихъ, а локоть Итальянскій меньше Московскаго аршина двумя вершками. Изъ подъ той церкви вышедъ, пошелъ до церкви, которая называется Итальянскимъ языкомъ Нунціата, т. е. Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы. У той церкви есть монастырь, въ которомъ живутъ законники Бенедиктіане. Передъ тою церковью сдѣлана одна площадь вмѣсто паперти четвероугольная, во всѣ стѣны по семи сажень трехаршинныхъ. На той площади высоко подлѣ стѣнъ поставлены персоны многихъ Римскихъ папежевъ рѣзныя, изряднымъ мастерствомъ сдѣланы и расписаны кра-

---

*) Такъ. П. Б.

сками власно какъ живы. На той же площади подлѣ стѣнъ же поставлены многія персоны древнія разныхъ людей, которые получили милость отъ образа Пресвятыя Богородицы, который образъ въ томъ костелѣ стоитъ; и на ту память ставили свою персону у того костела такъ сдѣлану, какъ были въ какихъ причинахъ въ болѣзняхъ или ранены или въ какихъ печаляхъ, такъ и поставлены тѣ персоны и донынѣ стоятъ.

Потомъ вошелъ въ ту церковь, въ которой видѣлъ строеніе изрядное; убрана та церковь изнутри мраморами цвѣтными изрядными и алебастровыми рѣзьбами изрядными же. Своду въ той церкви нѣтъ, сдѣланъ потолокъ накатной рѣзной предивной работою, весь вызолоченъ, также и иные изрядные уборы въ той церкви предивно устроены. Въ той же церкви каплица, т. е. придѣлъ сдѣланъ во имя Пресвятыя Богородицы невеликъ, а строенъ, строеніе въ немъ предивное, престолъ весь литой серебрянный, также подсвѣчники невеликіе серебрянные, на престолѣ подѣланы образы святыхъ ангелъ литые серебрянные великіе; также около престола поверху подѣланы образы херувимовъ и серафимовъ и ангеловъ литые жъ серебрянные. Лампадъ великихъ серебрянныхъ въ томъ придѣлѣ множество, между которыми въ срединѣ виситъ одна лампада велика зѣло, серебрянная вся вызолочена, сдѣлана изряднымъ мастерствомъ. А отгороженъ тотъ костелъ малый отъ великаго костела перилами мѣдными изрядными, и по тѣмъ периламъ поставлены зѣло великіе шандалы серебрянные, сдѣланные подобіемъ великихъ кувшиновъ, въ которыхъ ставятъ свѣчи и цвѣты для украшенія церкви; тѣхъ шандаловъ числомъ 25. Также и въ иныхъ фигурахъ серебра множество и уборъ всякій предивный и зѣло богатый.

Изъ той церкви пошелъ я къ себѣ въ остарію для того, что было отъ солнечнаго паленія зѣло жарко, и больше того гулять для того жару не могъ.

Потомъ, какъ солнечный жаръ умалился, и я паки пошелъ гулять и пришелъ паки къ великой соборной церкви, на которой съ передней стѣны для входу въ церковь сдѣланы трои двери, и надъ двоими дверьми подписано Латинскими литерами, а именно надъ первыми дверьми: Соборъ вселенскій во Флоренціи чинится трудныхъ зѣло временъ, когда были Викторъ Второй папежъ наибольшій и ГендрикъЦесарь Августъ, въ лѣто Господне 1055. Аминь.

На другихъ дверяхъ той же церкви написано: Святой вселенскій седьмый надесять соборъ въ той Флоренской церкви чинится, въ которой такъ Грецы яко и Латини до единой самой правой вѣры приступили предъ Евгеніемъ Четвертымъ, вселенскія церкви

папежемъ, и предъ Іоанномъ Августомъ, Греческимъ царемъ въ лѣтѣ Господнѣ 1439-мъ.

У той соборной церкви сдѣлана колокольня зѣло высокая четвероугольная предивной работою, рѣзьбы изрядныя изъ бѣлаго и чернаго камени, и работа во всемъ зѣло субтельная и изрядная.

Потомъ пришелъ въ одно мѣсто, гдѣ сдѣлана одна широкая улица, а по сторонамъ той улицы подѣланы домы великіе изрядною архитектурою. Тутъ построены предивныя палаты, вверху юстици, т. е. приказы, а пониже ихъ палатахъ подѣланы еще вверхъ два жилья, палаты жъ изрядныя, которыя называются пофлоренску галлярія. Въ тѣхъ палатахъ лежатъ Флоренскаго княжества древнія всякія вещи предивныя. Въ концѣ тѣхъ палатъ чрезъ улицу сдѣланы изъ палатъ въ палаты переходы широкіе, изряднымъ мастерствомъ построены и рѣзьбами алебастровыми изрядными убраны.

Потомъ пришелъ я на одинъ великій мостъ, который сдѣланъ черезъ рѣку на каменныхъ столбахъ высоко зѣло и широкъ. На томъ мосту по обѣ стороны подѣланы лавки, въ которыхъ сидятъ марканты, т. е. купцы, и торгуютъ серебромъ; въ тѣхъ лавкахъ серебра есть малое число, и работъ въ серебрѣ самыхъ добрыхъ въ тѣхъ лавкахъ я не видалъ.

Потомъ я, перешедъ тотъ мостъ, пришелъ ко двору Флоренскаго князя. Тотъ его дворъ стоитъ на пригоркѣ, палаты великія, строенія и моды древней. У воротъ его стоитъ одинъ караульщикъ съ протазаномъ, и у двора его никого я не видалъ. А на дворъ его я не пошелъ, для того, что я ходилъ тамъ гулять тайнымъ лицомъ, а не явною своею особою, для того что мое намѣреніе было такое, чтобъ больше одного дня во Флоренціи не жить. А если бы мнѣ сказаться своимъ лицомъ во Флоренціи, и меня бы великій князь Флоренціи задержалъ любовно для имени Государя моего, хотѣлъ бы мнѣ учинить гоноръ и тѣмъ бы дорогѣ моей учинилъ препятіе. И смотря я того великаго князя дому, пришелъ къ себѣ въ остарію.

Того жъ числа приказалъ фурманамъ своимъ, чтобъ они Августа въ 24-й день пріѣхали ко мнѣ въ остарію поутру рано, чтобъ мнѣ изъ Флоренціи того числа выѣхать поутру рано; а самъ я, сего вечера убрався со всѣмъ, расплатился съ хозяиномъ, чтобъ мнѣ задержанія ни отъ кого не было.

ОПИСАНІЕ ФЛОРЕНЦІИ.

Флоренція есть мѣсто великое между великихъ горъ на ровномъ мѣстѣ, и въ немъ обитаетъ грандука, т. е. великій князь, который имѣетъ корону, т. е. вѣнчанный; имѣэтъ подъ собою и другія мѣста немалыя, и владѣтельство его немалое и многолюдное.

Около самаго мѣста Флоренціи городъ каменный древняго строенія съ башнями каменными и ворота проѣзжіе древней моды, однако жъ изряднаго мастерства.

Во Флоренціи домовъ самыхъ изрядныхъ, которые бы были самой изрядной пропорціи, мало; всѣ домы Флоренскіе древняго зданія. Весь городъ Флоренція вымощена каменемъ, и палаты есть высокія въ три и въ четыре жилья въ высоту, а строены просто, не по архитектурѣ.

Скрозь Флоренцію течетъ рѣка немалая, которая называется Арни. Чрезъ ту рѣку сдѣланы четыре моста каменныхъ великихъ на каменныхъ столбахъ, между которыми одинъ зѣло великъ, о которомъ я въ сей книгѣ писалъ выше сего, на которомъ построенъ серебрянный рядъ.

Монастырей и церквей во Флоренціи всѣхъ слишкомъ 200, которые изрядное имѣютъ въ себѣ украшеніе и богаты серебромъ и всякими церковными утварями зѣло.

Во Флоренціи народъ чистый и зѣло пріемный къ форестирамъ, платье носятъ Французское честные люди, а иныя особы подобно Римскому платью, а купцы платье носятъ такое, какъ Венецкіе купцы—черное, а женскій полъ во Флоренціи убирается поримски.

Честные люди во Флоренціи и купцы богатые ѣздятъ въ каретахъ и въ колясках изрядныхъ, и лошадей каретныхъ и шоръ изрядныхъ во Флоренціи много; также жены и дѣвицы ѣздятъ въ каретахъ же, изрядно убрався, на добрыхъ лошадяхъ. Рядовъ, въ которыхъ сидятъ купцы и мастеровые люди, во Флоренціи много и всякихъ товаровъ довольно; также и мастеровыхъ всякихъ людей много; а наипаче Флоренція хвалится мастерствомъ, что дѣлаютъ всякія вещи великія и малыя изъ розныхъ мраморовъ зѣло предивно, цвѣты и живности власно какъ бы живописное.

Во Флоренціи хлѣбъ и мясо и всякая живность недорого, и есть того въ ней довольно, также и рыбы много и недорого, а фруктовъ всякихъ множество и зѣло дешевы, а паче много изрядныхъ виноградовъ, изъ которыхъ дѣлаютъ изрядныя вина, кото-

рыя на всемъ свѣтѣ славныя Флоренскія вина, и зѣло ихъ много бѣлыхъ и красныхъ, которыя безмѣрно вкусны и непьяны, и купятъ ихъ тамъ дешево, а покупая отвозятъ въ дальнія мѣста за славу, что есть Флоренскія вина славныя.

Остарій во Флоренціи много, въ которыхъ каморы изрядныя и кровати и столы и стулы и креслы и постели изрядные жъ; и скатерти и простыни и полотенца бѣлыя; также пища и питье форестирамъ изрядныя и довольныя. Подлый народъ во Флоренціи побожень, политиченъ и зѣло почитателенъ и правдивъ.

Около Флоренціи вокругъ великія горы, по которымъ горамъ и промежъ горъ много зѣло жилья, строеніе все каменное великое; есть въ иныхъ мѣстахъ и хорошее; также есть и сады хорошіе со всякими плодовитыми деревьи и съ кипарисами и съ цвѣтами розными.

Во Флоренціи есть столбы многіе, на которыхъ поставлены въ память древнихъ прешедшихъ временъ славныхъ людей персоны вырѣзаныя изъ алебастру и изъ бѣлыхъ каменей, а на иныхъ мѣдныя на лошадяхъ сдѣланы преславными работами. Во Флоренціи есть не во многихъ мѣстахъ фонтаны, которыя есть и попорченныя, однако жъ хорошаго мастерства, только не такія какъ въ Римѣ, и не изо всѣхъ фонтанъ во Флоренціи воды текутъ. Во Флоренціи много мастеровъ изрядныхъ, живописцевъ изряднаго Итальянскаго мастерства, которые изрядно пишутъ и за одинъ небольшой образъ берутъ золотыхъ червонныхъ по 50 и больше.

Августа въ 24-й день. Поутру рано поѣхалъ я изъ Флоренціи и пріѣхалъ къ обѣду въ остарію, которая называется Понта, отъ Флоренціи 12 миль Ит. Та дорога по великимъ горамъ каменистымъ, а жилыхъ мѣстъ по тѣмъ горамъ и между горъ много и зѣло часто и многолюдно; есть и лѣса мелкіе не во многихъ мѣстахъ, виноградовъ множество по полямъ, есть и пашни подъ пшеницы, и между горъ есть воды чистыя, а изъ горъ есть ключи изрядныхъ холодныхъ водъ. И стоялъ я въ той остаріи до 10-го часа дня, а въ 10-мъ часу поѣхалъ и пріѣхалъ въ городъ папежской области Римской, который называется Флоренцано, отъ остаріи, гдѣ обѣдалъ, 12 миль Ит. По сей дорогѣ великія и зѣло каменистыя горы, и съ горъ шелъ я пѣшъ. По тѣмъ горамъ и межъ горъ есть лѣса немалые и деревья много плодовитаго, на которыхъ родятся каштаны. На тѣхъ же горахъ есть немало пашни, на которыхъ сѣютъ пшеницы и другія пшеницы, которыя называются Цареградскія; также тамъ есть мѣста сѣнокосныя, а жилья по тѣмъ горамъ немало. И въ томъ городѣ Флоренцанѣ стоялъ я въ остаріи, которая

зовется Ляшкала, и ночевалъ тутъ. Тотъ городъ Флоренцана невеликій, стѣны около его каменныя стародавней работы, и строеніе въ томъ городѣ все каменное. Въ томъ городѣ я ночевалъ.

Августа въ 25-й день. Изъ той остаріи поутру я поѣхалъ и пріѣхалъ въ остарію, которая завется Люяна, отъ остаріи Ляшкала 17 миль Ит. По той дорогѣ отъ остаріи Ляшкала до остаріи Люяны превеликія каменныя горы, на которыя невозможно было взъѣхать въ коляскѣ, и мой витуринъ, т.-е. фурманъ, нанялъ мнѣ верховую лошадь, на которой я на тѣ горы взъѣхалъ. По тѣмъ горамъ и между горъ много лѣсовъ; въ тѣхъ лѣсахъ все плодовитыя деревья, на которыхъ родятся каштаны. Въ тѣхъ горахъ много водъ изрядныхъ, чистыхъ, ключевыхъ, которые ключи изъ тѣхъ горъ истекаютъ. Во многихъ мѣстахъ подѣланы мосты каменные. По той дорогѣ есть жилья немало; также по горамъ и между горъ есть пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы и проса; также есть и сѣнокосныя мѣста. Въ той остаріи того числа обѣдалъ и стоялъ до 9-го часа дни, а въ 9-мъ часу поѣхалъ и пріѣхалъ того-жъ числа за часъ до ночи въ городъ Болонію и сталъ въ остаріи, которая зовется Санмарко, т.-е. Св. Марка. Въ той остаріи хозяинъ отвелъ мнѣ палату пространную, изрядную, обитую золочеными кожами и убрану изрядно картинами и зеркалами великими. Въ той же палатѣ кроват изрядная, столъ, стулы, кресла, обитые бархатомъ. Та остарія въ Болоніи лучшая, и зѣло много въ ней палатъ изрядныхъ великихъ съ предивными уборами для того, что въ ней стоятъ многіе форестиры. Отъ остаріи Люяны до Болоніи 16 миль Ит. Ѣхалъ я отъ Люяны 10 миль Ит. по великимъ каменнымъ горамъ, на которыя не могъ взъѣхать въ коляскѣ, всходилъ пѣшъ. По тѣмъ горамъ жилья мало, а много по нихъ лѣсовъ рознаго всякаго деревья, есть пашни небольшія и сѣнокосныя мѣста. Потомъ, не доѣзжая Болоніи за 6 миль Итальянскихъ, съ тѣхъ горъ съѣхалъ и поѣхалъ ровными мѣстами межъ горъ; по тѣмъ низкимъ мѣстамъ почало быть многое частое жилье, домы строенія каменнаго и при нихъ огороды изрядные; также въ тѣхъ мѣстахъ есть воды изрядныя прокопныя, черезъ которыя подѣланы каменные мосты. Потомъ чѣмъ ближе началъ пріѣзжать къ Болоніи, то жилью почало быть чаще, а за три мили до Болоніи зѣло частое жилье, въ которомъ живутъ мастеровые люди, портные, сапожники, каретники, кузнецы, столяры и иные всякіе; а строеніе все каменное, и между тѣмъ строеніемъ много есть каплицъ, т.-е. церквей малыхъ Римской вѣры.

Потомъ пріѣхалъ къ Болоніи къ городовымъ воротамъ. Въ тѣхъ воротахъ, которые стоятъ для заставы, записали имя мое и

котораго я государства и, спрося меня, что нѣтъ ли со мною какихъ купецкихъ вещей, тотчасъ пропустили въ Болонію, и ночевалъ тутъ, а на утро изъ Болоніи поѣхалъ во 2-мъ часу дня.

ОПИСАНІЕ БОЛОНІИ.

Болонія во Италіи суть мѣсто великое и славное владѣнія папы Римскаго, стоитъ на ровномъ мѣстѣ, стѣны городовыя и башни каменныя зданія древняго. Домы въ Болоніи есть великіе, строеніе все каменное, палаты есть изрядныя. Улицы и переулки въ Болоніи широкіе, и по обѣ стороны улицъ и переулковъ подлѣ домовнаго строенія построены столбы каменные высокіе, и на тѣхъ столбахъ строены палаты, и во всей Болоніи, хотя бъ великій былъ дождь, и пѣшіе люди могутъ во время дождя ходить по всей Болоніи въ добрыхъ одеждахъ безъ епанчи, и никогда не помочитъ ихъ дождь, и грязи на тѣхъ мѣстахъ нѣтъ подъ столбами и никогда не бываетъ; хотя бъ кто въ изрядныхъ башмакахъ ходилъ по всей Болоніи, и никогда ихъ не замараетъ. И такъ въ Болоніи тѣми стройными улицами всегда пѣшіе ходятъ, а вымощены тѣ стройныя улицы изрядно камнемъ, а въ иныхъ мѣстахъ кирпичемъ, а середними улицами въ Болоніи межъ столбовъ ѣздятъ въ каретахъ и въ телѣгахъ и верхомъ и всякіе проѣзжіе люди въ колясках. Скрозь Болонію течетъ рѣка, которую называютъ каналомъ. Та рѣка немалая, ходятъ по ней изъ Венеціи въ Болонію и изъ Болоніи въ Венецію барки и иныя небольшія суды.

Лавокъ со всякими товарами въ Болоніи довольно, также купцовъ богатыхъ и всякихъ мастеровыхъ людей много. Монастырей и церквей Римскихъ въ Болоніи сказываютъ больше двухъ сотъ и съ каплицами, а всѣ монастыри и церкви изряднаго строенія каменнаго.

Въ Болоніи за губернатора живетъ присланный отъ папы изъ Риму одинъ кардиналъ, который управляетъ въ Болоніи всякія дѣла мірскія и духовныя.

Болонскіе жители люди добрые и зѣло привѣтные, платье носятъ Римской моды, а купцы Болонскіе ходятъ подобно Венецкимъ купцамъ, а говорятъ въ Болоніи всѣ по-итяльянски, однакожъ ниже Флоренскаго языку. Женскій народъ въ Болоніи изрядный, благообразный, платье носятъ власно такъ какъ Римлянки.

Въ Болоніи честные и богатые люди и жены ихъ и дѣвицы ѣздятъ въ каретахъ изрядныхъ и въ коляскахъ на добрыхъ лошадяхъ, и уборы на нихъ каретные изрядные, а пѣши честные люди и жены ихъ и дочери не ходятъ и имѣютъ то подъ зазоромъ.

Хлѣбъ и всякій харчъ, рыба и мясо и всякая живность въ Болони недорого, дешевле Венецкаго.

Въ Болоніи всякихъ фруктовъ много и зѣло дешево, а паче всего много луку великаго и зѣло дешевъ; во многія Итальянскія мѣста изъ Болони лукъ отвозятъ. Остарій въ Болоніи много изрядныхъ; а лучшая, гдѣ я стоялъ, Святаго Марка.

Форестировъ въ Болоніи всегда бываетъ много: Цесарцевъ, Французовъ, Агличанъ, Гишпанцевъ, Голандцевъ, Еновцевъ, Туринцевъ и иныхъ государствъ.

Въ Болоніи при домахъ честныхъ людей есть изрядные и немалые сады, въ которыхъ есть плодовитыхъ розныхъ деревъ много, также и цвѣтовъ и травъ всякихъ и кипарисныхъ деревъ много.

Фонтанъ въ Болоніи я не видалъ ни худыхъ ни добрыхъ.

Въ Болоніи есть въ езувитскихъ монастыряхъ академіи и школы изрядныя, въ которыхъ учатся до высокихъ наукъ, до философіи и до богословіи.

Въ Болоніи есть домъ великій, въ которомъ печатаютъ всякія книги на Латынскомъ и на Итальянскомъ языкахъ всякихъ розныхъ высокихъ наукъ; также печатаютъ карты географичныя и морскія и иныя всякія фигуры розныя изряднымъ мастерствомъ.

Въ Болоніи много предивныхъ собакъ постельныхъ, которыя на всемъ свѣтѣ славныя и зѣло малы и хороши безмѣрно, и купятъ ихъ тамъ зѣло дорого, за одну собаку добрую надобно дать 20 или 30 золотыхъ червонныхъ.

Августа въ 26-й день. Во второмъ часу дня изъ Болоніи я въ коляскѣ своей поѣхалъ и пріѣхалъ въ остарію, отъ Болоніи 20 миль Ит. Та остарія называется Паджа. По той дорогѣ есть жилье, строеніе каменное, изрядное, и садовъ изрядныхъ много со всякимъ плодомъ и съ цвѣтами; въ тѣхъ садахъ много деревъ изрядныхъ, которыя растутъ преудивительными фигурами: на одномъ деревѣ растетъ власно какъ лодка, на иномъ власно человѣкъ, на иномъ звѣрь или птица, а иное дерево высокое стоитъ, и растутъ по немъ вѣтвья и листья снизу великою округлостью со изрядными фигурами, а отъ того круга вверхъ растутъ вѣтвья и листы власно какъ круглая лѣстница кругомъ того дерева, а наверху того дерева растетъ власно какъ изрядный чердакъ и съ кровлею, и поверхъ кровли растутъ на томъ же чердакѣ изрядныя фигуры, и такихъ деревъ по той дорогѣ есть много. Также по той дорогѣ есть множество изрядныхъ виноградовъ бѣлыхъ и красныхъ. Отъ Болоніи до остаріи Паджи мѣста ровныя полистыя, по тѣмъ полямъ много пашни и сѣнокосовъ. Та дорога зѣло изрядная, ровная и каменистая,

только есть по сторонамъ той дороги стоячія худыя воды, отъ которыхъ бываетъ временемъ тягостный духъ. Въ той остаріи я обѣдалъ и стоялъ до 10-го часа дни, а въ 10-мъ часу поѣхалъ и пріѣхалъ къ рѣкѣ, которая называется Ренъ, отъ остаріи Паджи 6 миль Ит. Та рѣка Ренъ немалая, течетъ зѣло мутно съ пескомъ и съ глиною, и по ней власно какъ сало самая глина. Изъ той рѣки ни пить, ни ѣсть, ни мыться тою водою никому невозможно: не токмо человѣкамъ, непотребна и скотамъ. Та дорога до той рѣки гладкая, горъ и каменью нѣтъ, а по сторонамъ той рѣки великія болота, по которымъ растетъ зѣло великая и высокая осока и тростникъ, и по той дорогѣ есть гати подобны Московскимъ, дѣланы хворостомъ и бревнами.

И переѣхавъ я ту рѣку, поѣхалъ къ городу Ферарѣ, отъ той рѣки до Ферары 4 мили Итальянскихъ. По той дорогѣ по обѣ стороны много деревья, осинъ, и ивъ и березъ, между которыми множество растетъ виноградовъ красныхъ и бѣлыхъ, которые оплетаяся около тѣхъ деревъ растутъ и приносятъ плоду множество. Также въ тѣхъ мѣстахъ есть пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы, и сѣнокосныхъ мѣстъ немало; также и жилыхъ мѣстъ много, гдѣ строеніе все каменное. Потомъ того жъ числа на послѣднемъ часу дня пріѣхалъ въ городъ Ферару и, какъ пріѣхалъ къ городовымъ воротамъ, тутъ караулъ записали имя мое и взяли у меня пищали и пистоли мои всѣ, которые со мною были, для того что въ Ферарѣ есть обычай такой, что никого въ Ферару проѣзжаго форестира съ ружьемъ не пустятъ, и сколько кто въ Ферарѣ похочетъ жить, то все время ружье будетъ лежать за карауломъ. А изъ тѣхъ пищалей, вывертя по одному щурупу, и отдадутъ тому, чья та пищаль, и какъ тотъ форестиръ изъ Ферары поѣдетъ и проѣдетъ городовые ворота, тогда долженъ въ тѣхъ воротахъ показать тотъ щурупъ, и тѣ его пищали и пистоли вынесутъ за нимъ солдаты загородъ и отдадутъ ему ихъ за городомъ, а въ городѣ отнюдь никому пищалей не отдадутъ проѣзжимъ людямъ. Также, пріѣзжая въ Ферару, въ городовыхъ воротахъ повиненъ всякій пріѣзжій взять болетину, т.-е. одинъ листъ проѣзжій, и съ тѣмъ листомъ можетъ выѣхать всякій проѣзжій изъ Ферары, а безъ того листа изъ Ферары никого не выпустятъ. И то все вышеписанное, въѣзжая въ Ферару и выѣзжая изъ Ферары, я чинилъ, и въѣхавъ въ Ферару, сталъ я въ великой остаріи, которая называется Святого Ангела. Въ той остаріи отвели мнѣ великую изрядную палату, въ которой были столы и стулы и креслы и кровать изрядные, и постеля съ чистыми простынями и съ одѣяломъ изряднымъ. Въ той остаріи я ужиналъ и ночевалъ.

Городъ Ферара есть владѣніе папы Римскаго, зѣло великій; около его построенъ городъ каменный новою модою съ бельвардами изрядными и со всякими крѣпостьми, и ворота въ тотъ городъ проѣзжіе изрядные жъ, устроены съ великими крѣпостьми, и по воротамъ стоятъ солдаты на караулахъ. Въ Ферарѣ много церквей и монастырей, всѣ каменные, также и домовное строеніе все каменное жъ изрядное. Есть въ Ферарѣ палаты великія и зѣло высокія; въ томъ же городѣ есть одна площадь великая, около той площади вокругъ поставлены столбы низкіе каменные, столбъ отъ столба сажени по три, и по тѣмъ столбамъ по верхамъ подѣланы пробои желѣзные толстые, и въ тѣ пробои проняты чѣпи желѣзныя нетонкія, и вся та площадь тѣми чѣпьми отъ столба до столба обвѣшена, чтобъ невозможно было никому по той площади въ каретѣ или въ телѣгѣ или верхомъ проѣхать. И растетъ на той площади трава великая, а посреди той площади поставленъ одинъ великій столбъ каменный, бѣлый зѣло высокъ и толстъ, изъ одного камени высѣченъ, круглый, изрядною рѣзною работою сдѣланъ; на верху того столба сдѣланы изъ того жъ камени кресла изрядныя, и въ тѣхъ креслахъ посажена персона папы Римскаго высѣченная изъ камени предивною работою; и кругомъ того столба поставлены также низкіе столбы каменные жъ, по которымъ также подѣланы пробои и повѣшены чѣпи желѣзныя, чтобъ никто близко того столба пройтить не могъ, а сдѣлано то все для почтенія персоны папиной.

Въ Ферарѣ много лавокъ со всякими товарами, а наипаче много мыла изряднаго, которое на всемъ свѣтѣ славное. Также славныя водки, и недорого ихъ тамъ купятъ; также виноградное красное вино изрядное, которое называютъ Итальяне виндольцъ; также хлѣба и харчу всякаго и живности всякой и рыбы много, и все дешево.

Въ Ферарѣ живетъ одинъ кардиналъ, который присланъ изъ Риму отъ папы вмѣсто губернатора, и управляетъ тотъ кардиналъ всякія дѣла, мірскія и духовныя.

Въ Ферарѣ народъ природы чистой, мужескій полъ и женскій, платье носятъ мущины и жены подобіемъ Римскимъ.

Въ Ферарѣ каретъ и колясокъ и лошадей каретныхъ изрядныхъ много, также и всякіе уборы каретные изрядные, и честные люди въ Ферарѣ и жены ихъ и дѣвицы пѣши не ходятъ, ѣздятъ въ каретахъ и въ коляскахъ; а кто пойдетъ въ Ферарѣ пѣшъ, честный человѣкъ или жена или дѣвица честная, то ставятъ въ зазоръ.

Деньги въ Ферарѣ ходятъ Римскія серебрянныя и мѣдныя.

Обыкновеніе въ Ферарѣ такое, что въ ночи никакой человѣкъ со шпагою или съ саблею и ни съ какимъ оружіемъ ходить не поволенъ, а кого въ ночи съ какимъ ни есть оружіемъ поймаютъ, тотъ человѣкъ по обыкновенію Ферарскому подлежитъ казни, а которымъ есть позволеніе отъ Ферарскаго кардинала, тѣ люди ходятъ и въ ночи со шпагою.

Купцовъ и ремесленныхъ всякихъ людей въ Ферарѣ много.

Августа въ 27-й день. Поутру изъ Ферары я поѣхалъ, и въ городовыхъ воротахъ отдали мнѣ, вынесчи за городъ, мое ружье такимъ обыкновеніемъ, какъ о томъ писано выше сего. Потомъ пріѣхалъ я къ одной рѣкѣ, которой имя есть По. Та рѣка велика гораздо, течетъ зѣло мутно, смѣшався съ пескомъ. На той рѣкѣ ходитъ паромъ на веслахъ, на которомъ и я переѣхалъ. Отъ Ферары до той рѣки 5 миль Ит. По той дорогѣ по полямъ зѣло много саженныхъ растутъ деревъ ивовыхъ, посажены изрядно по препорціи, и между ихъ множество растетъ виноградовъ бѣлыхъ и красныхъ, однакожъ красныхъ больше. По той же дорогѣ много пашни; также и сѣнокосныя мѣста есть, а въ иныхъ мѣстахъ и болоты, въ которыхъ растетъ зѣло высокая осока сажени въ двѣ вышиною. По той же дорогѣ много есть строенія каменнаго, въ которомъ живутъ Итальяне пахотные люди.

Перевезясь я ту рѣку и отъѣхавъ двѣ мили Ит., пріѣхалъ на границу Венецкую, въ которомъ мѣстѣ провинція Венецкая граничитъ съ владѣтельствомъ папы Римскаго. Отъ той границы отъѣхавъ 4 мили Ит., пріѣхалъ къ рѣкѣ, которая называется Канале-Бянка. По той дорогѣ есть много виноградовъ бѣлыхъ и красныхъ, также есть пашни и сѣнокосы и болоты. На тѣхъ помяненныхъ обѣихъ рѣкахъ есть построены многія мельницы на стругахъ, которыхъ я видѣлъ на рѣкѣ По 18; также и на другой рѣкѣ есть тѣхъ мельницъ немало, и построены тѣ мельницы изрядно и зѣло штучно. И перевезясь я рѣку Канале-Бянку, пріѣхалъ въ одинъ городъ Венецкой провинціи, которой называется Рувиго, и въ томъ городѣ сталъ въ остаріи, которая называется Корона. Въ той остаріи обѣдалъ и стоялъ до 10-го часа дня, а въ десятомъ часу изъ того города поѣхалъ. Тотъ городъ Рувиго немалое мѣсто, строеніе въ немъ каменное, церквей и монастырей есть немало, стоитъ на ровномъ мѣстѣ. Отъ Ферары до Рувига дорога изрядная, гладкая, горъ нѣтъ, все поля ровныя, гдѣ множество виноградовъ бѣлыхъ и красныхъ, однакожъ больше красныхъ. Въ томъ городѣ хлѣбъ и харчъ всякій и живность всякая и рыба и фрукты всякіе дешево, и есть всего въ томъ городѣ довольно. И поѣхавъ я изъ

того города, пріѣхалъ того же числа на ночь въ городъ Венецкой же державы, которой зовется Молтъ-Селизе, и сталъ въ остаріи, которая зовется Шетекеза, отъ Рувига 14 миль Ит. По той дорогѣ отъ Рувига, отъѣхавъ недалеко, пріѣхалъ я къ рѣкѣ, которая называется Лядиже, или Фиме, и ту рѣку перевозился на паромѣ, которой поромъ сдѣланъ зѣло штучно: ходитъ черезъ ту рѣку безъ работы людской; только одинъ человѣкъ стоитъ на кормѣ и правитъ сапцомъ. На той рѣкѣ много есть мельницъ, которыя сдѣланы на судахъ изрядною штукою. И, переѣхавъ ту рѣку, ѣхалъ до города Молтъ-Селизе ровными мѣстами, горъ никакихъ нѣтъ, по обѣ стороны той дороги много деревъ ивовыхъ, между которыми множество виноградовъ красныхъ; также есть пашни и сѣнокосы и болота. Много тутъ и жилья строенія каменнаго, есть домы предивные и зѣло великіе, въ которыхъ палаты изрядныя построены изрядною архитектурою и мастерствомъ предивнымъ. Также есть изрядные сады съ плодовитыми деревьи, съ цвѣтами разными, изрядною препорціею построены; тутъ же многія есть текучія воды, черезъ которыя переѣзжалъ я по каменнымъ мостамъ; также по обѣ стороны дороги и вокругъ виноградовъ прокопаны рвы широкіе и глубокіе, и пропущены воды. Городъ Молтъ-Селизе Венецкой, строеніе въ немъ все каменное, стоитъ при высокой горѣ. За̀мокъ того мѣста построенъ на верху той горы и зѣло крѣпокъ. Тотъ городъ невеликъ, а хлѣбъ и харчъ всякій и живность и рыба и всякіе фрукты недорого, и есть всего довольно, и вина виноградныя красныя изрядныя сладкія. Въ томъ городѣ въ помяненной остаріи я того числа ужиналъ и ночевалъ, гдѣ мнѣ отведена была изрядная палата, обита кожами золочеными, и въ ней столы, стулы и кресла изрядныя и кровать изрядная жъ золоченая и постеля съ чистыми простынями и одѣяло атласное; въ той же палатѣ картинъ изрядныхъ и зеркалъ великихъ много.

Августа въ 28-й день. Поутру рано я изъ того города поѣхалъ къ городу Падвѣ. По той дорогѣ много жилья подлаго народу, а строеніе все каменное; между тѣмъ жильемъ многіе домы великіе и предивные, въ которыхъ домахъ палаты великія и зѣло стройныя изрядною архитектурою построены; также сады есть съ изрядными плодовитыми деревьи и съ кипарисами и огороды изрядные, въ которыхъ подѣланы цвѣтники предивные и наполнены цвѣтовъ изрядныхъ разныхъ родовъ. По той же дорогѣ есть многія каменныя каплицы. Отъ города Молтъ-Селизе до Падвы течетъ вода, прокопная шириною въ 10 сажень и глубока, по которой водѣ изъ

Падвы въ Молтъ-Селизе и паки оттуды въ Падву ходятъ немалыя барки съ дровами и каменьемъ и со всякими потребами. Черезъ ту прокопную воду во многихъ мѣстахъ подѣланы мосты каменные изрядные, широкіе, по которымъ безъ нужды можно въ каретахъ разъѣзжатися. При тѣхъ мостахъ на той же прокопной водѣ подѣланы изрядныя мельницы, амбары каменные и при одномъ амбарѣ по четыре колеса и по пяти. Отъ города Молтъ-Селизе до Падвы 10 миль Ит. Дорога вся ровная, горъ нѣтъ и не камениста, по обѣ стороны по полямъ много саженныхъ деревъ растутъ: березы, осины, ивы и дубью и иныя, а са́жены изрядною препорціею, и между того деревья множество виноградовъ растетъ, оплетаяся около того деревья, и приносятъ плодъ красный и бѣлый, а паче больше краснаго. Также по обѣ стороны той дороги есть пашни, по которымъ сѣютъ пшеницы и проса; тутъ же и сѣнокосныя мѣста изрядныя, а въ иныхъ мѣстахъ есть и болота.

Того жъ числа въ четвертомъ часу дня пріѣхалъ я въ городъ Падву и сталъ въ остаріи и стоялъ въ ней до 8-го часа того дня, а въ 8-мъ часу изъ Падвы поѣхалъ.

Падва есть мѣсто великое Венецкой провинціи, а каково то мѣсто, о томъ писалъ я въ сей книгѣ выше сего подлинно.

Того жъ числа фурманъ мой просилъ меня о томъ, чтобы ему меня изъ Падвы до Местра въ коляскѣ не везть, а нанять бы ему мнѣ изъ Падвы до Венеціи судно, которое называется піота, и въ той бы піотѣ ѣхать мнѣ изъ Падвы до Венеціи водою. И по тому его прошенію я ему то учинить поволилъ, и онъ нанялъ мнѣ одну піоту, въ которой я того жъ числа по обѣдѣ изъ Падвы поѣхалъ въ Венецію и ѣхалъ тѣми водами, которыя учинены для проѣзду отъ Венеціи до Падвы и изъ Падвы до Венеціи, о которыхъ я прежде сего писалъ подлинно въ сей книгѣ.

Того жъ числа въ той піотѣ пріѣхалъ я изъ Падвы въ Венецію въ 6-мъ часу ночи и сталъ въ остаріи, которая называется Леонбанко. Въ той остаріи хозяинъ отвелъ мнѣ палату, въ которой я стоялъ Августа до 30-го числа и платилъ на сутки за палату и за пищу и за постелю и за всякія потребы по дукату за себя Венецкой монеты, а Московскихъ денегъ въ дукатѣ 15 алтынъ.

Августа въ 30-й день. Нанялъ я себѣ домъ, въ которомъ было мнѣ палатъ довольно со всякими уборами и въ тотъ домъ изъ остаріи Леонбанко съѣхалъ сего Августа въ 30-й день. За тотъ домъ платилъ я на мѣсяцъ по 6 дукатовъ Венецкихъ. Въ томъ домѣ па-

латъ мнѣ и солдату, которой былъ со мною, и человѣку моему было довольно, а пищу себѣ и солдату и человѣку своему я покупалъ особо кромѣ той платы 6 дукатовъ; также свѣчи и иныя потребы покупалъ особо жъ; только въ томъ домѣ были столы, стулы, креслы, шкафы и постели готовые, также поварня въ томъ домѣ и суды всякіе были хозяйскіе. И стоялъ въ томъ домѣ я одинъ мѣсяцъ, а Сентября въ 30-й день изъ того дому съѣхалъ на другой домъ, нанялъ себѣ новый домъ близко Греческой церкви св. Георгія, гдѣ живетъ Греческій митрополитъ.

Въ томъ домѣ была палата мнѣ изрядная, обита вся червчатыми камками изрядными, и зеркалы, и картины въ ней изрядныя жъ и всякія потребы нужныя, также и кровать предивная золоченая и постеля изрядная. Солдату и человѣку моему покои были изрядные жъ, и поварня была со всякими судами хозяйская жъ, а пищу себѣ и солдату и человѣку своему покупалъ я отъ себя, и стоялъ я въ томъ домѣ Октября до 28-го числа, а заплатилъ за него 8 дукатовъ Венецкихъ.

Октября въ 25-й день. Прислалъ ко мнѣ съ Москвы письмо бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, а въ немъ пишетъ:

„Государь мой Петръ Андреевичъ, здравіе твое да сохранитъ Господь во вѣки, чего я истинно желаю; а о себѣ тебѣ, мой государь, извѣствую, что за помощію Божіею живъ на Москвѣ Сентября въ 29-й день. Еще милости твоей извѣстно чиню, что указано всѣмъ стольникамъ, которые познали науку, быти къ Москвѣ изъ Венеціи и изъ Амстердама и, если воля твоя будетъ, изволь ѣхать безъ опасности. Ѳедька Головинъ. Съ Москвы, Сентября въ 29-й день.“

По тому письму говорилъ я съ мастерами своими, чтобъ они о наукахъ моихъ дали мнѣ свидѣтельствованные листы, на которыя мои слова мастеры мои, чего я былъ достоинъ, дали мнѣ листы со свидѣтельствомъ.

Учитель мой, который меня училъ вещей математическихъ, далъ мнѣ свидѣтельствованный листъ, а въ немъ пишетъ:

„Во имя Христово. Аминь.

Бываютъ науки предивный щитъ людямъ, а особливо гоноромъ породнымъ; не есть дивно, что они повинны съ великою охотою прикладатися до такъ тяжкаго изобрѣтенія, а нижеподписанный имѣлъ явное того дѣла испытаніе, и съ моею присягою подтверждаю, что подалъ уразумѣніе наукъ математицкихъ теоричныхъ

и практичныхъ, безъ которыхъ никто доступить не можетъ совершенной науки морской, т. е. прежде училъ сферы армилярной, глобусовъ небесныхъ и земныхъ со всѣмъ цѣлымъ трактатомъ науки морской. Былъ моимъ ученикомъ его милость господинъ Петръ Андреевичъ, дворянинъ Московскій маестату пресвѣтлаго величества царскаго, которой со всякой усильностью трудился и былъ достойной до той науки и нынѣ есть обрѣтенной, способной и годной и заслуженной быть припущенной до порядковъ, принадлежащихъ до навтики, на волю и диспозицію каждаго бѣглаго въ той наукѣ, что для увѣренія моею рукою власною подписую и означаю моею власною печатью изъ моей школы отъ математики. Дня 27 Октября лѣта Господня 1698."

У подлиннаго письма подпись руки учителевой сице: „Ксендзъ Петръ Луціаній Венетъ, майстеръ и профессоръ."

Подлинный листъ объявленъ Венецкому князю и подписанъ канцлерской рукою сице:

„Чиню вѣрность я, нижеподписанный канцлеръ, яко видѣлъ отъ велебнаго отца Петра Луціана въ томъ мѣстѣ вышеписанное письмо, которое чрезъ меня канцлера показанному принесъ свою присягу, что писано его власною рукою и печатано его печатью, на что для лучшаго увѣренія означено. Писано есть въ Венеци дня 27-го мѣсяца Октября лѣта Господня 1698-го, безо всякаго записанія. Я, Янъ Петръ Россій, публичный Венецкій канцлеръ для увѣренія рукою власною писалъ, подписалъ и назначилъ."

Тотъ вышеписанный листъ предъ самимъ княземъ Венецкимъ чтенъ и записанъ въ книгу, а на учителя моего помяненнаго Петра Луціана и на его листъ и на науку отъ князя Венецкаго данъ листъ, писанъ на пергаментѣ, и печать приложена оловянная, а въ томъ листѣ пишетъ самого князя Венецкаго подтвержденіе сице:

„Селиверстъ Валеріо, Божіею милостію князь Венецкій, всѣмъ и каждому особно такъ пріятелямъ, яко и инымъ вѣрнымъ, тотъ нашъ листъ видящимъ, знать даемъ, что канцлеръ Петръ Россій, которой въ день сего мѣсяца 27-й призналъ подпись велебнаго отца Петра Луціана, которой есть добрыхъ учинковъ и доброй славы, и его письму здѣсь и повсюду полное увѣреніе дано быть повинно. Записалося въ нашей княжеской палатѣ дня 27-го Октября подъ индикціею шестаго лѣта Господня 1698-го. Доминикъ Баллій."

Потомъ мастеръ мой капитанъ морской далъ мнѣ отъ себя свидѣтельствованной же листъ о морской наукѣ, а въ немъ пишетъ:

„Не есть большаго аргументу великости добраго сердца господскаго яко прикладатися до учениковъ высокихъ и до наукъ изрядныхъ, съ которыми примножается ясность фамиліи высокихъ и честно-урожденныхъ; такимъ далъ познатися его милость господинъ Петръ Андреевичъ, дворянинъ Московскій, которой, будучи подъ моею дирекціею капитанскою, желая понять науку морскую,

не только хотѣлъ приложитися до наукъ теоричныхъ, но тожъ имѣлъ чинить и практикою, когда вселъ на корабль Св. Елисаветы моимъ повелѣніемъ купно со единымъ солдатомъ и, плавая по морю въ мѣсяцахъ и въ часахъ небезстрашныхъ, показалъ силу отважности своей, въ припадкахъ несчастливыхъ, прикладаяся до всякаго труда такъ въ наукѣ буссола и карты морской, яко и во усмотрѣніи мѣстъ, гдѣ есть маловодныя и каменистыя и иныя мѣста не безопасныя на морѣ; также прикладаяся до разсужденія тимона и до употребленія деревъ и парусовъ и сортіямовъ, т. е. веревокъ, которымъ имена познялъ зѣло добро и все, какъ и когда имѣетъ употреблятися и до чего суть потребны для дирекціи морской корабля и галеры; также прикладаяся совершенно до употребленія пушекъ и до всякой иной вещи потребной до той науки и до употребленія парусовъ и веревокъ и иныхъ вещей, которыя надлежати повинны такъ для корабля, какъ и для галеры. Также взялъ совершенную вѣдомость вѣтровъ и всякую практику для употребленія корабля и галеры; а, хотя жъ и не была оказія до битвы, однакожъ съ практики взялъ доскональную вѣдомость и познаніе и есть способнымъ достаточно. Я для того, чтобы былъ познанный за способнаго и годнаго до того уряду, я для того чиню вѣру и совершенное даю свидѣтельство на всякомъ мѣстѣ и во всякомъ времени, чтобъ ото всѣхъ за такого былъ познанной, и для лучшей вѣры тотъ листъ нынѣшній обрѣтается подписанъ моею власною рукою и печатанъ моею обыкновенною печатью. Дается дня 27-го Октября 1698-года въ Венеціи.“

У подлиннаго листа внизу подписано капитанскою рукою сице: „Я, капитанъ Георгій Раджи, вышепомяненной, подтверждаю яко выше.“ У того жъ листа печать капитанская.

Потомъ при отъѣздѣ своемъ изъ Венеціи былъ я у Венецкаго князя, кланялся ему при отъѣздѣ своемъ и благодарствовалъ за любовь его, которую онъ являлъ ко мнѣ въ бытность мою въ Венеціи, и князь Венецкой любовно меня изъ господства своего отпускалъ и при самомъ моемъ отъѣздѣ прислалъ ко мнѣ секретаря своего, которой называется Савони, велѣлъ меня ему съ любовью проводить и съ нимъ прислалъ ко мнѣ отъ лица своего листъ, писанъ на пергаментѣ подъ золотымъ гербомъ Венецкаго княженія подъ изображеніемъ льва, что являетъ образъ св. Евангелиста Марка, а въ томъ листѣ пишетъ сице:

„Селиверстъ Валерій, вождь, князь Венецкій.

Честнѣйшему господину Петру Андреевичу, дворянину престола царя Московскаго и всѣмъ такъ пріятелямъ, яко и инымъ вѣрнымъ листъ нашъ видящимъ здравія желаю. Сердца твоего смиреніе между иными твоими товарищами народа твоего такъ намъ явно быть показалось, что въ томъ нашемъ Венецкомъ мѣстѣ пребывающаго и изъ нашего государства до отеческихъ пороговъ возвращающагося нашими тебя въ ту дорогу умыслили отпроводити листами и тѣми для твоего постоянства и особливой науки

во свидѣтельствѣ вещей военныхъ по морю всѣмъ и всякому особно и самому также (ежели бы того потребно было наисильнѣйшему монарху твоему) вручаю листъ, для чего не въ силѣ тѣхъ листовъ нашихъ знать даемъ, яко честнѣйшій Петръ Андреевичъ, дворянинъ престола царя Московскаго, прилежно около наукъ своихъ имѣя прилежаніе такъ теоричныхъ, яко математичныхъ до науки морской надлежащихъ, яко и въ самой практикѣ до лучшаго понятія трудностей морскихъ явное труда своего приложилъ прилежаніе, когда по оповѣданію предъ нами разныхъ капитановъ, а особливо капитана нашего морскаго на кораблѣ Св. Маріи Елисаветы Ивана Лазаревича, явно намъ далося слышать, что помяненной Петръ Андреевичъ лѣта 1697-го во время осени въ дорогу морскую пустился, гольфу нашу преѣзжалъ, на которой чрезъ два мѣсяца цѣлыхъ былъ неустрашенной въ бурливости морской и въ фалѣ фортунъ морскихъ не устрашился, но во всемъ съ тѣми непостоянными вѣтрами шибко боролся и зѣло того желалъ, чтобъ непріятеля креста Христова обрѣвши на морѣ, и съ нимъ бы бился, до которой его охоты тогда ему такой оказіи Богъ не допустилъ. Обаче напрасно времени не тратилъ, паки нынѣшняго лѣта поворотился на море и, преѣхавши гольфы наши на фрегадонѣ, пустился землею, чтобъ въ скорыхъ часахъ пріѣхалъ на море Медитеранское, гдѣ, всѣдши на другой бастиментъ, ѣхалъ чрезъ Калабрію и Цицилію, гдѣ встрѣтился съ Турецкими кораблями, которые за ними гонили даже до самаго Мальту, до котораго пріѣхавши, для вѣры христіанской и для почтенія народу своего, желалъ на галерѣ Мальтійской пуститься противъ непріятеля, самъ же непріятель утеченіемъ своимъ такой ему оказіи не допустилъ. Для его такой отважности и особливой науки и тихости въ бытность его въ нашемъ господствѣ наши ему дали листы, чтобъ на всякомъ мѣстѣ, гдѣ бъ того потребно было, и его славнымъ ученикамъ вѣра совершенная дана была и чтобъ ото всѣхъ до кого надлежитъ, за мужа смѣлаго, разумнаго и способнаго былъ принятой. Далося въ Венеціи, въ палатѣ нашей княжеской, дня 30-го Октября 1698-го года съ повелѣнія княжескаго. Ермій Баллій намѣстникъ канцлерскій подтверждаю то, что̀ выше".

У подлиннаго листа печать воображенія льва на красномъ воску въ желѣзной коробкѣ.

Потомъ выѣхалъ я изъ Венеціи, убрався со всѣмъ на берегъ, Октября въ 30-й день въ городъ Местеръ, отъ Венеціи 5 миль Ит. моремъ и воздалъ благодареніе Богу, что въ добромъ здоровьѣ съ моря на землю съѣхалъ и поѣхалъ къ своему государству.

Ноября въ 1-й день. Нанялъ я фурмановъ, которымъ меня и солдата, которой былъ со мною, и человѣка моего изъ Местра везть въ колясках до Вѣны и всякія при мнѣ бывшія вещи; а далъ за провозъ съ себя и съ солдата и съ человѣка своего отъ Венеціи до Вѣны по 7 золотыхъ червонныхъ, да въ томъ же уговорѣ всякому человѣку взять съ собою вещей своихъ по полтора пуда, а что̀ сверхъ того будетъ тягости, за то платить особо за

пудъ по золотому червонному отъ Венецiи до Вѣны. И, убрався, того числа изъ Местру поѣхалъ и прiѣхалъ ночевать въ городъ Тривизъ, отъ Местра 10 миль Итальянскихъ.

Ноября во 2-й день. Отъ Тривизу отъѣхавъ 10 миль Ит., переѣхалъ на паромѣ черезъ рѣку Пiяву, а за перевозъ платилъ съ персоны по лирѣ, того будетъ по 7 коп. Московскихъ. Отъ той рѣки отъѣхавъ Нѣмецкую милю, прiѣхалъ въ городъ Кенеманъ Венецкой державы, отъ Тривизу 15 миль Ит. Въ томъ городѣ ночевалъ. Тотъ городъ великiй, много въ немъ деревъ кипарисныхъ.

Ноября въ 3-й день. Прiѣхалъ въ городъ Шаделей Венецкаго владѣнiя, отъ Кенемана 15 миль Ит., тотъ городъ каменный, и прiѣхалъ того числа ночевать въ остарiю, которая называется Фаттомъ-Дадризо, тутъ ночевалъ, отъ города Шаделея три мили Итальянскихъ.

Ноября въ 4-й день. Прiѣхалъ обѣдать въ остарiю, которая называется Кардинала, отъ помяненной остарiи 8 миль Ит. Того жъ числа прiѣхалъ ночевать въ остарiю Провезакъ, отъ помяненной остарiи 10 миль Итальянскихъ.

Ноября въ 5-й день. Переѣхалъ рѣку Тяляменто въ двухъ мѣстахъ на паромахъ; та рѣка невелика, а быстра безмѣрно, и, переѣхавъ ее, обѣдалъ въ остарiи, которая называется Таяменъ, отъ помяненной остарiи 5 миль Ит. Оттуду прiѣхалъ ночевать въ остарiю, которая называется Сантомасей, отъ помяненной остарiи 10 миль Ит., и, не доѣзжая той остарiи, проѣхалъ городъ Санданалъ владѣнiя Венецкаго, стоитъ на горѣ, строенiе въ немъ все каменное.

Ноября въ 6-й день. Прiѣхалъ къ горамъ въ городъ Вендонъ. Въ томъ городѣ ночевалъ, стоялъ въ остарiи, которая зовется Кавалябянка, отъ помяненной остарiи 14 миль Ит. Въ томъ городѣ стоялъ до 8-го числа, для того что чрезъ всю ночь и день былъ дождь, и рѣка, которая была напереди моего пути, отъ дождя зѣло наводнилась и переѣхать ее было невозможно. Меня позвала нѣкорая нужда вскорѣ ѣхать въ Вѣну, а съ возами вскорѣ ѣхать не могъ, для того что горами путь прискорбной и зѣло было грязно, и я въ томъ городѣ Вендонѣ возы свои и солдата и человѣка покинулъ а самъ, нанявъ себѣ верховую лошадь, поѣхалъ одинъ напередъ, Ноября въ 8-й день, и прiѣхалъ на Итальянскую заставу, гдѣ заплатилъ съ лошади пошлину, и прiѣхалъ обѣдать на Цесарскую границу въ городъ Палтаву, отъ Вендона 8 миль Ит. Въ томъ

городѣ стоялъ въ остаріи Цесарской, которая зовется Аквилянегро. Того жъ дня пріѣхалъ почевать въ село Мольбергетъ и ночевалъ въ остаріи у Золотаго Солнца, отъ города Палтавы 5 миль Ит.

Ноября въ 9-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Орлштанъ и стоялъ въ остаріи, которая называется Мальтъ, отъ Мольбергета 3 мили Нѣмецкихъ. Того же дня пріѣхалъ почевать въ городъ Филокъ, отъ Орлштана 2 мили Нѣм.

Ноября въ 10-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Фелткирха, отъ Филока 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Сенфантъ, отъ Фелткирха 3 мили Нѣм.

Ноября въ 11 день. Пріѣхалъ обѣдать въ остарію, которая зовется Гіертъ, отъ Сенфанта 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ дни пріѣхалъ почевать въ остарію, которая зовется Потъ, отъ помяненной остаріи 2 мили Нѣмецкихъ.

Ноября въ 12-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Гунцморкъ, отъ помяненной остаріи 4 мили Нѣмецкихъ, и стоялъ въ остаріи, которая зовется Упайнресилъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Юдинбургъ, отъ Гунцморка 3 мили Нѣмецкихъ, и ночевалъ въ остаріи, которая зовется Пайнъ Гершинъ.

Ноября въ 13 й день. Пріѣхалъ обѣдать въ остарію Кубеницъ, отъ Юдинбурка 2 мили Нѣмецкихъ, Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Люимъ, отъ остаріи Кубеницъ Прукулъ 4 мили Нѣмецкихъ.

Ноября въ 14-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Прухтъ, отъ Люима 2 мили Нѣмецкихъ, и стоялъ въ остаріи Щварцъ-Кокъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Кинберхъ и стоялъ въ остаріи у Чернаго Орла, отъ Прухта 3 мили Нѣмецкихъ.

Ноября въ 15-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Мерцюлшлыхъ, отъ Кимберха 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ дня пріѣхалъ почевать въ село Шотвейнъ, отъ помяненнаго села 2 мили Нѣм.

Ноября въ 16-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Пратнаувтъ, отъ Шотвейна 10 миль Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Налштатъ, отъ помяненнаго села 2 мили Нѣмецкихъ. Въ томъ городѣ стоялъ въ остаріи у Чернаго Орла и лошадь свою, на которой ѣхалъ, тутъ покинулъ и нанялъ себѣ коляску до Вѣны, далъ четыре Римскихъ, того золотой червонный, и поѣхалъ Ноября въ 17-й день поутру и пріѣхалъ того числа обѣдать въ село

Траскиркъ, отъ Налштата 14 миль Нѣмецкихъ, и стоялъ въ остаріи у Бѣлаго Лебедя и того дня далѣ не могъ ѣхать, для того что была безмѣрная погода снѣжная и вѣтръ, и всю дорогу занесло снѣгомъ; для того въ томъ селѣ почевалъ.

Ноября въ 18-й день. Поутру изъ Траскирха пріѣхалъ въ ко ляскѣ въ Вѣну и сталъ въ остаріи у Чернаго Орла за городомъ, на берегу рѣки Дуная. Въ той остаріи отвели мнѣ изрядную палату со всякими потребами и съ постелью на изрядной кровати; и платилъ я въ той остаріи за палату и за постелю и за пищу и за всякія потребы на сутки по ефимку и стоялъ въ той остаріи Ноября до 30-го числа.

Ноября въ 28-й день. Былъ я въ Вѣнѣ въ костелѣ святаго Стефана. Тотъ день у католиковъ былъ праздникъ Зачатіе Св. Анны, и въ тотъ день въ костелѣ св. Стефана былъ цесарскій сынъ Іосифъ, король Венгерскій, стоялъ на своемъ мѣстѣ на хорахъ, гдѣ ставится цесарь. Съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, опущенъ былъ въ костелъ коверъ бархатный червчатый съ кружевомъ, другой коверъ обьеринный золотной. При немъ стояли его ближніе люди, а на низу въ костелѣ противъ мѣста его стояла гвардія, т. е. солдаты съ алебардами, великая и играли на разныхъ инструментахъ и на трубахъ и на литаврахъ. На королѣ Іосифѣ платье было Французское черное.

Ноября въ 30-й день. Въ пятомъ часу дня поѣхалъ я изъ Вѣны и переѣхалъ рѣку Дунай въ четырехъ мѣстахъ по мостамъ и пріѣхалъ ночевать въ остарію, которая называется Штаруштаверъ, отъ Вѣны полъ 2 мили Нѣмецкихъ.

Декабря въ 1-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Каупашторъ, отъ Штаруштавера 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Бешкель, отъ помяненнаго мѣстечка 2 мили Нѣмецкихъ.

Декабря во 2-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ остарію Деикъ, отъ помяненнаго мѣстечка полъ 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать на мельницу, отъ остаріи полъ 2 мили Нѣмецкихъ, а не доѣхавъ той мельницы за милю, проѣхалъ городъ Николшпуркъ, о которомъ я писалъ подлинно выше сего въ сей книгѣ. И отъ Николшпурка пошла Моравская граница и земля.

Декабря въ 3-й день. Поѣхалъ оттуды и пріѣхалъ обѣдать въ деревню Яцино, 2 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Вицы, отъ Яцина 1 миля.

Декабря въ 4-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Вышковъ, полъ 4 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Бродокъ, онъ Вышкова одна миля.

Декабря въ 5-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Кральнецъ, отъ Бродка 2 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Цесарскій городъ Ульмунцъ, отъ Кральнеца 2 мили Нѣмецкихъ. О городѣ Ульмунцѣ писалъ я въ сей книгѣ подлинно выше сего.

Декабря въ 6-й день. Пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Берокъ, отъ Ульмунца 3 мили Нѣмецкихъ.

Декабря въ 7-й день. Поѣхалъ изъ мѣстечка Берока и пріѣхалъ обѣдать къ рѣкѣ Морѣ отъ Берока 2 мили Нѣм. Та рѣка раздѣляетъ Моравію со Шленской землею. Того жъ дни пріѣхалъ почевать отъ рѣки Моры 2 мили Нѣмецкихъ къ корчму Герлицъ.

Декабря въ 8-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Качицы, отъ Герлица 15 миль Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Цесарскій городъ Раценбуръ, отъ Качицъ 2 мили Нѣмецкихъ. О томъ городѣ писалъ я въ сей книгѣ выше сего подлинно.

Декабря въ 9-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ деревню Енковичъ, отъ Рацибура полныхъ 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Пулховецъ, отъ Енковичъ полныхъ 3 мили Нѣмецкихъ.

Декабря въ 10-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Гливицы, отъ Пулховицъ 1 миля Нѣмецкая. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Цесарскій Терновыя Горы, отъ Гливицъ 3 мили Нѣм. О томъ городѣ писалъ я въ сей книгѣ выше сего.

Декабря въ 11-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ деревню Сару, отъ Терновыхъ Горъ 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа переѣхалъ рѣку Каменицу, та рѣка граничитъ Цесарскую землю съ Польшею. Отъ деревни Сары до границы 2 м. Нѣм. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Збовъ, отъ границы 1 м. Нѣмецкая и полъ.

Декабря въ 12-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Ченстоховъ въ Польскій городъ, отъ Збова одна миля Польская и полъ, и того дни былъ я въ Ченстоховскомъ монастырѣ у чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы во время обѣдни. О томъ монастырѣ подлинно писалъ я въ сей книгѣ выше сего. Того жъ дни пріѣхалъ ночевать въ село Радомокъ, отъ Ченстохова 3 мили Нѣмецкихъ.

Декабря въ 13-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Радомской, отъ Радомокъ 3 м. Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Горольдокъ, отъ Радомока 2 м. Польскихъ и полъ.

Декабря въ 14-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Распря, отъ Горольдока Польскихъ 2 м. полныхъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Польской городъ Петроковъ, отъ Распри 2 м. Польскихъ.

Декабря въ 15-й день. Стоялъ въ Петроковѣ до полудни, для того что въ тотъ день у католиковъ былъ праздникъ Рождества Христова, и фурманъ мой поутру ѣхать не хотѣлъ, былъ въ костелѣ. Того жъ дни пріѣхалъ ночевать въ корчму Заборовъ, отъ Петрокова 4 мили Польскихъ.

Декабря въ 16-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Равву, отъ Заборова 4 мили Польскихъ. То мѣстечко немалое, въ немъ два костела каменныхъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Бобскъ, отъ Раввы 2 мили Польскихъ.

Декабря въ 17-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Мстяновъ, отъ Бобска 3 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ корчму Борецъ, отъ Мстянова 3 мили Польскихъ.

Декабря въ 18-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Варшаву, отъ Борца 4 мили Польскихъ. Городъ Варшава столица Польская, писалъ я объ ней подлинно въ сей книгѣ выше сего. Въ сихъ числахъ короля Польскаго въ Варшавѣ не было, былъ въ Литвѣ въ Гроднѣ. И жилъ я въ Варшавѣ до 24-го Декабря, наймывалъ фурмановъ.

Декабря въ 24-й день. Выѣхалъ изъ Варшавы поутру рано и стоялъ у рѣки Вислы до 6-го часа дня за тѣмъ, что дождь и вѣтръ былъ великій, и паромъ былъ на другой сторонѣ. И того дни переѣхалъ рѣку Вислу и ночевалъ въ Прагѣ у Вислы.

Декабря въ 25-й день, т. е. въ день Рождества Христова, обѣдалъ и ночевалъ тутъ же въ Прагѣ.

Декабря въ 26-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Окуневъ, отъ Праги 3 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Михалеву, отъ Окунева 1 миля Польская.

Декабря въ 27-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Доброе, отъ Михалева 3 мили Польскихъ и полъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ корчму Маковецъ, отъ Добраго полмили Польскихъ.

Декабря въ 28-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Ливецъ, отъ Маковца 3 мили Польскихъ и полъ. Того жъ дни и ночевалъ въ томъ же селѣ, для того что подъ тѣмъ селомъ рѣка Ливецъ разлилась, и переѣхать ее было невозможно.

Декабря въ 29-й день. Поѣхалъ въ объѣздъ и пріѣхалъ въ село Фортецы воеводы Кіевскаго, отъ Ливца одна миля Польская. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Старводу, отъ Фортецова 2 мили Польскихъ.

Декабря въ 30-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Старовецъ, отъ Старводы 5 миль Польскихъ, а рѣку Ливецъ переѣзжалъ подъ тою деревнею, гдѣ ночевалъ, по мосту. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣсто Венгровъ, отъ Старовеца одна миля Польская. Мѣстечко Венгровъ на рѣкѣ Ливцѣ, та рѣка Ливецъ раздѣляетъ Мазовшу съ Подляшіемъ.

Декабря въ 31-й день. Изъ Венгрова поѣхалъ по обѣдѣ и пріѣхалъ ночевать въ деревню Кремень къ рѣкѣ Бугу, отъ Венгрова 5 миль Польскихъ.

1699-й годъ.

Генваря въ 1-й день. Поѣхавъ изъ деревни Кременя, переѣзжалъ рѣку Бугъ на паромѣ. Перевозъ былъ самый трудный, для того что закраины были великія, и переѣхалъ съ великимъ трудомъ, а, переѣхавъ, на берегу той рѣки въ корчмѣ и обѣдалъ и того жъ дни пріѣхалъ ночевать въ деревню Городицы, отъ рѣки Бугу 2 мили Польскихъ.

Генваря во 2-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Буцъ, отъ Городицъ 3 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Бѣльскъ, отъ Буцка 2 мили Польскихъ. Въ томъ городѣ есть церковь благочестивая Чудотворца Николая.

Генваря въ 3-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ корчму Гнильшицъ, отъ Бѣльска 2 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Наровъ, отъ корчмы 2 мили Польскихъ. То село на рѣкѣ на Наровѣ, которая рѣка раздѣляетъ Корону съ Литвою.

Генваря въ 4-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ корчму на лѣсу, отъ Нарвы 2 мили Польскихъ. Подъ селомъ Нарвою переѣзжалъ рѣку Нарову по мосту и переѣхалъ мостъ; трудная мнѣ переправа

была, для того что ледъ былъ некрѣпкій. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Еловку, отъ корчмы 2 мили Польскихъ.

Генваря въ 5-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ деревню Студень, отъ Еловки 4 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ почевать въ мѣстечко Лысковъ, отъ Студени 3 мили Польскихъ.

Генваря въ 6-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Рожаный, отъ Лыскова 3 мили Польскихъ. То мѣстечко великое гетмана Литовскаго Сапѣги, живутъ въ немъ все уніаты, одна церковь каменная уніатская, а другая деревянная Римская. Того жъ числа пріѣхалъ почевать въ село Девятковичи, отъ Рожаной 3 мили Польскихъ.

Генваря въ 7-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Журавичи, отъ Девятковичей 2 мили Польскихъ. Въ Журавичахъ есть монастырь уніатскій, въ томъ монастырѣ церковь великая каменная, въ той церкви стоитъ чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы Журавицкой, икона самая малая, округлая, малымъ чѣмъ больше ефимка, сдѣлана мастерствомъ рѣзнымъ на камени на аспидѣ; стоитъ та икона на правой сторонѣ царскихъ дверей, украшена золотомъ, и каменью, алмазовъ, яхонтовъ, изумрудовъ, лаловъ около той иконы въ украшеніи немало. Былъ я въ той церкви во время литургіи, служилъ обѣдню попъ уніатскій на большомъ престолѣ въ алтарѣ съ дьякономъ Славянскимъ азыкомъ, поютъ тамъ покіевски, пѣли при мнѣ во время той литургіи партесъ на хорахъ на 8 голосовъ. Въ той же церкви много подѣлано предъ святыми иконами престоловъ Римскихъ. Братіи въ томъ монастырѣ 50 человѣкъ, всѣ уніаты, одежды носятъ какъ монахи Греческаго закону, и называются тѣ уніаты, Базильяне, т. е. закону св. Василія Великаго. И былъ я въ томъ монастырѣ у намѣстника въ кельѣ. Въ томъ же монастырѣ есть другая каменная церковь; въ той церкви камень, на которомъ явился вышеписанный чудотворный Пресвятыя Богородицы образъ, и многое, сказываютъ, исцѣленіе недужнымъ отъ того камени бываетъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Полонку, отъ Журавичъ 2 мили Польскихъ.

Генваря въ 8-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Стволовичъ, отъ Полонки 4 мили Польскихъ. Тогожъ числа пріѣхалъ ночевать въ корчму Вольну, отъ Стволовичъ 2 мили Польскихъ.

Генваря 9-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Миръ, отъ Вольны 3 мили Польскихъ, и въ Мирѣ стоялъ до 11-го числа, для того что того жъ дни пріѣхалъ въ Миръ стольникъ Литовскій

Сапѣга и поѣхалъ прежъ меня переѣзжать рѣку Немолтъ, а съ нимъ было зѣло людно, и я того ожидалъ какъ онъ рѣку Немолтъ со всѣми своими переѣдетъ.

Генваря въ 11-й день. Поѣхавъ изъ Миру, переѣхалъ рѣку Немолтъ на паромѣ, отъ Миру полъ 2 м. Польскихъ, и пріѣхалъ обѣдать въ корчму Засулью, отъ Немолта полныхъ 3 м. Польскихъ, а отъ Миру 4 м. Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Кайданово, отъ Засулья 3 м. Польскихъ и полъ.

Генваря въ 12-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ корчму Вязинъ, отъ Кайданова полъ 2 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Минскъ, отъ Вязина полныхъ 4 мили Польскихъ, и стоялъ въ Минску 2 дни для того что перекладывался съ телѣгъ въ сани.

Генваря въ 14-й день. Поѣхалъ ночевать въ корчму Городище, отъ Минска полъ 4 мили Польскихъ.

Генваря въ 15-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Смолевичи, отъ Городища полъ 4 мили Польскихъ. Въ томь селѣ есть Греческой вѣры церковь. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Борисовъ, отъ Смолевичъ 7 миль Польскихъ, и въ Борисовѣ былъ у образа Пресвятыя Богородицы, о которомъ я въ сей книгѣ писалъ выше сего, и на томъ образѣ чернаго мѣста прибыло много предъ тѣмъ, какъ я видѣлъ тотъ святой образъ, ѣхавъ съ Москвы.

Генваря въ 16-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Начу, отъ Борисова 6 миль Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Крупецъ, отъ Начи 2 мили Польскихъ.

Генваря въ 17-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Славенъ, отъ Крупеца 5 миль Польскихъ, а не доѣхавъ до того села за двѣ мили, проѣхалъ мѣстечко Бобръ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Переволочну, отъ Славени 5 миль Польскихъ, а недоѣхавъ той деревни за 3 мили, проѣхалъ мѣсто великое, которое называется Толочинъ.

Генваря въ 18-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Оршу, отъ Переволочни 6 миль Польскихъ. Городъ Орша мѣсто было немалое, замокъ былъ каменный, а нынѣ развалился, и въ городѣ все пусто стоитъ. Орша на рѣкѣ на Днѣпрѣ. Въ Оршѣ 4 кляштора Римскихъ, Езувитскій, Бернадынскій, Домниканскій, Францишкан-

скій, а кромѣ того Римскихъ костеловъ нѣтъ, и народу больше Греческой вѣры, церкви всѣ Греческія, уніатовъ и церквей ихъ въ Оршѣ нѣтъ. Въ Оршѣ на другой сторонѣ Днѣпра рѣки есть монастырь Греческой вѣры, зовется Кутейскій, тутъ же и другой такой же; въ одномъ живутъ монахи, въ другомъ—монахини, въ томъ и чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы Смоленской. Въ Оршѣ я ночевалъ, для того что лошади фурманскія, на которыхъ я ѣхалъ, пристали.

Генваря въ 19-й день. Подъ Оршею переѣхалъ Днѣпръ рѣку по льду и пріѣхалъ обѣдать въ городъ Дубровну, отъ Орши 3 мили Польскихъ. Городъ Дубровна не гораздо великъ, около его валъ земляной на рѣкѣ на Днѣпрѣ. Въ томъ городѣ три церкви Греческихъ деревянныя; одна во имя чудотворца Николая, строенія изряднаго. Въ Дубровнѣ люди живутъ мало не всѣ Греческой вѣры, уніатской нѣтъ ни одной церкви. Въ томъ же городѣ одинъ костелъ Римскій, при немъ живутъ Барнадины; въ томъ же городѣ немало Жидовъ, пребываютъ домами. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Баево, отъ Дубровны 5 миль Польскихъ. Подъ Дубровною я Днѣпра не переѣзжалъ.

Генваря въ 20-й день. Отъ села Баева отъѣхавъ пол-мили Польской, пріѣхалъ на границу Московскую къ рѣкѣ Ивотѣ. Та рѣчка граничитъ Московское государство съ княжествомъ Литовскимъ; и пріѣхалъ обѣдать того дня въ дворцовое село Звѣровичи, отъ Боева 2 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ въ село Красное, отъ Звѣровичей 2 мили Польскихъ. Того жъ числа ночевать пріѣхалъ въ село Жерновки, отъ Краснаго 3 мили Польскихъ.

Генваря въ 21-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Смоленскъ.

Генваря въ 23-й день. Поѣхалъ изъ Смоленска и пріѣхалъ обѣдать въ ямскую слободу близъ села Пнёва, отъ Смоленска 40 верстъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Быково, отъ Пнева 25 верстъ.

Генваря въ 24-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Дорогобужъ, отъ Быкова 15 верстъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Чеботово, отъ Дорогобужа 30 верстъ.

Генваря въ 25-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Вязьму, отъ Чеботова 40 верстъ. Тогожъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Царево-Займище, отъ Вязьмы 40 верстъ.

Генваря въ 26-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Острожскъ, отъ Царева-Займища 40 верстъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Можайскъ, отъ Острожска 30 верстъ.

Генваря въ 27-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ вотчину боярина князя Бориса Алексѣевича Голицина, въ село Вязему, отъ Можайска 60 верстъ. Того жъ числа пріѣхалъ въ 3-мъ часу ночи въ царствующій градъ Москву въ домъ свой въ добромъ здоровьѣ, за что̀ благодарилъ Всемилостиваго Господа Бога и Пресвятую Богородицу и угодниковъ Божіихъ, что изъ такъ далекихъ краевъ и изъ нужнаго странствія волею Божескою возвратился во отечество свое въ добромъ здоровьѣ.

ПУТЕШЕСТВІЕ РУССКИХЪ КУПЦОВЪ ВЪ ТАШКЕНТЪ

1741—1742.

I.

Знакомство Россіи съ ея нынѣшними Туркестанскими владѣніями началось съ очень давнихъ поръ. Существуютъ извѣстія, что еще въ 1404 г. Русскіе торговые люди появлялись въ Самаркандѣ, куда привозили кожи, мѣха и льняныя ткани [1]). Возможно, что это былъ не первый и не единственный случай появленія Русскихъ торговцевъ въ глубинѣ Средне-азіатскихъ степей: подчиненіе Руси Монголамъ должно было очень рано вызвать торговыя сношенія Средней Азіи съ Сѣверо-восточной Европой. Но до конца XVI в., т. е. до покоренія Русскими Сибири, эти сношенія не могли быть часты; только съ этого времени начинаютъ завязываться болѣе правильныя и постоянныя торговыя связи Россіи съ Средней Азіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ подвигается впередъ и изученіе Русскими этого края.

Русскіе застали въ Сибири значительное число Бухарскихъ и др. Средне-азіатскихъ торговцевъ и переселенцевъ [2]). Большая ихъ часть приняла Русское подданство, пополняясь время отъ времени новыми пришельцами изъ Бухары, Хивы, Джунгаріи и др. Эти выходцы положили первое начало знакомству Русскихъ съ ихъ родиной.

Такую же роль играли и пріѣзжавшіе въ Сибирь торговцы изъ разныхъ Средне-азіатскихъ государствъ. Первоначально караваны ихъ появлялись только у озера Ямыша, а затѣмъ стали доходить и до новыхъ Русскихъ городовъ въ Сибири. Въ Сибирскихъ документахъ первыя упоминанія о торговыхъ сношеніяхъ съ Бухарой относятся къ городу Сургуту, подъ 1599 г. [3]) и къ Тобольску, подъ 1601 г. [4]).

Также рано должны были происходить и попытки Сибирскихъ промышленныхъ и торговыхъ людей проникнуть въ глубь Средней Азіи и *добраться* до прославленныхъ богатствомъ странъ ея. Сохранились извѣстія о хищническихъ набѣгахъ на Среднюю Азію Сибирскихъ и др. казаковъ. Самые ранніе набѣги на Хивинскій оазисъ произведены Яиц-

---

[1]) *Н. Аристова* „Промышл. древней Руси", 194, 196.

[2]) *Г. Н. Потанина* „О каравап. торговлѣ съ Джунгар. Бухаріей" („Чтенія въ Общ. Ист. и Др.", 1868, кн. 11, 68—71).

мики казаками въ первыхъ годахъ XVII в., подъ предводительствомъ атамановъ Нечая и Шамая, именно два набѣга [5]).

Всѣми этими путями зарождалось знакомство Русскихъ съ Среднеи Азіей. Русское правительство съ своей стороны скоро обратило вниманіе на изученіе безпокойныхъ Сибирскихъ сосѣдей. Въ «наказахъ» Сибирскимъ воеводамъ правительство требовало отъ нихъ собиранія «вѣстей» о Средне-азіатскихъ дѣлахъ. Усердное собираніе воеводами этихъ «вѣстей» проходитъ чрезъ весь XVII в., такъ что къ началу XVIII в. правительство уже начинаетъ выступать съ разными предпріятіями въ этой области (экспедиціи капитана Бухгольца и генералъ-маіора Лихарева въ Малую Бухарію, князя Бековича въ Хиву, капитана Ивана Унковскаго въ Джунгарію, Флоріо Беневени (Беньени) въ Бухару и Хиву, Гладышова и Муравина туда же и др.).

Однимъ изъ крупныхъ событій въ этой области было основаніе въ 1735 г. Оренбурга и другія предпріятія „Оренбургской экспедиціи“, Ив. Кирилова и его преемниковъ, вызванныя именно оживленіемъ торговыхъ и политическихъ сношеній съ Средней Азіей и надеждами на еще большее развитіе ихъ въ будущемъ [6]).

Дѣйствительно, торговыя сношенія съ Средней Азіей усиливаются въ XVIII в. Число Бухарскихъ, Кашгарскихъ, Хивинскихъ и др. каравановъ, приходившихъ въ Сибирскіе города, умножается съ каждымъ годомъ вплоть до 1750-хъ годовъ (т. е. до покоренія Китаемъ Джунгаріи). Въ тоже время Средне-азіатскіе караваны начали проникать и до Оренбурга [7]).

Русскіе торговые караваны также стали смѣлѣе прежняго углубляться въ Среднюю Азію, не смотря на опасность пути, особенно въ Калмыцкихъ и Киргизскихъ кочевьяхъ. Извѣстны за это время многіе случаи разграбленія Русскихъ каравановъ и убійства купцовъ въ Киргизскихъ ордахъ и въ Джунгаріи [8]). Однако, въ той же Джунгаріи не переводились Русскіе торговцы, и многіе изъ нихъ даже принимали подданство знаменитаго Джунгарскаго владѣльца *Галданъ-Церена*... Такъ, въ 1746 г. въ его владѣніяхъ проживало для торговли

---

3) См. въ Москов. Арх. Мин. Юст. *Сибирск. Прик.* кн. №1, л. л. 56—61.

4) Тамъ же кн. № 2, л.л. 26—27.

5) *Рычкова* „Топогр. Оренб. губ.“ *Миллера* „Сочиненія и переводы“, 1762 г., т. 11, с.с. 112—117.

6) *Рычковъ. Миллера* „Соч. и пер.“, 1762, т. 1, 604—5.—У Кирилова были блестящіе планы о покореніи Ташкента, Бадахшана, Балха и пр., о торговлѣ съ Индіей и т. п. (см. *Соловьева*, XX, 326—7, 335; *Н. А. Попова* „Татищевъ и его время“ 175—6). Подобными проэктами интересовался впослѣдствіи и Татищевъ (см. *Поповъ*, 362—5, 560—6).

7) *Потанинъ*, 43—66, 106; *Рычковъ* т. 1, 605—8.

8) *Потанинъ*, 87—88.

и для собиранія долговъ 20 Русскихъ купцовъ; а 23 мужчины и 2 женщины приняли его подданство и жили въ Угрѣ, Еркендѣ, Кашкарѣ и др. городахъ Малой Бухаріи. Это были чисто-Русскіе уроженцы (исключая одного Томскаго Татарина) Сибирскихъ городовъ, и Великорусскихъ—Устюга, Гороховца, Вологды и др. [9]).

Въ тоже время начинаютъ двигаться въ Среднюю Азію Русскіе караваны и изъ Оренбурга. Первый караванъ отсюда вышелъ въ Ташкентъ въ 1738 г., при В. Н. Татищевѣ. При караванѣ былъ отправленъ поручикъ Миллеръ, съ наказомъ добиться права безпошлинной торговли для Русскихъ купцовъ и разузнать о положеніи Ташкента и др. сосѣднихъ владѣній [10]). Но эта первая попытка кончилась полною неудачею: за два дня пути до Ташкента караванъ былъ разграбленъ Киргизъ-кайсаками Большой Орды [11]).

Однако эта неудача не остановила новыхъ попытокъ: такъ, въ 1741 г. вышелъ изъ *Орска* въ Ташкентъ караванъ *Вятскаго* Татарина *Шубая Арасланова, Курскаго* купца Семена *Дроздова и Казанскаго* Татарина *Мансура Юсупова.* Сохранилась любопытная „*сказка*“ Шубая Арасланова объ этомъ путешествіи. Она находится въ „*дѣлахъ Сената*“, въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи [12]).

„Сказка“ Арасланова была отправлена въ Сенатъ при „доношеніи“ тайнаго сов. Ив. Неплюева, отъ 27 Сентября 1742 г.

Араслановъ внимательно всматривался въ политическое и экономическое положеніе посѣщенныхъ имъ странъ, изучалъ торговые вопросы, наблюдалъ народный бытъ, отчасти природу края и все это передаетъ въ своей „сказкѣ“ въ довольно подробныхъ и яркихъ чертахъ.

II.

Караванъ Шубая Арасланова (родомъ изъ дер. Нижній Погостъ, Слободскаго уѣзда, Вятской провинціи) снарядился въ путь лѣтомъ 1741 г., въ Орской крѣпости, послѣ разрѣшенія, даннаго мѣстными начальниками—подполковникомъ Останковымъ и комиссаромъ Бобровскимъ. Къ Шубаю примкнули въ качествѣ компаньоновъ Курскій купецъ Семенъ Дроздовъ и Казанскій купецъ Мансуръ Юсуповъ. У каждаго изъ нихъ была своя партія товару и по нѣскольку работниковъ (изъ Русскихъ Татаръ).

Одинъ изъ главныхъ вопросовъ—наемъ проводника—удачно былъ рѣшенъ еще въ Орскѣ. Здѣсь купцы нашли очень надежнаго человѣка—Киргизъ-кайсака *Тюлекъ-батыря*, изъ Аргинской волости Сред-

---

9) Тамъ же, 66—68.

10) *Соловьевъ*, XX, 348.

11) *Рычковъ* т. 1, 608.

12) „Дѣла и приговоры Прав. Сената“ кн. № $^{5}/_{136}$, л. л. 185—196.

ней Орды. Тюлекъ согласился вести и охранять караванъ до Ташкента и обратно въ Орскъ за 100 р. Впослѣдствіи, находясь въ улусѣ Тюлека, Арасланов договорилъ въ проводники еще двухъ братьевъ его—Бердыша и Байгузко, за 20 р. туда и обратно.

Караванъ вышелъ изъ Орска въ Августѣ 1741 г. и черезъ 5 дней прибылъ въ Киргизскій улусъ на р. *Илекъ*, откуда были родомъ проводники. Здѣсь Арасланов простоялъ 20 дней, занимаясь окончательнымъ изготовленіемъ каравана въ путь (наймомъ лошадей, верблюдовъ и пр.) и выжидая попутчиковъ. Не найдя послѣднихъ, Русскіе купцы сами двинулись дальше. Шли они „тѣмъ улусомъ" около 4 дней, а затѣмъ вступили въ степь. Черезъ 20 дней они догнали 20 К.-кайсаковъ, также ѣхавшихъ съ товарами въ Ташкентъ. Русскій караванъ присоединился къ нимъ и шелъ вмѣстѣ до Туркестана.

На 18-й день движенія въ степи, не доѣзжая 5 верстъ до р. *Тургая*, съ караваномъ случилось несчастіе: неожиданно умеръ товарищъ Арасланова—Курскій купецъ Семенъ Дроздовъ. Произошло это такъ: во время остановки каравана передъ р. Тургаемъ, Дроздовъ съ нѣсколькими Киргизами поѣхалъ впередъ, чтобы осмотрѣть переправу черезъ рѣку и поохотиться на звѣрей. Отъѣхавши какъ-то въ сторону отъ своихъ спутниковъ, Дроздовъ въ рѣчныхъ камышахъ неожиданно натолкнулся на цѣлое стадо дикихъ *кабановъ*. Кабаны бросились на него, лошадь испугалась и шарахнулась въ сторону. Дроздовъ не усидѣлъ въ сѣдлѣ, свалился съ него, зацѣпившись одною ногою въ стремени. Преслѣдуемая кабанами лошадь продолжала скакать, таща за собою Дроздова... Когда замѣтили это его спутники и остановили лошадь—Дроздовъ уже былъ убитъ до смерти. Одинъ изъ Киргизовъ бросился къ каравану и сообщилъ о несчастіи Шубаю и Мансуру. Они поѣхали туда, но не застали уже Дроздова въ живыхъ. Здѣсь же, на мѣстѣ смерти, и похоронили его, а товары Дроздова „приказали" работнику его Казанскому Татарину Заиту Салтанаеву.

За 8 дней до Туркестана караванъ зашелъ, для покупки харчей, въ небольшой улусъ (около 15 кибитокъ) *Уксюнской* волости Большой Орды. Улусъ былъ расположенъ на р. *Ездлѣ*, у большой горы, корую Киргизы называли *Улутау*. Предводитель улуса—*Хара-Худай-Берды*, доставилъ немало тревогъ и хлопотъ Русскому каравану. Когда Арасланов и Юсуповъ вошли къ нему въ кибитку онъ встрѣтилъ ихъ такими словами:—„Хорошо-де, что вы изъ Россіи пріѣхали!.. Только-де вамъ цѣлыми отсель не выѣхать... Мы васъ такъ не отпустимъ..."

Шубай и Мансуръ не нашутку перепугались, особенно, когда Берды напомнилъ имъ о томъ, какъ Киргизы не побоялись задержать ѣхавшаго съ первымъ Оренбургскимъ караваномъ секундъ-маіора *Миллера*—„Русскаго *тюрю*" („то есть судью"—поясняетъ Шубай).

Шубай съ товарищемъ выпили у Берды по чашкѣ кумыса и поспѣшили къ своимъ „кошамъ". Они передали свои опасенія главному

проводнику Тюлеку. „Развѣ-де я самъ пропаду, то васъ тогда только ограбятъ", успокоивалъ ихъ Тюлекъ.

Вечеромъ Берды отдалъ визитъ Шубаю и Мансуру — явился къ нимъ съ 30 Киргизами. Берды просилъ Русскихъ купцовъ развязать тюки и показать ему разные товары, увѣряя, будто онъ хочетъ купить ихъ. Но Шубай не повѣрилъ этому и, справедливо предполагая, что Берды товары возьметъ, а денегъ не отдастъ, рѣшительно отказалъ ему въ осмотрѣ тюковъ. Онъ отдѣлался тѣмъ, будто у него нѣтъ спрашиваемыхъ Бердою товаровъ, что другіе есть, но далеко увязаны въ тюкахъ и что продать онъ онъ не можетъ, такъ какъ они назначены въ Ташкентъ. Тогда Киргизы стали грозить, что могутъ все ограбить, и снова напомнили, какъ они не поцеремонились ограбить и „Русскаго тюрю" (Миллера), не безъ ироніи прибавивъ: „токмо *ничего* за нимъ не взято"... Тутъ вступились за Русскихъ купцовъ ихъ проводники, Тюлекъ съ друзьями. Они горячо отстаивали Русскихъ и отговаривали Киргизовъ отъ ихъ дурныхъ намѣреній. Однако, чтобы успокоить „задоръ" Берды и его товарищей, Шубай и Мансуръ вынуждены были подарить имъ нѣсколько товаровъ. Только тогда Берды и Киргизы ушли (не смотря на поднявшуюся снѣжную бурю).

Этотъ случай очень напугалъ немногочисленный Русскій караванъ (всего было въ немъ съ работниками и проводниками 8 человѣкъ). Попутчики ихъ—Киргизы—стояли подлѣ Русскаго каравана „особливымъ кошемъ" и не мѣшались въ столкновеніе съ Бердою. Русскимъ приходилось постоянно быть на сторожѣ; заряженныя ружья они держали всегда наготовѣ.

На другой день Берды съ ранняго утра подступилъ, съ еще бо́льшимъ „задоромъ", къ Русскому кошу, съ толпою человѣкъ въ 35, даже „съ малыми робятами". Онъ вызвалъ Тюлека и требовалъ, чтобы проводники отказались отъ защиты Русскихъ и бросили Русскій кошъ: тогда-де онъ смѣло ограбитъ Шубая и Мансура и разбогатѣетъ отъ нихъ, какъ разбогатѣла Большая Орда отъ грабежа перваго Оренбургскаго каравана... Все утро, до самого полдня, проводники и особенно Тюлекъ „весьма спорили" съ Бердою и другими „озорниками" и не допускали ихъ „до наглости". Только благодаря честности и вѣрности своему слову Тюлека съ братьями удалось Шубаю и Мансуру отсидѣться отъ Берды. И на этотъ разъ Бердѣ и его товарищамъ подарили „немалое число" товаровъ.

Каравану приходилось поскорѣе уходить отъ гостепріимства Берды. Въ тотъ же день Арaслановъ уговорился съ своими попутчиками Киргизъ-кайсаками и поспѣшилъ двинуться дальше. 6 дней они ѣхали благополучно, а когда стали приближаться къ Туркестану, за два дня пути до него, у *Чорной* горы, опять случилось происшествіе, сильно напугавшее Русскихъ. Въ числѣ ихъ попутчиковъ былъ одинъ Ташкентскій Киргизъ, ѣздившій для торговли въ Киргизъ-кайсацкіе улусы

и теперь возвращавшійся домой. Онъ объявилъ вдругъ своимъ товарищамъ, во время остановки у Чорной горы, что поѣдетъ впередъ въ свой улусъ сказать о приходѣ каравана и предложитъ ограбить его... Одинъ Киргизъ предупредилъ объ этомъ умыслѣ Шубая и Мансура. Тѣ всполошились, стали совѣтоваться съ проводниками и съ Киргизами, державшими сторону Русскихъ. Всѣ принялись уговаривать Ташкентца и едва его уломали, подаривъ ему нѣсколько товару...

На 40-й день „по отбытіи отъ орды" на р. Илекѣ Русскій караванъ прибылъ въ городъ *Тукестантъ*. Здѣсь онъ простоялъ 35 дней, чтобы дать отдохнуть лошадямъ и верблюдамъ и найдти попутчиковъ. Русскіе не рѣшались одни ѣхать дальше, такъ какъ впереди лежало „самое опасное мѣсто". Шубай и Мансуръ не сидѣли въ Туркестанѣ сложа руки, а понемногу начали торговать съ Сартами. Они мѣняли свои Русскіе товары на мѣстныя *сукна*, *кожи*, *выдры*, *лисицы*, *корсаки* и „*волчата*".

О приходѣ Русскаго каравана въ Туркестанъ узнали сыновья *Хуйгшедина* и *Хуйайдара*, ограбившихъ въ 1738 г. первый Оренбургскій караванъ. Сыновья этихъ грабителей тоже самое задумали продѣлать и съ караваномъ Шубая. Они пріѣхали въ Туркестанъ и цѣлую недѣлю караулили выходъ каравана въ Ташкентъ, чтобы дорогою ограбить его. Однажды сынъ Хуйгшедина пришелъ во дворъ, гдѣ остановились Шубай и Мансуръ, и сталъ говорить имъ, что какъ прежній караванъ былъ ограбленъ отцомъ его, такъ не уцѣлѣть и Шубаю съ Мансуромъ, если они не возмутъ въ провожатые его и сына Хуйайдара. Но Шубай и Мансуръ, конечно, поняли, что это предложеніе поведетъ ихъ къ „пущей бѣдѣ". Они наотрѣзъ отказали Киргизамъ и объявили имъ, что изъ Туркестана дальше не поѣдутъ. Киргизы тогда еще „пуще" стали грозить грабежомъ.

Чтобы обезопасить себѣ дальнѣйшій путь отъ этихъ и другихъ охотниковъ на чужое добро, Шубай и Мансуръ, по совѣту Туркестанцевъ, отправили гонца къ сосѣднему Киргизскому хану („знатному Кайсаченину") *Тюле-бію*, кочевавшему съ своимъ улусомъ подъ Ташкентомъ. Они много слышали о честности и добротѣ Тюле-бія, и рѣшились просить его, чтобы онъ „отъ того страху охранилъ" ихъ. Тюле-бій прислалъ къ нимъ въ Туркестанъ двухъ сыновей въ провожатые. Тѣ сейчасъ готовы были тронуться съ караваномъ въ путь, но, узнавши о подкарауливаніи вышеупомянутыхъ сыновей Хуйгшедина и Хуйайдара, рѣшились нѣсколько обождать, „не смѣя на свои руки взять" Шубая и Мансура.

Такъ прожили они въ Туркестанѣ еще 8 дней, выжидая, пока удалятся тѣ „воры" и отыскивая попутчиковъ. „Лутчіе и главные люди" Туркестана совѣтовали Шубаю и Мансуру не брать съ собою въ Ташкентъ всѣхъ товаровъ, а для лучшей сохранности оставить въ Туркестанѣ „въ запасъ хотя половину" ихъ. Тоже самое они совѣ-

товали и прежнему Оренбургскому каравану, но тогда ихъ не послушались: повезли всѣ товары въ Ташкентъ и всѣхъ ихъ лишились. Шубай и Мансуръ послушались этого совѣта и оставили половину товаровъ у Туркестантскаго *„нахиба“ Хозе.* Съ товарами остались и два работника (одинъ—умершаго Дроздова, другой—Арасланова).

Дождавшись, наконецъ, когда уѣхали изъ Туркестана вышеупомянутые „воры“, Русскій караванъ, въ сопровожденіи дѣтей Тюле-бія и своихъ прежнихъ проводниковъ, Тюлека съ братьями, ночью выѣхалъ изъ города и двинулся къ Ташкенту, но не обычною дорогою (изъ опасенія тѣхъ же „воровъ“), а вправо отъ нея, ближе къ р. *Сыръ-Дарьѣ.* Дорогою они заѣзжали къ Тюле-бію поблагодарить его за покровительство каравану и присылку сыновей. Здѣсь они прожили два дня. Тюле-бій принялъ ихъ «изрядно»: каждый день давалъ имъ по барану, а третьяго барана далъ па дорогу. Шубай и Мансуръ въ благодарность за все это поднесли Тюле-бію нѣсколько подарковъ изъ Русскихъ товаровъ. Черезъ 7 дней по выѣздѣ изъ Туркестана караванъ прибылъ въ *Ташкентъ.*

III.

Подъѣхавши къ Ташкенту, Шубай и Мансуръ оставили свои „вьюки» у городскихъ воротъ, а сами отправились на конскій дворъ „къ *сидящему* въ томъ городкѣ вмѣсто хана“ *Кусекъ-беку* (изъ Ташкентскихъ уроженцевъ). Они вручили ему нѣсколько подарковъ и „объявили о себѣ“. Кусекъ-бекъ принялъ ихъ сначала очень любезно, сталъ разсуждать съ ними, гдѣ ихъ лучше поставить: на „гостиномъ дворѣ“ (нарочно построенномъ въ Ташкентѣ—замѣчаетъ Араслановъ—для пріѣзжихъ торговыхъ людей), или на вольной квартирѣ, гдѣ они пожелаютъ? Однако, ханъ порѣшилъ тѣмъ, что велѣлъ поставить Русскій караванъ на собственномъ дворѣ (это былъ другой его дворъ, помимо „ханскаго двора“), на которомъ жилъ *Шукуръ-батыръ.*

Не успѣли они здѣсь устроиться, какъ явился къ нимъ самъ Кусекъ, со свитою въ 12 человѣкъ. Здѣсь были братья его, „старшины и батыри“. Кусекъ потребовалъ развязать вьюки, разложить товары и принялся разсматривать ихъ. О взысканіи пошлинъ съ товаровъ онъ ничего не говорилъ. Оцѣнивши товары очень низко, онъ отобралъ себѣ *выдры* и *красныя кожи,* предлагая за все 2100 *„тенекъ“* (мѣстная монета: 20 тенекъ шло на Русскій 1 рубль—замѣчаетъ Араслановъ). Однако и этихъ денегъ (а товары стоили много дороже) Кусекъ тотчасъ не отдалъ, а приказалъ зайдти за ними послѣ.

Положеніе Русскихъ было очень затруднительное. У нихъ не хватало даже денегъ на ежедневную покупку харчей для себя—на мясо, хлѣбъ и пр., также на солому и ячмень для коней, на дрова и проч. На все это каждый день требовалось не меньше 25 „тенекъ“. Особенно было дорого мясо.

Нѣсколько разъ Шубай и Мансуръ ходили къ Кусеку за деньгами, но онъ постоянно отказывалъ, откладывая расплату „до завтрея". Такъ они ходили къ нему цѣлую недѣлю. Наконецъ, Кусекъ разсердился, что они такъ „приступаютъ" къ нему и сказалъ имъ: „развѣ на мнѣ пропадетъ!"... Онъ обѣщалъ расплатиться съ ними передъ отъѣздомъ ихъ изъ Ташкента.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Ташкентъ Арасланов отпустилъ домой сыновей Тюле-бія. Впрочемъ, они не разъ послѣ этого наѣзжали въ Ташкентъ провѣдать Русскихъ купцовъ.

Русскіе продолжали „праздно" жить въ Ташкентѣ. Для содержанія себя они стали въ убытокъ продавать имѣвшіеся у нихъ въ небольшомъ количествѣ мелочные товары, а нерѣдко и прямо занимали деньги у Ташкентскихъ купцовъ. Наконецъ, Араслановъ сталъ просить Кусека, чтобы тотъ „показалъ купцовъ" на краску. Кусекъ сказалъ, что купцы есть, но что Русскіе запрашиваютъ очень дорогую цѣну. Араслановъ согласился, чтобы ханъ самъ назначилъ цѣну на краски, лишь бы только позволилъ продавать ихъ. Кусекъ тогда далъ разрѣшеніе, и купцы явились. Краски были проданы съ убыткомъ, особенно потому, что продавали ихъ, по ханскому приказу— „на тяжелой противъ настоящаго вѣсъ, которой у нихъ производится на *каменья*, коихъ если по настоящему (вѣсить), то изъ пуда выходитъ по семи, а оную краску вѣсили не болѣе $5^1/_2$ въ пудъ"...

Около этого времени пріѣхавшіе изъ Туркестана Сарты привезли письмо работника Арасланова, сообщавшаго, что работникъ Дроздова Заитъ Салтанаевъ „умеръ такимъ образомъ, что на затылкѣ у него вышелъ „*червъ*" (чирей?).

Тогда же заболѣлъ въ Ташкентѣ главный проводникъ Русскаго каравана Тюлекъ-батырь. Араслановъ отпустилъ его въ Туркестанъ, а самъ остался съ двумя его братьями и съ Юсуповымъ.

За 20 дней до отъѣзда Арасланова изъ Ташкента пріѣхалъ туда посланный отъ извѣстнаго „Калмыцкаго владѣльца „*Галданъ-Церена*" *Хасымъ* (*Хасыръ*) - *Хузя*; уроженецъ *Самарканта* (откуда въ молодости уѣзжалъ къ Калмыкамъ), „опредѣленный для правленія" въ Ташкентъ „въ товарищество" къ Кусекъ-беку. Онъ потребовалъ къ себѣ Арасланова съ Юсуповымъ и сказалъ имъ: „Знаете, что я пріѣхалъ?!.. Что же вы не дѣлаете, какъ въ прочихъ мѣстахъ водится? Что вы никакого почтенія мнѣ не учинили?... Ежели-де вы надлежащаго поклона не отдадите, то я васъ велю ограбить!... Знайте: у меня въ командѣ имѣется *Калмыкъ* человѣкъ съ 500!"...

Нечего дѣлать—пришлось и Хасымъ-Хузѣ поднести нѣсколько подарковъ изъ Русскихъ товаровъ.

Когда вся краска была распродана, Араслановъ и Юсуповъ рѣшились возвратиться въ Россію, не смотря на то, что для такой дальней дороги наступило уже „позднее время". Явившись къ Кусеку, они

просили выдать деньги за взятые имъ товары. Но онъ все попрежнему откладывалъ расплату и уговаривалъ, между прочимъ, не ѣхать въ Россію, „объявляя такія *непристойности*, аки бы *Казань* и *Москву* и всее Россію взяли *Кубанцы*“ (sic)... Но наши купцы настаивали, что, въ какомъ бы положеніи ни была Россія, они непремѣнно желаютъ вернуться въ свое отечество...

Такъ и въ этотъ разъ, и въ послѣдующія посѣщенія они ничего не добились отъ Кусека. Только за пять дней до отъѣздахъ изъ Ташкента Кусекъ „едва и съ великимъ жестокосердіемъ“ раздѣлался съ ними, да и то съ большимъ убыткомъ для Русскихъ. Вмѣсто денегъ онъ заплатилъ имъ мѣстными „*бумажными* вещами и самыми послѣдними“ (нисшаго сорта), да и тѣ ставилъ по очень высокой цѣнѣ. Всего они получили съ Кусека не больше половины противъ той цѣны (2100 тенекъ), которую онъ же самъ назначилъ, когда отбиралъ товары въ день ихъ пріѣзда въ Ташкентъ. Въ это же время разыгралась одна очень непріятная для Шубая Арасланова исторія. У Ташкентскихъ Сартовъ Шубай купилъ за 120 р. „плѣнную *Калмыцкую дѣвку*“, добытую Сартами у Киргизъ-кайсаковъ. Отъ скуки ли въ чужой сторонѣ или по другимъ причинамъ, но Шубай очень скоро привязался къ своей „дѣвкѣ“ и хотѣлъ непремѣнно взять ее съ собою въ Россію. Когда онъ собирался съ товарищемъ уѣхать изъ Ташкента, хозяинъ ихъ дома Шукуръ-батырь и какой-то „человѣкъ“ Кусека донесли послѣднему о Калмыцкой дѣвкѣ Шубая, расхвалили ея красоту и совѣтывали отобрать ее у Шубая, или даже украсть.

Однажды Шубай и Мансуръ ушли на базаръ со всѣми своими людьми. Калмычка осталась дома одна. Къ ней тотчасъ пришли Шукуръ съ двумя батырями, и принялись ее уговаривать, чтобы она бросила Шубая. Они ее „стращали“, будто Шубай хочетъ ее продать Кирзизъ-кайсакамъ, „у которыхъ — увѣряли они — противъ Ташкентскаго жить весьма труднѣе. Но Калмычка не давала вѣры ихъ словамъ: она знала привязанность къ себѣ Шубая, видѣла его хорошее обращеніе и не хотѣла его бросать.

Когда Араслановъ вернулся домой, пропажа Калмычки сейчасъ обнаружилась. Кто-то передалъ Шубаю, что это продѣлка Шукура. Послѣдній дразнилъ Шубая, говоря: — „Я слышалъ, что у тебя несчастье сдѣлалось: Калмычка убѣжала?!“.... Шубай прямо отвѣчалъ на это, что она не сбѣжала, а сидитъ у Кусека и тотчасъ же пошелъ къ сему послѣднему. Потеря Калмычки очень печалила его...

Чтобы не ссориться съ Кусекомъ, Шубай не сталъ прямо обвинять его въ похищеніи, а замѣтилъ только, что у него-де „сбѣжала“ Калмычка къ беку и, что бекъ большое одолженіе сдѣлаетъ ему, если вернетъ ее обратно. Кусекъ отвѣчалъ: — „Я знаю, что сбѣжала.... и теперь она у меня.... Отъ людей я слышалъ, что ты ее продать хочешь; того ради чѣмъ другимъ продавать—то-де продай мнѣ!....“

— „Дѣвки продажной у меня нѣтъ“, замѣтилъ Араслановъ.

Кусекъ разсердился и закричалъ: „Какъ?! Ужо ты мнѣ не продашь?.....“ — „Хоть всѣ товары отбери, а дѣвки продажной у меня нѣтъ“, твердо стоялъ на своемъ Шубай.

Много разъ ходилъ Шубай къ Кусеку все по поводу той же Калмычки, но успѣха не имѣлъ. Кусекъ подъ-конецъ даже „въ задоръ сталъ приметываться“ и началъ привязываться къ Арасланову за другіе предметы, напримѣръ говорилъ: „пріѣхали-де вы изъ Россіи съ товарами, а пошлинъ не платите!....“ Между тѣмъ, раньше и рѣчи и намека не было объ этихъ пошлинахъ. Однако, Шубай согласился уплатить пошлины (если даже прежде они не собирались съ Русскихъ купцовъ и если рѣшено только съ нихъ однихъ взять), только бы Кусекъ отдалъ ему дѣвку!....

— „Что́ ты сдѣлаешь противъ того, чего мы захочемъ?“ спрашивалъ Шубая Кусекъ.... Шубай согласился, что онъ ничего противъ Кусека не можетъ сдѣлать, но просилъ отдать Калмычку..... Однако, Кусекъ не сдавался на просьбы Шубая.

Шубай и Мансуровъ, видя, „что время у нихъ туне проходитъ“, стали собираться къ отъѣзду.

Всѣ товары Русскихъ уже были распроданы: они сбыли свои краски, выдры, красныя кожи, *бѣльи* мѣха, „шитые *каѳтаны*“, *иглы* и проч. Въ Ташкентѣ накупили они лисицъ, волковъ, корсаковъ, *синяго кумачу*, „*выбойки*“ и другихъ бумажныхъ товаровъ. Всѣ эти товары они навьючили на верблюдовъ и отправили ихъ въ улусъ Тюлебія, подъ охраною брата его *Абыллы* и съ своими проводниками. Караванъ ушелъ тайно, безъ вѣдома Кусека.

Шубай и Мансуръ остались пока въ Ташкентѣ, съ сыновьями Тюле-бія, чтобы получить отъ Кусека дѣвку и взять отъ него „совершенный отпускъ“. Они имѣли неосторожность оставить при себѣ товаръ „подороже и поуютнѣе“, на 200 р.

На другой день по уходѣ каравана Араслановъ и Юсуповъ явились къ Кусеку и объявили ему, что товаръ свой они уже отправили впередъ, а сами пришли къ нему проститься. Кусекъ „съ весьма жестокимъ сердцемъ закричалъ: „Для чего безъ вѣдома моего, да и не заплатя пошлинъ, товары свои отпустили?!“...

Араслановъ отвѣчалъ, что онъ съ товарищемъ давно уже говорили Кусеку о своемъ отъѣздѣ и „въ пошлинахъ не спорили“...

Кусекъ закричалъ своимъ „*аксакаламъ*“, чтобы сейчасъ же 10 человѣкъ отправились догонять караванъ и вернули бы его въ Ташкентъ. Аксакалы замѣтили, что если караванъ уже „въ степи“, то имъ не отбить его отъ проводниковъ — Киргизъ-кайсаковъ. Кусекъ сказалъ на это: „мы Шубая и Мансура удержимъ!...“ Однако, онъ отпустилъ ихъ на квартиру.

Только что они вернулись туда, какъ Кусекъ-бекъ и Хасырь-Хузя (2-й ханъ) прислали къ нимъ своихъ братьевъ и трехъ батырей, съ приказаніемъ отобрать у Русскихъ купцовъ все, что̀ ни найдется у

нихъ. Пришлось отдать посланнымъ всѣ вышеуказанные цѣнные товары, на 200 р. Калмычка также осталась у Кусека.

Ханскіе братья ушли съ отнятыми товарами. Оставшіеся батыри совѣтовали купцамъ, чтобы они какъ можно скорѣе уходили изъ города — „*берегли бы свои головы*!...“ Батыри говорили: „Видите вы сами, какія здѣсь, въ Ташкентѣ, *справедливыя обхожденія*!...“

Шубай и Мансуръ сами хорошо поняли, что медлить имъ нельзя. Они вскочили на коней и поспѣшили удрать изъ города.

Кусекъ скоро узналъ объ ихъ исчезновеніи и послалъ за ними въ погоню своего племянника „Бія“, съ людьми. Они догнали Русскихъ и требовали, чтобы тѣ вернулись въ Ташкентъ. Завязался споръ. Дѣти Тюле-бія „не дали“ Русскихъ Ташкентцамъ. Было много „крику“; проводники Арасланова едва не стали стрѣлять изъ луковъ въ посланныхъ Кусека. Наконецъ, одинъ изъ сыновей Тюле-бія закричалъ:—„Если Шубай и Мансуръ нужны Кусеку, то я поѣду; пущай-де, что̀ надобно дѣлаетъ!...“ Сынъ Тюле-бія дѣйствительно повернулъ коня и поѣхалъ съ посланными Кусека. Въ Ташкентѣ онъ оставался до самаго отъѣзда Русскихъ купцовъ изъ улуса Тюле-бія въ Россію.

IV.

Въ улусѣ Тюле-бія Араслановъ и Юсуповъ прожили три дня. Онъ попрежнему принялъ ихъ очень хорошо и „во всемъ довольствовалъ“. Тюле-бій не одобрялъ хищническихъ отношеній къ Русскимъ купцамъ Кусекъ-бека и говорилъ, что Русскій торгъ „всѣмъ къ общей пользѣ“ и Русскихъ купцовъ „не токмо какъ другіе обижать не слѣдуетъ, но и *приласкивать* надобно“.

Тюле-бій посылалъ въ Ташкентъ втораго своего сына—провѣдать о Кусекѣ. Вернувшись, онъ разсказывалъ, что „только поклонъ отдалъ“ Кусеку, „а больше ничего у нихъ не было“. Очевидно, Кусекъ примирился съ отъѣздомъ Русскихъ купцовъ, такъ какъ уже достаточно попользовался отъ нихъ. Въ Туркестанъ Араслановъ отправился въ сопровожденіи 7 братьевъ Тюле-бія, ѣхавшихъ туда для торгу. Первые три дня въ пути провожалъ Русскій караванъ самъ Тюле-бій, а дальше, до Туркестана — одинъ изъ его сыновей. Въ Туркестанѣ Русскіе пробыли только одни сутки.

Находясь еще въ Ташкентѣ, Араслановъ и Юсуповъ всячески уговаривали тамошнихъ Сартовъ пріѣзжать для торгу въ Оренбургъ. Сарты отказывались, опасаясь встрѣтить та̀мъ дурной пріемъ за то, что первый Русскій караванъ „неблагополучно вышелъ“ отъ нихъ. Но Арасланову удалось успокоить ихъ, и „множество“ Сартовъ собиралось выѣхать въ Оренбургъ съ товарами, а другіе тотчасъ же тронулись въ путь. Ко дню пріѣзда Арасланова въ Туркестанъ собрался

тамъ для поѣздки въ Оренбургъ большой караванъ, около 700 человѣкъ. Караванъ уже совсѣмъ изготовился въ путь; а потому Арасланов и Юсуповъ, переночевавъ въ Туркестанѣ, забрали оставленные здѣсь раньше свои товары и выѣхали вмѣстѣ съ Туркестанскимъ караваномъ и съ прежними своими проводниками, Тюлекомъ и съ его братьями. Сына Тюле-бія они отпустили домой, одаривъ надлежащимъ образомъ

До Орска Русскій караванъ дошелъ вполнѣ благополучно.

Вслѣдствіе неудачнаго торга въ Ташкентѣ, Араслановъ и Юсуковъ понесли „великій убытокъ". Неудача ихъ зависѣла „отъ того наипаче, что они туда ѣздили *вновь* и малымъ числомъ людей"; поэтому, куда ни пріѣзжали они, вездѣ вынуждены были, для собственной безопасности, тратиться на подарки. Съ другой стороны, товары ихъ были „не во всемъ *на Ташкентскую руку*", притомъ не высокаго достоинства. Они повезли въ Ташкентъ остатки отъ бывшаго въ Орскѣ торга. Наконецъ немало подѣйствовали на неудачу торга въ Ташкентѣ и притѣсненія Кусекъ-бека. Главный товаръ Русскихъ — краска — стоила имъ по 70 р. пудъ, а въ Ташкентѣ, по приказу Кусека, они вынуждены были продать ее по 40 рублей за пудъ... Впрочемъ Араслановъ признаетъ, что торговля въ Ташкентѣ можетъ принести пользу, хотя и небольшую. Первымъ условіемъ для этого онъ считаетъ, чтобы Русскіе караваны не были такъ малолюдны, какъ его караванъ, затѣмъ чтобы караваны шли съ надежными проводниками (какіе и были у Арасланова), чтобы люди каравана были хорошо вооружены и проч.

Въ Ташкентѣ, по словамъ Арасланова, всѣ жители болѣе или менѣе торгуютъ, но „малымъ числомъ" товаровъ. Всѣ тамъ—мелкіе торговцы; а такихъ совсѣмъ нѣтъ, чтобы торговали на капиталъ въ 1000 р. и больше. Главные товары ихъ — *бумажные* и отчасти *шелковые*, мѣстнаго производства.

Гораздо выгоднѣе торговля съ пріѣзжими въ Ташкентъ торговцами, каковы, напримѣръ, "*Зюнгорскіе Калмыки*" и „вѣдомства ихъ, кочующіе съ ними Татары, называемые ими *Кашкары*" (т. е. Кашгарцы). Они покупаютъ въ Ташкентѣ *кишмишъ*, лисицъ, корсаковъ, бумажные товары, а изъ Русскихъ товаровъ—выдры и красныя кожи. Араслановъ называетъ здѣсь только тѣ Русскіе товары, какіе были у него, но выражаетъ увѣренность, что и другіе Русскіе товары охотно будутъ покупаемы Калмыками и Кашкарами. Съ своей стороны Калмыки пригоняютъ въ Ташкентъ скотъ, барановъ, быковъ, коровъ и коней, которыхъ они „мѣняютъ сходно" на товары.

Бухарцы привозятъ въ Ташкентъ *мерлушку* въ небольшомъ количествѣ, красный и черный *бархатъ*, *кушаки*, „шолковую *парчу*", и мѣняютъ ихъ на всякіе Ташкентскіе и Россійскіе товары.

Пріѣзжаютъ также въ Ташкентъ торговцы изъ подчиненнаго ему города *Хузяна*, который лежитъ въ 6 дняхъ ѣзды отъ перваго и считается богаче его. Хузянскіе купцы пріѣзжаютъ съ „лучшими бумажными товарами", также съ разными ягодами, кишмишемъ (который не родится въ Ташкентѣ) и др., а мѣняютъ свои товары охотнѣе всего на Россійскіе. Изъ Русскихъ товаровъ особенно „способны" для тамошней торговли — „добрыя кармазинныя красныя *сукна*", черные „*Нѣмецкіе бобры*", „*Нѣмецкія выдры*„, *кожи*, „*канцелярское сѣмя*", „брусковая *краска*" и др. Впрочемъ все это Хузянскіе купцы „покупаютъ малымъ числомъ, а *стаями* не берутъ".

Въ Ташкентѣ, говоритъ Арaслановъ, „*ханы производятся* такимъ образомъ, что кто усилится и хана убить можетъ, тотъ себѣ ханство тѣмъ и получитъ; и народъ уже тому, когда убьетъ, не препятствуетъ, а напротивъ того—ежели еще кто выищется и того уже убійцу убьетъ, то оной потому же и ханство принять удостоится".

Прежде Ташкентомъ владѣлъ ханъ *Юлбарсъ*, изъ Киргизъ-кайсацкой орды, „обще" съ *Тюле-біемъ* (у котораго есть домъ въ Ташкентѣ, откуда и жена его родомъ). Тогда Ташкентъ былъ подчиненъ Большой Киргизъ-кайсацкой Ордѣ. Тюле-бій съ своими „старшинами" бралъ съ Ташкента ежегодную дань въ 40 тысячъ „тенекъ". Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Юлбарса „не стало; не знаемо убитъ, не знаемо выгнатъ вонъ отъ тутошнихъ Сартовъ". Въ этомъ темномъ дѣлѣ главную роль игралъ *Кусекъ-бекъ*, который и завладѣлъ Ташкентомъ, но „токмо ханомъ отъ народа и понынѣ еще не учиненъ». Хотя Кусекъ выжилъ Тюле-бія изъ города, но не могъ лишить его прежнихъ правъ на Ташкентское ханство, такъ что Тюле-бій и старшины Большой Орды попрежнему получаютъ съ Ташкента дань. Ташкентцы не могутъ отказаться отъ нея, такъ какъ они „весьма утѣснены" кочевьями Киргизъ-кайсаковъ, которыя близко подходятъ къ городскимъ „пашнямъ и дровосѣкамъ". Когда Ташкентцы вздумаютъ „не удовольствовать" Каргизовъ, то изъ города нельзя бываетъ выѣхать даже за дровами и на пашни, а кто осмѣлится выѣхать, того Киргизы „забираютъ въ полонъ".

Хотя Кусекъ „дѣйствительнаго ханства" еще не получилъ, „но такъ усилился, что паче настоящаго хана". Причину этого Арaслановъ видитъ въ томъ, что онъ имѣетъ „родъ свой весьма великъ" (трехъ сыновей и пр.). Кромѣ того, онъ съумѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ здѣшнихъ „знатныхъ *батырей*", которыхъ Кусекъ „къ себѣ въ ближніе старшины подобралъ и *весьма* ихъ награждаетъ". Но *народъ* имъ недоволенъ, потому что „за самыя малыя дѣла со всѣми домами разоряетъ". Однако Ташкентцы „сами *дивятся*, что у нихъ никогда *ханы болѣе трехъ лѣтъ не сиживали*, а Кусекъ 4-ой годъ уже сидитъ"...

Впрочемъ, въ бытность Арaсланова въ Ташкентѣ образовался тамъ заговоръ противъ Кусека. Подъ предводительствомъ бека

Сали-Хузя (который нѣкогда самъ въ Ташкентѣ „нѣсколько ханствовалъ") собралось заговорщиковъ около 40 Сартовъ. Они порѣшили убить Кусека и посадить на ханство Сали-бека. Въ назначенную ночь заговорщики собрались ко двору Кусека, отворили „дворовые ворота" и пробрались до „покоя", гдѣ Кусекъ „спалъ съ невѣстою".... (выбрасываю неудобныя для печати слова)..... При немъ былъ одинъ изъ его прислужниковъ. Покой былъ запертъ. Только что „*согласники*" (заговорщики) стали ломиться въ дверъ „покоя", какъ прибѣжала толпа, предводительствуемая сыновьями Кусека и *Шукуръ*-батыремъ (у котораго Арасланова и Юсуповъ жили въ Ташкентѣ) и отбила „согласниковъ" отъ ханскаго покоя. Пятеро заговорщиковъ были пойманы, а остальные разбѣжались и „пропали безвѣстно". Оказалось, что одинъ изъ „согласниковъ", Сартъ измѣнилъ товарищамъ, „испужався" ихъ замысла. Когда они отправились къ ханскому двору, этотъ Сартъ побѣжалъ къ сыновьямъ Кусека и къ Шукуръ-батырю и предупредилъ ихъ о заговорѣ. Кусекъ жестоко отомстилъ „согласникамъ". Какъ всѣ пятеро пойманныхъ, такъ отцы и братья важнѣйшихъ изъ бѣжавшихъ заговорщиковъ—всего около 25 человѣкъ—были казнены: иныхъ повѣсили, другимъ отрубили головы, нѣкоторыхъ „кололи".... Кусекъ, родичи его и старшины разобрали „въ холопство" женъ и дѣтей казненныхъ. Дома ихъ были „въ конецъ" разорены.

Тюле-бій, котораго Кусекъ выжилъ изъ Ташкента, питаетъ къ своему врагу большую ненависть. Онъ много разъ „войною наступалъ" на Ташкентъ, убилъ нѣсколькихъ родичей Кусека и замышлялъ убить его самого, пользуясь услугами Ташкенскихъ Сартовъ, изъ которыхъ многіе „дружны" Тюле-бію. Послѣдній охотно принимаетъ всѣхъ тѣхъ Сартовъ, которые бѣгутъ изъ Ташкента отъ притѣсненій Кусека. „Согласники" бѣжали главнымъ образомъ именно къ Тюле-бію. Самъ Тюле-бій, однако, не рѣшается въѣхать въ Ташкентъ, такъ какъ Кусекъ грозился, что непремѣнно поймаетъ его и „посадитъ въ заточеніе". Въ разстояніи полудня отъ Ташкента Тюле-бій поставилъ „городокъ", въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ изъ рѣки *Цырціюта* проведенъ *каналъ* въ Ташкентъ. Городокъ населенъ главнымъ образомъ выходцами изъ Ташкента, бѣжавшими отъ Кусека, также выѣхавшими изъ другихъ мѣстъ, „полоненными людьми" и проч. Всѣ они пашутъ здѣсь хлѣбъ на Тюле-бія. Но задача постройки городка была совсѣмъ другая: онъ поставленъ „съ такимъ утѣсненіемъ" для Ташкента, что если Тюле-бій захочетъ, то можетъ запрудить каналъ и отвести воду въ другую сторону, т. е. можетъ заставить Ташкентцевъ умереть отъ жажды и голода, такъ какъ городъ и пашни горожанъ останутся безъ воды.

Тюле-бій не прочь и сейчасъ начать войну съ Кусекомъ, но боится идти противъ Зюнгорскаго владѣльца *Галданъ-Церена*, которому подчинены теперь какъ Ташкентъ, такъ и Большая Киркизская Орда.

Но Тюле-бій собирался послѣ отъѣзда Арасланова ѣхать къ Галданъ-Церену, объявить ему всѣ „непорядки“ Кусека (въ томъ числѣ и „обиды“, нанесенныя имъ Арасланову и Юсупову) и просить себѣ Ташкентскаго ханства.

Ташкентъ подчинился Галданъ-Церену незадолго передъ пріѣздомъ туда Арасланова. Галданъ-Церенъ и *Хузянскій* владѣтель *Абдулъ-Каримъ-бекъ* много разъ присылали въ Ташкентъ пословъ; каждый изъ нихъ склонялъ Ташкентцевъ на свою сторону и требовалъ аманатовъ, угрожая въ противномъ случаѣ войною. Эти переговоры долго продолжались, пока, наконецъ, Кусекъ не подчинился болѣе сильному Галдану. Въ аманаты Кусекъ отдалъ своего сына и 12 батырей. Они уѣхали къ Галгану въ бытность Арасланова въ Ташкентѣ. Послѣ этого Тюле-бій лишился своей дани съ Ташкента; ее стали теперь посылать къ Галдану. „Властію“ могущественнаго Галдана Ташкентцы довольны.

Однако, Хузянскій ханъ не бросилъ своихъ притязаній на Ташкентъ, а потому Галданъ отправилъ къ городу Хузяну 40 тыс. войска. Кромѣ Хузяна, этотъ отрядъ долженъ воевать также съ непокорными Галдану Киргизъ-кайсацкими племенами, кочующими подлѣ Хузяна—*Куромой* и *Чанчкилемъ*. Араслановъ слышалъ, что эти племена „люди военные“, а потому Галданъ-Церенъ особенно желаетъ подчинить ихъ своей власти.

„Укрѣпленіе“ Ташкента „*мазанковое*“; вокругъ города устроенъ небольшой „мазанковый валъ“, величиною въ родѣ *Казанскаго* вала, съ 12 воротами. У воротъ караулы не стоятъ, а вмѣсто нихъ въ „особливыхъ мазанкахъ“ сидятъ „*пристава*“, осматривающіе всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ.

Пушекъ въ Ташкентѣ нѣтъ. Но въ нѣкоторыхъ домахъ Араслановъ встрѣчалъ „*долгіе стволы*, на подобіе ружей, и сказываютъ, что оные выстрѣломъ берутъ далеко“. Они дѣлаются въ самомъ Ташкентѣ.

Вобще, Ташкентъ „осторожностію и силою весьма плохъ“. Нерѣдки случаи, что человѣкъ 10 Киргизъ врываются въ ворота, нападаютъ на Сартовскіе дворы, грабятъ ихъ и угоняютъ скотъ. Жилья такъ разбросаны въ Ташкентѣ, что о такомъ нападеніи весь городъ узнаётъ только черезъ нѣсколько дней, причемъ 10 — 15 человѣкъ разбойниковъ разростается въ народномъ говорѣ „въ великое войско“. Вообще, Ташкентцы „*къ отпору очень робки*“...

„Домовное строенье“ въ Ташкентѣ „мазанковое, токмо весьма непорядочно“. Сколько именно домовъ въ городѣ — трудно сказать. Почти каждый домъ окруженъ садомъ, такъ что весь городъ прячется въ зелени. Въ городѣ много мечетей, изъ нихъ 83 большихъ мечети, въ родѣ „Русскихъ соборовъ“; въ нихъ молятся по праздникамъ.

Ташкентскія деньги—„*теньки*“—„старинныя“. Они похожи на „Россійскія *денежки*“, только „весьма тонки и неуравнительны“. Тень-

ки „ходятъ однимъ числомъ, безъ всякаго сложенія“... Вновь тенекъ не дѣлаютъ, а вслѣдствіе небольшаго запаса старинныхъ немало находится въ обращеніи „воровскихъ“ (фальшивыхъ) тенекъ.

Объ Оренбургскомъ торгѣ Ташкентскіе Сарты достаточно знаютъ и отзываются о немъ „хорошо“.

Между Ташкентомъ и Туркестаномъ есть пять небольшихъ *городковъ*, которые по мѣстному называются „*курганами*“. Всѣ они расположены нѣсколько въ сторонѣ отъ большой дороги. Они находятся во владѣніи Киргизъ-кайсаковъ Большой Орды. Населеніе ихъ составляютъ главнымъ образомъ бѣглые изъ Ташкента и другихъ мѣстъ и плѣнные Сарты, а также живутъ въ нихъ и „убогіе“ Киргизъ-кайсаки. Жители этихъ городковъ сѣютъ хлѣбъ на Киргизъ-кайсацкихъ «владѣтелей».

Туркестанъ похожъ на Ташкентъ, но гораздо меньше его: въ немъ всего 1005 дворовъ. Въ окружающемъ городъ валу находится 4 воротъ. Городъ населенъ *Сартами*. Владѣетъ городомъ «опредѣленный» отъ Галданъ-Церена *Сеитъ-ханъ*, а помощникомъ его состоитъ мѣстный «главный житель» *Хузя-нахибъ* (наибъ). Сынъ послѣдняго три года тому назадъ посланъ аманатомъ отъ Туркестана къ Галданъ-Церену. Городъ уплачиваетъ дань какъ послѣднему, такъ и Киргизъ-кайсакамъ Большой Орды. Кромѣ того, какъ Туркестанскіе, такъ и Ташкентскіе ханы берутъ съ жителей «подать» въ свою пользу, но сколько именно—Арaслановъ не могъ узнать.

Въ заключеніе своей «сказки» Арaслановъ сообщаетъ извѣстіе объ удачныхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Галданъ-Церена со стороны „народа природы *Калмыцкой*“, подчиненнаго *Китаю*, но какъ „особливое владѣніе“. Съ этимъ народомъ Зюнгорскіе Калмыки воюютъ уже около 20 лѣтъ. Очевидно, Арaслановъ говоритъ здѣсь о началѣ тѣхъ событій, которыя въ слѣдующемъ десятилѣтіи повлекли за собою паденіе сильной Джунгаріи и подчиненіе ея обширныхъ владѣній Китайскому государству.

Н. Оглоблинъ.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава XVIII.

Предположенія о дѣйствіяхъ 1853 г.—Переписка князя Барятинскаго съ княземъ Воронцовымъ.—Назначеніе князя Барятинскаго генералъ-адъютантомъ.—Экспедиція 1853 г. — Дѣло 17-го Февраля.—Недоразумѣніе по поводу требованія подкрѣпленій.—Письмо князя Воронцова по этому поводу.—Отказъ князя Барятинскаго отъ должности начальника Лѣваго фланга и пріѣздъ въ Боржомъ.—Неудовольствіе съ генераломъ Вольфомъ.—Назначеніе князя начальникомъ штаба Кавказской арміи.

Предположенія князя Барятинскаго о дѣйствіяхъ въ 1853 году, встрѣтившія полное согласіе въ Тифлисѣ и Петербургѣ, состояли въ томъ, чтобы отъ Автура прорубить въ лѣсахъ просѣку до Качкалыковскаго хребта и чрезъ него до укрѣпленія Куринскаго; другую же просѣку отъ Умаханъ-Юрта перпендикулярно первой, съ цѣлью вынудить гнѣздившееся здѣсь Чеченское населеніе къ покорности или къ выселенію въ Черныя горы. Такимъ образомъ и долина Мичика очутилась бы въ нашихъ рукахъ. Затѣмъ, въ лѣтніе мѣсяцы предполагалось, пользуясь доступомъ по вырубленнымъ просѣкамъ къ полянамъ, уничтожать посѣвы, запасы, жечь аулы, все съ тою же цѣлью довести жителей до необходимости рѣшиться на одно или другое, т.-е. покориться или уходить; а вмѣстѣ съ тѣмъ, удаляя непокорныхъ съ плоскости, уменьшить возможность ихъ набѣговъ и хищничествъ среди нашихъ поселеній. Въ теченіе 1853 года, кромѣ того, надлежало довершить поселеніе 2-го Сунженскаго казачьяго полка, весьма важное для обезпеченія нашей линіи.

---

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, выпуски 1—4.

До начала военныхъ дѣйствій, князь Барятинскій продолжалъ съ главнокомандующимъ, по обыкновенію, самую дѣятельную переписку. Привожу здѣсь три письма князя Воронцова, относящіяся къ даннымъ обстоятельствамъ.

Отъ 15-го Января: „Третьяго дня я получилъ ваше интересное письмо отъ 10-го и нашелъ его столь важнымъ, что отвѣчаю вамъ сейчасъ же, съ нарочнымъ. Не могу ничего болѣе сдѣлать, какъ только похвалить вашъ образъ дѣйствій и вполнѣ положиться на нихъ въ будущемъ; во-первыхъ потому, что никто такъ хорошо не знаетъ мѣстности и людей, съ которыми вы имѣете дѣло; во вторыхъ, опытъ меня убѣждаетъ, что вы не подчинитесь мнѣніямъ отдѣльныхъ Чеченцевъ, или какимъ бы то ни было предложеніямъ даже цѣлыхъ деревень, безъ того, чтобы не убѣдиться въ ихъ рѣшимости дѣйствовать въ нашу пользу и сбросить съ себя иго Шамиля; наконецъ, располагая впереди временемъ и видя, что волненія и неудовольствія въ Чечнѣ возрастаютъ, благодаря стѣсненному ея положенію, вы, тѣмъ не менѣе, не упустите воспользоваться удобнымъ моментомъ и въ особенности тѣми преимуществами, которыя даетъ намъ зима, чтобы выполнить главную часть вашего плана на счетъ Мичика и покоренія или разоренія ауловъ между Мичикомъ и Аргуномъ. Меня очень радуютъ надежды, основанныя на благопріятномъ нашемъ положеніи, созданномъ благодаря вашимъ же разумнымъ мѣрамъ и неоднократнымъ смѣлымъ на непріятеля нападеніямъ. Это столь выгодное для насъ положеніе будетъ для Шамиля не только теперь очевиднымъ неудобствомъ, но и постоянно возрастающимъ непріятнымъ обстоятельствомъ“.

„Между тѣмъ, не слѣдуетъ забывать, что Шамиль съ своими преданными мюридами и съ тѣми пушками, которыя онъ имѣетъ, располагаетъ еще достаточными средствами, чтобы держать въ страхѣ и безпощадно наказывать (какъ это онъ всегда дѣлаетъ) всѣхъ жителей, не находящихся подъ защитою огня нашихъ крѣпостей, или тѣхъ, которые хотѣли бы сопротивляться его власти. Вотъ о чемъ я хотѣлъ переговорить съ вами, князь. Вполнѣ ввѣряюсь вамъ и, зная вашу опытность, энергію и умѣніе дѣйствовать, я

убѣжденъ, что вы все сдѣлаете къ лучшему, подвинете наши дѣла, на сколько Господь вамъ въ этомъ поможетъ и не упустите важнаго момента, наиболѣе для насъ благопріятнаго, чтобы окончить все на Мичикѣ".

„Ожидаю вашихъ послѣдующихъ новостей, въ особенности на счетъ продолженія и осложненія, если можно на это надѣяться, неудовольствій между Чеченцами и Шамилемъ и ожидаемыхъ отъ того послѣдствій".

„Сообщите, что́ имѣете новаго, о Дагестанѣ и о результатѣ вашей переписки съ княземъ Григоріемъ (Орбеліани) или съ княземъ Аргутинскимъ. Пріѣхалъ ли онъ въ Шуру? Мы до сихъ поръ никакихъ извѣстій о немъ не имѣемъ".

Отъ 19-го Января: „Зиновьевъ доставилъ мнѣ вчера ваше письмо отъ 15-го и передалъ словесныя порученія, о которыхъ мы уже успѣли съ нимъ побесѣдовать; затѣмъ я имѣлъ другой разговоръ съ нимъ и Вольфомъ. Почти все мое письмо отъ 15-го могло бы служить полнымъ отвѣтомъ, какъ на только что полученное отъ васъ, такъ и на предъидущее. Я вамъ вполнѣ предоставилъ весь ходъ дѣла. Послѣ того, какъ я узналъ вашъ характеръ, послѣ всѣхъ вашихъ заслугъ и послѣ всего, что̀ вы сдѣлали за послѣдніе годы,— имѣю къ вамъ полное довѣріе, и все это заставляетъ меня передать дѣло цѣликомъ въ ваши руки. Я убѣжденъ, что вы сами справитесь гораздо лучше, нежели получая распоряженія отсюда; сами вы скорѣе можете пользоваться всѣми обстоятельствами и скорѣе доведете дѣло до желаннаго конца. То, что̀ я уже сказалъ вамъ, повторяю еще разъ: я вполнѣ довѣряюсь вамъ и раздѣляю ваше мнѣніе на счетъ того непріятнаго впечатлѣнія, которое должно отразиться на Шамилѣ и Чеченцахъ, вслѣдствіе вашего мнимаго бездѣйствія съ начала этого мѣсяца. Повторяю вамъ также, что вѣроятно вы не упустите изъ виду тѣхъ обстоятельствъ, которыя касаются вашего главнаго предпріятія на Мичикѣ и не будете терять времени нужнаго для рубки лѣса, лежащаго на пути соединенія двухъ Чеченскихъ равнинъ (т.-е. между Аргуномъ и Мичикомъ)".

„Есть еще одно обстоятельство, которое не слѣдуетъ упускать изъ виду: это необходимость Вревскому во второй по-

ловинѣ Марта дѣйствовать въ Черныхъ горахъ и въ Малой Чечнѣ. Я просилъ Вольфа приготовить записку, которую вы получите вмѣстѣ съ этимъ письмомъ и гдѣ увидите, что̀ мы должны предпринимать съ этой стороны *). Зиновьевъ говоритъ, что вы надѣетесь сдѣлать все предстоящее вамъ въ теченіи шести недѣль; если вы начнете сейчасъ же, то время потеряно не будетъ, и 15-го Марта Вревскій можетъ начать свои дѣйствія, крайне важныя для нашего будущаго положенія въ Малой Чечнѣ и для обезпеченія всѣхъ покорныхъ жителей Владикавказскаго округа“.

„Я просилъ Зиновьева передать вамъ мою просьбу на счетъ присылки сюда всѣхъ подробностей, какія вы узнаете отъ вашихъ лазутчиковъ, о числѣ сборовъ въ Дагестанѣ, которые Шамиль могъ бы двинуть въ Чечню, объ ихъ начальникахъ и вообще о болѣе значительныхъ людяхъ, съ которыми эти храбрецы выступятъ противъ васъ. Они вѣдь должны быть въ самыхъ скверныхъ отношеніяхъ съ Чеченцами и, Богъ знаетъ, до чего эти отношенія дойдутъ и какія могутъ быть послѣдствія; но вѣроятно они не покинутъ Чечни до конца Февраля или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока вы имъ не дадите хорошій урокъ, или удобный предлогъ удалиться, не смотря на приказанія Имама“.

„Сообщите мнѣ, въ какихъ отношеніяхъ находитесь вы съ княземъ Аргутинскимъ, который, наконецъ, 10-го Января пріѣхалъ въ Шуру. Князь Григорій долженъ былъ уѣхать оттуда 15-го, но онъ отправится прямо въ Закаталы смѣнить барона Врангеля и не будетъ въ состояніи пріѣхать въ Тифлисъ ранѣе, чѣмъ ознакомится съ дѣлами своего новаго мѣста“.

Отъ 23-го Января: „Съ истинною радостью поздравляю васъ съ генералъ-адъютантскими аксельбантами. Жалуя ихъ,

---

*) Эта записка и была главною причиною, что настойчивыя представленія князя Барятинскаго оставались безъ послѣдствій и вскорѣ привели къ неожиданному столкновенію. Въ запискѣ доказывалась важность предстоявшихъ барону Вревскому дѣйствій въ Мартѣ мѣсяцѣ и необходимость возвратить ему съ Лѣваго фланга войска. На запискѣ собственною рукою князя Воронцова написано: „Одобряя эту записку, посылаю оную князю Александру Ивановичу“.

Государь лишь слѣдовалъ чувству справедливости. Я не могъ просить ихъ для васъ офиціально, потому что на званіе генералъ-адъютанта я смотрю всегда, какъ на дѣло частное, личное. Говоря о вашемъ блестящемъ дѣлѣ при Ханкале, я писалъ, что, по моему мнѣнію, вы достойны получить особый знакъ удовольствія Его Величества. И такъ, вы теперь въ томъ положеніи, которое вполнѣ заслужили и которое всѣ уже давно нашли бы совершенно естественнымъ. Узнавъ эту новость сегодня утромъ, мы очень обрадовались, и жена моя просила оставить уголокъ въ этомъ письмѣ, чтобы васъ поздравить. Поздравьте отъ меня Зиновьева; здѣсь всѣ очень рады его повышенію. Я надѣюсь, что скоро мы будемъ имѣть возможность представить и другихъ храбрецовъ, которые такъ хорошо помогали вамъ въ этомъ дѣлѣ“.

„У насъ ничего новаго, мы только отъ васъ ожидаемъ чего-нибудь интереснаго. Надѣюсь скоро получить извѣстіе о прибытіи князя Григорія Орбеліани въ Закаталы. Адмиралъ Серебряковъ соединилъ до 6,000 человѣкъ изъ Черноморіи, подъ начальствомъ заступающаго мѣсто Рашпиля—полковника Кухаренки, и долженъ быть теперь въ разгарѣ дѣйствій противъ Натухайцевъ“.

Приписка княгини Е. К. Воронцовой: „Отвѣчая на ваше любезное письмо, я не могу скрыть отъ васъ своей искренней радости по поводу пожалованныхъ вамъ аксельбантовъ, столь славно заслуженныхъ въ блестящихъ дѣлахъ; я такъ довольна этимъ, какъ если бы чувствовала ихъ на своихъ плечахъ“.

—

Приступая къ исполненію вышесказаннаго плана дѣйствій, князь Барятинскій предпочелъ исполнить его въ обратномъ порядкѣ, т.-е. вмѣсто рубки просѣки отъ Автура къ Куринскому, начать отъ Куринскаго и открыть отсюда свободный во всякое время доступъ въ глубь Большой Чечни. Съ этою цѣлью, онъ еще во время движеній въ 1852 году, внимательно осмотрѣлъ Качкалыковскій хребетъ, отдѣляющій Кумыкскую плоскость отъ долины Мичика, а также поручилъ генералъ-маіору Бакланову изъ Куринскаго осмотрѣть подробно всѣ перевалы и тропинки, чтобы избрать самое удобное направленіе просѣки.

Выборъ палъ на переходъ противъ аула Гурдали, по Хобп-Шавдонской высотѣ. Здѣсь южная покатость представляла чистый, отлогій спускъ, кое-гдѣ поросшій кустарниками; вершина была покрыта вѣковыми чинарами, а самая дорога не представляла особыхъ затрудненій для движенія съ артилеріей и обозами.

Обыкновенно зимнія военныя дѣйствія начинались въ Декабрѣ и не позже начала Января. Въ этотъ разъ князь Барятинскій, приказавъ войскамъ быть въ полной готовности къ выступленію, медлилъ, выжидалъ и не трогался изъ Грозной. Цѣль его была преждевременно утомить непріятеля, заставить его переносить всѣ невзгоды зимняго пребыванія въ бивуакахъ на снѣгу и морозѣ, расходовать скудные запасы кукурузной муки и сѣна, забиравшихся почти исключительно даромъ у Чеченцевъ, въ видѣ налога, и возбуждавшихъ между ними ропотъ на Шамиля и вражду къ Дагестанскимъ горцамъ.

Конечно, подобный образъ дѣйствій имѣлъ свое значеніе и ставилъ Шамиля, съ приведенными въ Чечню толпами горцевъ, въ затруднительное положеніе; но, съ другой стороны, князь очевидно не принялъ въ соображеніе особеннаго обстоятельства, очень важнаго для его плановъ, при тогдашнихъ условіяхъ нашихъ на Кавказѣ. Дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ отдѣльныхъ раіоновъ (а Лѣвый флангъ Кавказской линіи въ особенности) не имѣлъ для наступательныхъ дѣйствій достаточнаго числа собственныхъ войскъ и потому, на время экспедицій, назначались изъ сосѣднихъ раіоновъ по нѣскольку батальоновъ, но лишь на опредѣленное время, послѣ чего они должны были возвращаться въ свои мѣста. Это вызывалось потребностью въ нихъ тамъ, гдѣ тоже должны были совершиться извѣстныя, заранѣе опредѣленныя дѣйствія, гдѣ также могли ожидаться нападенія непріятеля, пользовавшагося ослабленіемъ у насъ оборонительныхъ силъ; наконецъ и потому, что всякій начальникъ весьма неохотно отдавалъ свои войска другому, и чтобы отстоять ихъ отправку, или по крайней мѣрѣ уменьшить число батальоновъ и срокъ ихъ отсутствія, приводилъ въ своихъ представленіяхъ множество доводовъ, оспаривать которыя изъ Тифлиса

было и трудно, и неудобно, въ виду лежавшей на каждомъ особомъ начальникѣ отвѣтственности за свой раіонъ. Тутъ съ дѣйствительностью сталкивались и самолюбія, а непринимать ихъ въ разсчетъ не всегда возможно. Тоже было и въ настоящемъ случаѣ. Къ князю Барятинскому, для экспедиціи 1853 года, были посланы четыре батальона изъ Владикавказскаго округа отъ генерала Вревскаго и два батальона съ четырьмя эскадронами драгунъ изъ Дагестана, отъ князя Аргутинскаго-Долгорукова. Срокъ пребыванія ихъ былъ опредѣленъ до первыхъ чиселъ Марта, т.-е. два съ небольшимъ мѣсяца. Такимъ образомъ, медля начинать экспедицію, князь Барятинскій сокращалъ время, въ теченіе котораго чужіе батальоны могли быть употреблены имъ для дѣйствій и, слѣд., или долженъ былъ выполнить свой планъ въ гораздо меньшій срокъ, или не успѣть выполнить его вполнѣ.

Такъ и случилось. Изъ послѣдующаго изложенія, читатель увидитъ, какія это имѣло послѣдствія, и при этомъ только станутъ понятны нѣкоторыя мѣста въ нижеприводимыхъ письмахъ князя Воронцова, которыя безъ этого могутъ показаться неясными, особенно для читателя, незнакомаго съ давно минувшими дѣлами Кавказа.

Наконецъ, 28-го Января, часть войскъ выступила изъ Грозной чрезъ Умаханъ-Юртъ и, соединясь 29-го съ другими, прибывшими изъ Хасавъ-Юрта къ Истису, свернула направо, на дорогу чрезъ перевалъ; всей кавалеріи приказано было между тѣмъ пройти изъ Куринскаго по второму пути, на Мичикъ, и этимъ развлечь непріятеля, собравшагося, подъ начальствомъ сына Шамиля, въ значительныхъ силахъ за Мичикомъ, въ укрѣпленной позиціи Шуанбъ-Капа; самъ Имамъ находился въ аулѣ Бата-Юртъ, на рѣчкѣ Гонсоулъ, впадающей въ Мичикъ. Вся эта береговая мѣстность вообще была укрѣплена завалами довольно сильной профили; переходы чрезъ Мичикъ, и безъ того обрывистые (отвѣсные берега имѣютъ до четырехъ саженъ), едва доступные пѣшему человѣку, и то въ сухое время, испорчены; пять орудій были размѣщены такъ, чтобы продольно обстрѣливать атакующихъ. Однимъ словомъ, Шамиль, убѣжденный, что мы непремѣнно будемъ брать его укрѣпленную позицію и форси-

ровать переходъ чрезъ рѣку, употребилъ всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать этому или, по крайней мѣрѣ, продать намъ успѣхъ какъ можно дороже. Сборъ его простирался до 10-ти тысячъ человѣкъ, всѣ лучшіе наибы были съ нимъ.

Подъемъ къ Хоби-Шавдонскимъ высотамъ представляетъ длинную, узкую ложбину, поросшую лѣсомъ, кустарникомъ и вьющимся дикимъ виноградомъ. Занявъ вершину, безъ всякаго сопротивленія непріятеля, войска прошли безпрепятственно по этой покрытой инеемъ и казавшейся отъ того трущобой мѣстности, осмотрѣли спускъ, расчистили кое-гдѣ отъ кустарника дорогу и вдругъ получили приказаніе прекратить работу и отступить въ укрѣпленіе Куринское. Всѣ недоумѣвали; но князь Барятинскій считалъ нужнымъ ввести непріятеля въ обманъ на счетъ дѣйствительныхъ намѣреній нашихъ.

30-го Января весь отрядъ простоялъ въ Куринскомъ и окончательно сформировался (10 батальоновъ, четыре эскадрона драгунъ, 14 сотенъ казаковъ, 32 орудія, нѣсколько сотенъ милиціи), а 31-го, послѣ обычнаго молебствія, выступилъ опять по той же дорогѣ къ Хоби-Шавдону на рубку, занявъ лагерь на южной покатости хребта.

Съ 1-го Февраля началась рубка просѣки назадъ, чтобы обезпечить сообщеніе съ базой для движенія обозовъ. Непріятель почти не показывался; лишь изрѣдка въ цѣпяхъ раздавалось нѣсколько выстрѣловъ, да ядра и пустыя гранаты со свистомъ проносились надъ лагеремъ.

6-го Февраля, при сильномъ туманѣ, совершено опять передвиженіе всего отряда на другую позицію Хоби-Шавдонскую, откуда открывается обширный видъ на всю восточную часть Чечни; у ногъ протекаетъ Мичикъ, принимая въ себя Гонсоулъ; вдали видны Маюртупъ, Индо-Юртъ, Гельдыгенскія поля, налѣво живописныя ущелья Черныхъ горъ, въ которыхъ виднѣются аулы Бачинъ-Юртъ и Бата-Юртъ; правѣе—далекое теченіе Мичика, съ разбросанными по берегу аулами. Здѣсь разбили лагерь; сообщенія съ Куринскимъ были совершенно обезпечены; воды оказалось достаточно.

Непріятель очевидно находился въ совершенномъ недоумѣніи, вслѣдствіе непонятныхъ ему передвиженій нашихъ и

самъ производилъ перемѣщеніе своихъ партій, собирая главныя силы на равнинѣ между Мичикомъ и Гонсоуломъ и продолжая бросать въ нашъ лагерь ядра.

7-го Февраля начали здѣсь рубку лѣса; въ продолженіе нѣсколькихъ дней почти не слышно было выстрѣла.

11-го числа генералъ Баклановъ произвелъ съ кавалеріею рекогносцировку и убѣдился, что переходы чрезъ Мичикъ въ этомъ мѣстѣ совершенно невозможны. По мѣрѣ удаленія нашей конницы, непріятель приближался, открывая огонь, и главныя толпы сосредоточивались въ Аку-Юртѣ, гдѣ на крышѣ главной мечети стоялъ окруженный своими наибами Шамиль, благодарившій своихъ людей за отраженіе Русскихъ... Въ подзорную трубу ясно былъ видѣнъ Имамъ, въ большой бѣлой чалмѣ; близъ него зеленый значекъ съ красной каймой. Совершивъ тутъ же молитву, онъ около заката солнца сошелъ съ крыши и уѣхалъ въ Бачинъ-Юртъ; толпы стали расходиться, только часть осталась на ночь за укрѣпленными линіями.

12-го числа видны были новыя подкрѣпленія, прибывшія изъ Чечни съ орудіемъ, расположившіяся по берегу Мичика, въ аулѣ Мазлагашъ; но непріятель ничего не предпринималъ. Рубка продолжалась въ послѣдующіе дни почти безъ потерь; изрѣдка артилерійскій огонь усиливался, ядра летали въ лагерь, все больше по направленію палатки князя Барятинскаго, непріятель усердно работалъ надъ усиленіемъ своихъ укрѣпленій, и завалы принимали громадные размѣры.

Наконецъ, князь рѣшился овладѣть непріятельскими укрѣпленными линіями, но не такъ какъ ожидалъ Шамиль. Днемъ атаки назначено 17-ое Февраля, любимое число князя Барятинскаго, уже ознаменовавшееся прежде удачными дѣлами.

Войска ничего не знали до минуты выступленія; только главнымъ начальникамъ частей войскъ сообщено подробное распоряженіе. Вообще тайна, отъ которой зависѣлъ весь успѣхъ предпріятія, была такъ хорошо сохранена, что до послѣдней рѣшительной минуты непріятель ничего не подозрѣвалъ. Все предпріятіе было основано на томъ, чтобы овладѣть укрѣпленною позиціею съ наименьшею потерею и для этого, ведя открытую атаку съ фронта фальшиво, въ дѣй-

ствительности ударить непріятелю во флангъ и тылъ обходною колонною, чтó по неожиданности должно было неминуемо навести на него страхъ и заставить бѣжать... Трудность выполненія этого плана состояла въ томъ, что дороги, по которымъ могла двинуться обходная колонна, составленная главнѣйшимъ образомъ изъ кавалеріи съ конною артилеріею (ибо только онѣ быстрой и грозной атакою могли произвести требуемое впечатлѣніе)—были наблюдаемы непріятелемъ и вели къ той переправѣ чрезъ Мичикъ, которая была испорчена, укрѣплена и бдительно охраняема массами горцевъ. Нужно было, слѣдовательно, найти во чтò бы ни стало, гдѣ-нибудь тропу, по которой можно было бы незамѣтно пройти къ Мичику, также незамѣтно переправиться чрезъ него и совершенно-неожиданно появиться на флангѣ непріятеля въ то самое время, когда онъ обратитъ все свое вниманіе на атакуемый Русскими войсками фронтъ.

Исполненіе этой задачи князь Барятинскій возложилъ на Бакланова. Это былъ типъ лихаго Донскаго атамана старыхъ временъ, съ своего рода военными дарованіями и опытностью, пріобрѣтенною нѣсколько-лѣтними, безпрерывными дѣлами въ Чечнѣ. Онъ командировалъ нѣсколько казаковъ своего полка отыскивать удобную для движенія тропинку. Въ теченіе нѣсколькихъ ночей эти молодцы пробирались изъ укрѣпленія Куринскаго чрезъ Качкалыковскій хребетъ въ разныхъ мѣстахъ, пока не открыли какой-то заглохшей тропы, по которой они полагали возможнымъ пройти, ведя лошадей въ поводу, а артилерію съ помощью людей и веревокъ. Послѣ самъ Баклановъ осмотрѣлъ эту тропу, убѣдился въ вѣрности показанія своихъ людей и доложилъ объ этомъ князю, отъ котораго и получилъ приказаніе выступить, съ такимъ расчетомъ времени, чтобы не позже 12-ти часовъ дня 17-го Февраля появиться на равнинѣ, въ углу Мичика при впаденіи Гонсоула, т.-е. на правомъ флангѣ непріятельской позиціи, и ринуться въ атаку въ ту минуту, когда пѣхота начнетъ форсировать переходъ чрезъ Мичикъ съ фронта.

Между тѣмъ непріятель, ничего не подозрѣвая и ободренный нашимъ относительнымъ бездѣйствіемъ, все продол-

жалъ усиливать свои укрѣпленія, устраивать батареи и по ночамъ безпокоить лагерь пушечными выстрѣлами.

17-го Февраля утро было прекрасное; вся кавалерія, по обыкновенію, отправилась на водопой, и непріятель, которому это было видно, тѣмъ менѣе имѣлъ основаніе ожидать какого-нибудь движенія съ нашей стороны. Часу въ 8-мъ, какъ бы на заказъ, вдругъ палъ туманъ, и вся окрестность скрылась. Въ эту минуту драгуны и линейные казаки съ артилеріей выступили въ Куринское, тамъ присоединили къ себѣ Донцовъ Бакланова и тронулись по изслѣдованной тропинкѣ къ Мичику; за ними, почти бѣгомъ, слѣдовали два батальона съ горными орудіями. Часу въ 10-мъ изъ лагеря къ Мичику было выдвинуто 14 орудій, открывшихъ по непріятельской позиціи учащенный огонь, на который горцы изъ пяти орудій отвѣчали довольно упорно, но безъ особаго вреда для насъ. Вслѣдъ за артилеріей выступила штурмовая колонна съ лѣстницами, фашинами и проч. и расположилась въ ожиданіи минуты, когда можно будетъ броситься къ обрывистой переправѣ „на ура“.

Теперь все зависѣло отъ того, появится ли въ опредѣленный часъ Баклановъ на той сторонѣ рѣки и, само собою, всѣмъ отрядомъ, отъ начальниковъ до солдатъ (уже узнавшихъ въ чемъ дѣло) овладѣло самое напряженное, нетерпѣливое ожиданіе. Жестокій огонь артилеріи не умолкалъ; мы старались по возможности разрушить завалы и сбить батарею непріятеля, чтобы ослабить его энергію, затѣмъ подойти ближе къ берегу, осыпать его картечью, подготовивъ панику, неизбѣжную при появленіи кавалеріи съ 8-ю конными орудіями, и тогда уже броситься на штурмъ переправы. А Шамиль, съ своей стороны, вполнѣ убѣжденный, что форсировать переходъ чрезъ рѣку мы будемъ гораздо ниже, противъ ауловъ Гурдали и Мазлагаша (гдѣ берега отложе и удобнѣе) считалъ всю эту канонаду за демонстрацію и обратилъ главное вниманіе внизъ по теченію рѣки, направивъ туда подкрѣпленія изъ лучшихъ бойцевъ-Чеченцевъ. Самъ онъ съ резервами оставался въ Аку-Юртѣ.

Было уже 11 часовъ; продолжали гремѣть орудія; всѣ съ возраставшимъ волненіемъ ожидали разрѣшенія сомнѣній: по-

явится Баклановъ на той сторонѣ, или какія-нибудь неожиданныя препятствія задержатъ его, или вовсе не пропустятъ?

А Баклановъ въ это время осторожно двигался, перенося на рукахъ артилерію, и никѣмъ не замѣчаемый, уже приближался къ Мичику. Вдругъ, подъ однимъ изъ ящиковъ сломалась ось, и все остановилось... Хотѣли уже бросить ящикъ, но лихіе Донцы-артилеристы, извѣстной на Кавказѣ батареи Долотина, въ нѣсколько минутъ поддѣлали новую ось и двинулись дальше. Переходъ чрезъ Мичикъ гораздо выше, по сравнительно менѣе крутымъ и неудобнымъ откосамъ, совершили благополучно, а близъ лежащая караулка оказалась пустою!... Людей не встрѣчалось; туманъ оказывалъ наилучшую помощь. Счастіе очевидно намъ покровительствовало: вѣдь будь движеніе Бакланова заранѣе открыто и займи нѣсколько сотъ человѣкъ лѣсъ, чрезъ который почти безъ дороги тянулась кавалерія, ей заградили бы путь и, до прибытія пѣхоты, она понесла бы большія потери, весь планъ бы рушился, и штурмъ—или стоилъ бы неимовѣрныхъ жертвъ, или вовсе бы не состоялся и далъ бы непріятелю случай торжествовать побѣду.

Наконецъ, въ началѣ 1-го часа, эскадронъ за эскадрономъ, сотня за сотней, орудіе за орудіемъ, выскакивала наша кавалерія чрезъ Мичикъ изъ лѣса, и вдругъ, при поднявшемся туманѣ, всѣ увидѣли развертывающійся фронтъ, охватившій всю чистую поляну на флангѣ непріятеля. Залпъ изъ всѣхъ орудій, бой барабановъ къ атакѣ, музыка, оглушительное ура и „Баклановъ, Баклановъ!“ раздались на нашей сторонѣ. Какой-то вопль ужаса, отчаянія, трудно передаваемые звуки завыванія донеслись съ непріятельской линіи, и десяти-тысячная толпа бросилась въ паническомъ страхѣ бѣжать на право къ лѣсу, преслѣдуемая свистомъ ядеръ и гранатъ съ одной стороны, пиками Донцовъ, шашками драгунъ и линейцевъ, да картечью конныхъ орудій съ другой!... Картина была рѣдкая, эпизодическая: бѣгущіе горцы, рубящіе ихъ драгуны и казаки, кое-гдѣ кучки непріятеля, сбивающіяся въ сторону, бросающіяся съ обрывовъ Гонсоула, разбивающіяся лошади, трескотня ружей, Кабардинскіе

батальоны, лѣзущіе по отвѣснымъ обрывамъ, подсаживая другъ друга, цѣпляясь за камни и кусты...

Вслѣдъ несется князь Барятинскій, окруженный свитою, съ конвоемъ казаковъ и милиціи, встрѣчаемый и провожаемый воодушевленными криками ура, бросаніемъ вверхъ папахъ, звуками трубъ, грохотомъ орудій,—какой-то общій гулъ и стонъ, глухо повторяемые мрачными, лѣсистыми горами, которыя, какъ бы насупившись, изъ подъ покрытыхъ снѣгомъ верхушекъ вѣковыхъ чинаровъ, взирали на побоище, на весь этотъ воинственно-живописный хаосъ... Особенно живо и восторженно проявляли свое удовольствіе мирные Чеченцы съ своимъ начальникомъ Бѣликомъ; откуда-то нашлась у нихъ и бутылка Шампанскаго, тутъ же, при громкихъ ура, роспитая за здоровье начальника отряда.

Всѣ расчеты Шамиля, всѣ труды его, всѣ надежды на непропускъ Русскихъ за Мичикъ и на пораженіе ихъ при штурмѣ, оказались пустой мечтой. Окончательно нравственно-убитый, потерявъ много людей, въ томъ числѣ нѣсколько любимыхъ, лучшихъ наибовъ, Имамъ,—до послѣдней минуты остававшійся въ Аку-Юртѣ,—замѣтивъ несущуюся туда кавалерію и бѣгущихъ за нею два Кабардинскихъ батальона, рѣшился оставить поле сраженія. Онъ поскакалъ въ Бачинъ-Юртъ въ глубь ущелья Гонсоула, и во время: ибо Аку-Юртъ былъ немедленно занятъ, а по Бачинъ-Юрту открытъ сильный огонь изъ конныхъ орудій.

Соображенія князя Барятинскаго, благодаря ловкости Бакланова, вполнѣ оправдались, и дѣло, казавшееся почти невыполнимымъ, возбуждавшее большія сомнѣнія и опасенія, грозившее громадною потерею, было совершено, напротивъ, почти безъ всякой потери: потому что десятокъ человѣкъ, раненыхъ въ этотъ день преимущественно ядрами — уронъ ничтожный въ виду такого успѣха. Но нужно сказать, безъ преувеличеній и риторики, что противъ войскъ, до такой степени воодушевленныхъ, идущихъ на бой какъ на пиръ, на праздпество, ничто устоять не можетъ, и успѣхъ долженъ увѣнчать всякое предпріятіе. 17-го Февраля 1853 года можно было во очію убѣдиться, что для предпріимчиваго Русскаго генерала,

умѣющаго возбудить въ своихъ войскахъ энтузіазмъ, нѣтъ ничего невозможнаго.

Послѣ перехода большей части войскъ за Мичикъ и совершеннаго бѣгства полчищъ Шамиля, въ углу, образуемомъ впаденіемъ Гонсоула, былъ на скоро возведенъ полевой редутъ на батальонъ съ 2-мя орудіями, разрушались непріятельскія укрѣпленія, сжигались аулы по берегу, разработывались удобные спуски и подъемы чрезъ оврагъ Мичика и расчищались ближайшія лѣсныя поросли.

Занятія продолжались 20 дней, пока не дошли до рѣки Гудермеса; много ауловъ было истреблено и все почти безъ выстрѣла. У аула Бейбулатъ-Юрта, наконецъ, опять появился непріятель, и завязалась довольно жаркая перестрѣлка, стоившая намъ болѣе 10-ти человѣкъ.

9-го Марта отрядъ былъ распущенъ. Князь Барятинскій считалъ почти законченнымъ всѣ подготовленія къ выполненію своихъ дальнѣйшихъ плановъ, состоявшихъ въ упраздненіи укрѣпленія Куринскаго въ перенесеніи его на Хоби-Шавдонъ и въ обезпеченіи переправы чрезъ Мичикъ постройкою моста съ предмостнымъ укрѣпленіемъ и вырубкою извѣстнаго Маюртупскаго орѣшника. Тогда, во всякое время года, совершенно неожиданно, небольшія колонны могли бы вторгаться и съ этой стороны въ Чечню, не допуская ея до посѣвовъ или сбора жатвы, чтò, безъ сомнѣнія, должно было привести ее къ скорой и окончательной покорности.

Однако планамъ этимъ не суждено было сбыться...

Опять обращаюсь къ интереснѣйшимъ письмамъ князя Воронцова за это время.

Отъ 9-го Февраля: „Я былъ очень радъ, дорогой князь, узнать о началѣ вашихъ дѣйствій: какъ я вамъ уже говорилъ, никто лучше васъ не можетъ знать мѣста и способы дѣйствій. Вы отлично можете судить послѣ нашихъ съ вами разговоровъ и послѣ всего, чтò я говорилъ Зиновьеву, что дѣло начатое теперь вами вполнѣ согласно съ моимъ мнѣніемъ, ибо въ этомъ я вижу возможность скораго покоренія Мичика съ полнымъ успѣхомъ и съ малыми потерями. Оттуда вы направитесь на орѣшникъ около Маюртупа и побьете тамъ Шамиля, если онъ вздумаетъ атаковать васъ. Весь во-

просъ заключается теперь во времени и если вы будете въ состояніи прорѣзать лѣсъ и гору отъ Истису до Гурдали и затѣмъ пройти орѣшникъ у Маюртупа ранѣе половины Марта (какъ вы и надѣетесь), то это будетъ великолѣпнымъ дѣломъ и громаднымъ шагомъ для покоренія Большой Чечни. Мнѣ кажется, что послѣ этихъ двухъ предпріятій, все чтó есть въ долинѣ между новой „Русской дорогой“ и Сунжей, затѣмъ всѣ аулы по Мичику и въ особенности между Гурдали и Умаханъ-Юртомъ не будетъ имѣть болѣе возможности существовать; жителямъ ничего болѣе не останется какъ уйти въ Черныя горы и тамъ скитаться, или покориться на мѣстѣ, или наконецъ отправиться—куда вы сами имъ назначите для ихъ поселенія. Въ этомъ случаѣ ваша мнимая бездѣятельность въ Январѣ мѣсяцѣ увеличитъ раздоръ между Шамилемъ, Чеченцами и Тавлинцами; и вы не потеряете времени для того главнаго дѣла, за которое вы такъ горячо взялись и которое будетъ такъ полезно. Если Шамиль вамъ не будетъ серьозно мѣшать, то онъ поставитъ себя въ крайне смѣшное положеніе относительно своихъ наибовъ и людей Дагестана, которыхъ онъ силою привелъ сражаться противъ васъ. Если онъ атакуетъ васъ, въ особенности когда вы спуститесь въ долину Мичика, то есть большое вѣроятіе, что вы его совершенно разобьете; и если онъ будетъ продолжать упорствовать, то можетъ потерять нѣсколько своихъ пушекъ“.

„Мирскій мнѣ сказалъ, что ваша кавалерія превосходна и горитъ желаніемъ сразиться въ долинѣ. Да благословитъ Господь васъ и ваши войска и поможетъ вамъ въ успѣхахъ, которыхъ вы такъ достойны! Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ новостей и прошу васъ прислать мнѣ самые простые отчеты о количествѣ вырубленнаго вами лѣса по обѣимъ сторонамъ горъ, затѣмъ о количествѣ остающагося къ вырубкѣ и о ширинѣ вашей просѣки. Чтó касается до ретраншаментовъ, устроиваемыхъ Шамилемъ на Мичикѣ, то, разъ вы перейдете чрезъ Качкалыковскія горы и уничтожите лѣсъ до Гурдали, эта позиція послужитъ ему также, какъ и знаменитая большая канава на Шали, и онъ долженъ будетъ покинуть ее, или она будетъ взята и послужитъ въ пользу вамъ же. Пишу

Вревскому, чтобы онъ распорядился отправить вамъ это письмо съ надежнымъ человѣкомъ. Я думаю, удобнѣе всего послать его по Тереку и Кумыкской долинѣ; впрочемъ Вревскій устроитъ уже все, чтобы доставка была скорая и вѣрная".

„Халатъ-еффенди уѣхалъ отсюда во Владикавказъ; я имѣлъ съ нимъ серьезныя бѣсѣды. Эта личность совершенно выдѣляется изъ среды людей его страны; все, что онъ говоритъ—очень разумно и носитъ отпечатокъ истины. Онъ разсматриваетъ положеніе Шамиля, какъ очень плачевное, и говоритъ, что если вы будете продолжать дѣйствовать такъ какъ дѣйствуете теперь, то Имамъ не будетъ въ состояніи долго продержаться въ Веденѣ, а въ Дагестанѣ его едвали хорошо примутъ. Затѣмъ, если даже онъ и найдетъ тамъ временное убѣжище, все же у него не будетъ лѣсовъ для защиты противъ насъ: эти лѣса его единственная помощь и его единственное спасеніе въ Большой Чечнѣ и въ Ичкеріи".

„Только что получилъ письмо отъ князя Аргутинскаго, которое нахожу на столько интереснымъ, что сообщаю вамъ копію. Нельзя съ нимъ не согласиться, что вести войска въ верхнюю часть Салатавіи не только неудобно, но и опасно, разъ зима тамъ установится. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ дѣлаетъ прекрасное предложеніе, говоря, что готовъ, если указываетъ надобность, самъ вести четыре батальона и кавалерію на Кумыкскую плоскость, чтобы помочь вамъ въ рѣшительную минуту вашихъ дѣйствій въ Большой Чечнѣ. Я говорю вамъ объ этомъ потому, что не знаю, писалъ ли онъ вамъ самъ. Прошу васъ вести съ нимъ живую переписку, отправляя письма съ нарочными офицерами, что вамъ легко исполнить въ вашемъ настоящемъ положеніи, и затѣмъ эти офицеры могутъ доставлять вамъ также отвѣты и даже словесныя порученія. Вы хорошо понимаете, князь, что не слѣдуетъ обольщаться этимъ предложеніемъ; его хорошо оставить про запасъ на нѣсколько дней для рѣшительной минуты, когда вы встрѣтите затрудненія и необходимость сильнаго подкрѣпленія. Напримѣръ, если, окончивъ рубку въ Гурдали, вы найдете необходимымъ атаковать Шамиля съ фронта, ожидая при этомъ встрѣтить сильное сопротивленіе, то въ

рѣшительную минуту вы могли бы взять три батальона изъ вашихъ собственныхъ войскъ, замѣнивъ ихъ въ вашей настоящей позиціи отрядомъ изъ Дагестана".

„Скажите мнѣ что́ вы объ этомъ думаете; я съ своей стороны признаюсь, что, въ виду настоящихъ и будущихъ обстоятельствъ, читалъ это письмо Аргутинскаго съ большимъ удовольствіемъ" *).

Отъ 14-го Февраля: „Нѣтъ надобности говорить вамъ, князь, съ какимъ удовольствіемъ я встрѣтилъ третьяго дня моего адъютанта, князя Грузинскаго, который привезъ мнѣ ваше письмо и оффиціальныя бумаги, сообщающія о прекрасномъ движеніи и удачномъ дѣлѣ на самомъ Качкалыкскомъ хребтѣ, гдѣ вы могли употребить въ дѣло вашу кавалерію. Вы правы, говоря, что теперь, какъ Мичикъ, такъ и свободный, удобный входъ во всѣ равнины Большой Чечни въ нашихъ рукахъ: потому что, занимая этотъ лагерь, вы можете производить рубку лѣса до тѣхъ поръ, пока достигнете цѣли. Что̀ касается до Мичика, я полагаю, что всѣ деревни между Гурдали и Умаханъ-Юртомъ должны будутъ или покориться, или убраться. Дороже всего то, что намъ это ничего не будетъ стоить. Вы два раза обманули Шамиля вашими прекрасно-выполненными диверсіями и затѣмъ заняли весь лѣсъ, который вамъ былъ нуженъ. То что̀ вы совершили, очень важно, и со вчерашнею почтою я, черезъ князя Долгорукаго, сообщилъ обо всемъ Государю. Я увѣренъ, онъ будетъ доволенъ, что, благодаря вашей опытности, знанію дѣла и страны, вы достигли столь важнаго результата безъ пролитія капли драгоцѣнной крови нашихъ храбрецовъ. Рѣшительно Шамиль долженъ находиться въ смѣшномъ и ложномъ положеніи. Онъ не смѣетъ васъ атаковать, не смотря на то, что привелъ съ собою для этого все, что́ могъ собрать среди преданныхъ ему обществъ, даже въ отдаленныхъ

*) Принять такое предложеніе князя Аргутинскаго (къ тому же старшаго въ чинѣ) значило бы нѣкоторымъ образомъ отказаться отъ всей славы предстоявшихъ дѣйствій. На такое, не вызываемое никакими крайними обстоятельствами самоотреченіе едвали согласится кто-нибудь изъ полководцевъ, и странно было даже думать, чтобы это сдѣлалъ молодой, пылкій князь Барятинскій, особенно подъ обаяніемъ столькихъ послѣдовательныхъ успѣховъ.

углахъ Дагестана. Онъ обреченъ каждый день наблюдать наши движенія безъ выстрѣловъ и наши мѣры, которыя въ не очень отдаленномъ будущемъ доставятъ намъ прочное положеніе въ Большой Чечнѣ".

„Вы мнѣ говорите, что вамъ нужно около 10-ти дней для того, чтобы уничтожить лѣса, стѣсняющіе и затрудняющіе свободный проходъ чрезъ Качкалыкъ; я думаю, что вамъ достанетъ времени покончить такъ или иначе съ Шамилемъ и прорѣзать орѣшникъ у Маюртупа. Мнѣ кажется, что Шамиль и его приверженцы не будутъ на столько дерзки, чтобы вступить съ вами въ дѣло, а затѣмъ ихъ постоянно-ложные расчеты заставятъ многихъ Тавлинцевъ уйдти домой. Вообще же отсюда мнѣ трудно судить объ этомъ; да мнѣ нѣтъ и надобности этимъ заниматься, такъ какъ я вполнѣ увѣренъ, что никто лучше васъ не знаетъ что̀ нужно дѣлать для достиженія большей пользы".

„Вѣрьте, князь, я былъ бы очень радъ, если бы могъ найти возможность оставить вамъ въ отрядѣ всѣхъ вашихъ людей не только на Мартъ, но и на Апрѣль; но вамъ не безъизвѣстны также важныя причины, заставляющія насъ озаботиться, хотя уже немного и поздно, дѣлами генерала Вревскаго. Необходимо, чтобы онъ, ранѣе чѣмъ листья распустятся на деревьяхъ, очистилъ лѣса и дороги отъ Бумута къ Гандельбасу и по направленію къ Мереджи. Это дѣло очень важное, потому что окончаніе его предоставитъ въ наши руки лѣтомъ равнины между Черными горами и главнымъ хребтомъ, уничтожитъ совершенно всякое вліяніе Шамиля на все населеніе Владикавказскаго округа и, если ему когда нибудь вздумается побывать въ этой сторонѣ, мы ему отрѣжемъ всякое отступленіе, прибывъ туда тою дорогою, которую теперь подготовитъ Вревскій. Можетъ быть, уничтоживъ Маюртупскій лѣсъ, вамъ тутъ же на равнинѣ придется имѣть дѣло съ отрядомъ сравнительно-слабымъ; жители этой равнины, на сколько мнѣ это отсюда кажется, едва ли въ состояніи долѣе сопротивляться; а если они будутъ находиться на мѣстахъ, еще вами незанятыхъ, то можетъ быть вы найдете возможность дѣйствовать противъ нихъ тамъ и уничтожите ихъ жатву лѣтомъ. Въ случаѣ же какихъ-нибудь

серьезныхъ движеній съ ихъ стороны, можетъ быть вы найдете способъ согласиться съ княземъ Аргутинскимъ, вслѣдствіе того письма, которое нѣсколько дней тому назадъ я вамъ сообщалъ“.

Приписка княгини Е. К. Воронцовой: „Молодецъ, ей Богу, молодецъ! Вотъ все, что́ могу сказать вамъ“.

И генералъ Коцебу въ письмѣ отъ 20-го Февраля писалъ между прочимъ:

„Вы доставляете мнѣ такъ часто пріятный случай поздравлять васъ со всевозможными успѣхами, что я, наконецъ, затрудняюсь пріискивать новыя выраженія, чтобы изъявить вамъ свои чувства; къ тому же я не охотникъ до фразъ, и вы поймете меня, если я совершенно просто скажу вамъ, что ваше движеніе въ Большой Чечнѣ превосходно и чрезвычайно полезно, и что я, привыкнувъ къ этого рода неожиданностямъ съ вашей стороны, нисколько не удивился, когда увидалъ, что вы воспользовались удобнымъ моментомъ выполнить это движеніе лучше, чѣмъ вы предполагали въ началѣ экспедиціи“.

„Въ вашемъ письмѣ къ князю Воронцову вы говорите о рубкѣ лѣса на Урусъ-Мартанѣ и на Гойтѣ; это будетъ крайне полезно, я въ этомъ увѣренъ; но сомнѣваюсь, чтобы вы нашли время совершить эти два дѣла основательно: ибо мнѣ кажется, что входы въ ущелья этихъ двухъ рѣкъ слишкомъ еще лѣсисты. Генералъ Вольфъ, который пріѣдетъ къ вамъ съ Вревскимъ, переговоритъ съ вами на счетъ устройства дѣлъ съ этимъ послѣднимъ; это совершенно Гордіевъ узелъ, который можетъ быть разрубленъ лишь ударомъ топора“.

„Передайте привѣты отъ меня Мирскому, жена и дѣти котораго находятся въ добромъ состояніи. Черезъ двѣ недѣли я надѣюсь видѣть васъ здѣсь и повторить еще разъ, какъ искренно я къ вамъ привязанъ“.

Отъ 26-го Февраля князь Воронцовъ опять писалъ: „Я уже привыкъ, князь, получать отъ васъ все только однѣ хорошія новости; но на этотъ разъ, признаюсь, я не ожидалъ получить такъ скоро извѣстія о блестящихъ результатахъ вашихъ пріемовъ, разумныхъ и полезныхъ, о которыхъ подробности доставлены мнѣ отъ васъ черезъ князя Вахтан-

га Орбеліани. Не могу достаточно отблагодарить васъ за все, что̀ совершено вами съ такимъ благоразуміемъ, вслѣдствіе чего мы достигли столь блестящаго успѣха при такой ничтожной потерѣ, почти сводящейся къ нулю. Относительно этого счастливаго дѣла я уже писалъ военному министру и представилъ вниманію Императора; я увѣренъ, что Государь будетъ очень доволенъ и отнесется съ полною справедливостью къ прекраснымъ мѣрамъ, которыя вы постоянно и неутомимо преслѣдовали съ самаго начала вашихъ военныхъ дѣйствій. Посылаю вамъ съ этимъ же нарочнымъ 30 солдатскихъ крестовъ, изъ которыхъ пять для магометанъ. Если вы непремѣнно хотите, я пришлю вамъ еще; но такъ какъ, благодаря вашимъ распоряженіямъ, непріятель не смѣлъ нигдѣ сопротивляться, мнѣ кажется, что посылаемое мною количество будетъ пока достаточнымъ, чтобы распредѣлить его по вашему усмотрѣнію между тѣми храбрыми Кабардинцами, которые первые бросились на завалы, думая встрѣтить тамъ болѣе серьезное сопротивленіе, между артиллеріею, такъ прекрасно исполнившею ваши приказанія и кавалеріею, которая рѣшила бѣгство непріятеля".

„Что́ касается до нашего дорогаго Николаи, то дума Георгіевскихъ кавалеровъ, собравшись завтра, выскажется вѣроятно въ пользу храбраго и прекраснаго командира вашего стариннаго полка. Рапортъ думы, вмѣстѣ съ моимъ, отправится въ Петербургъ на этихъ же дняхъ, и я надѣюсь, что крестъ героевъ будетъ утвержденъ за нимъ безъ всякихъ затрудненій".

„И такъ, мы теперь полные хозяева Мичика. Ничто болѣе не можетъ вамъ помѣшать окончить рубку большой просѣки, гдѣ величина и толщина деревьевъ доставляетъ вамъ столько трудностей; ничто не можетъ задержать теперь раззореніе и покореніе деревень, лежащихъ по обоимъ берегамъ Мичика до Умаханъ-Юрта. То что̀ вы мнѣ говорите на счетъ Маюртупскаго орѣшника вполнѣ согласуется съ моими взглядами, и, какъ вы знаете, я еще съ прошлаго года былъ убѣжденъ, что это будетъ полезнѣйшимъ дѣломъ въ вашей настоящей экспедиціи. Весною или осенью вы легко справитесь съ этимъ орѣшникомъ безъ всякаго ущерба лю-

дей, какъ вы и сами о томъ говорите; но теперь, пока непріятель вблизи васъ, это можетъ стоитъ вамъ потерь, что̀ разумѣется будетъ отрицательнымъ для насъ успѣхомъ и во всякомъ случаѣ для Шамиля послужитъ до нѣкоторой степени удачей, такъ какъ, нанеся намъ уронъ, онъ постарается загладить тотъ позоръ, который покрываетъ его теперь, когда, воздвигая постоянно столько укрѣпленій и перенося съ своими людьми во всѣ углы этого несчастнаго края, онъ все-таки не можетъ нанести вамъ ни малѣйшаго вреда и препятствовать вашимъ дѣйствіямъ. Я положительно не понимаю, какимъ образомъ онъ до сего времени еще удерживаетъ своихъ людей. Вѣроятно, черезъ вашихъ лазутчиковъ, вы узнаете о бѣгствѣ большой массы Тавлинцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ваше блестящее дѣло 17-го числа произведетъ большое впечатлѣніе въ горахъ и возбудитъ отчаяніе въ однихъ, недовольство и даже ненависть въ другихъ противъ Шамиля“.

„Признаюсь, я не думаю, чтобы князь Аргутинскій могъ вамъ дать четыре батальона, о которыхъ вы говорите; главный ударъ уже нанесенъ, и теперь остается воспользоваться всѣмъ, чтобы окончить, не торопясь, все что̀ нужно на Мичикѣ и чтобы совершенно довести до конца большую просѣку, которая соединитъ равнину Чечни съ Кумыкскою. У Аргутинскаго есть также свои дѣла: покореніе, насколько возможно полное, бывшихъ въ волненіи Кайтаха и Табасарани и устройство дорогъ въ этихъ провинціяхъ, крайне важныхъ во всѣхъ отношеніяхъ; теперь онѣ пока скорѣе нейтральны, нежели покорны. Впрочемъ, мы увидимъ что̀ еще случится до лѣта, и, можетъ быть, окажется возможность (если это будетъ для васъ необходимо) помочь вамъ двумя или тремя батальонами изъ Дагестана на то время, когда вы рѣшитесь идти въ Маюртупскій орѣшникъ“.

„Князю Аргутинскому необходимо уѣхать на воды въ Пятигорскъ на два мѣсяца, а въ его отсутствіе командовать въ Дагестанѣ будетъ генералъ Сусловъ. Князь Аргутинскій хотѣлъ уѣхать въ Апрѣлѣ; но я просилъ его подождать до первыхъ чиселъ Мая, такъ какъ имѣю неотложную надобность его видѣть и говорить съ нимъ о дѣлахъ

Дагестана, котораго я по невозможности не посѣтилъ въ прошломъ году. По плану моего путешествія (въ которомъ приметъ участіе моя жена), если мое здоровье позволитъ, я посѣщу Лезгинскую линію и могу прибыть въ Шуру между 10-мъ и 12-мъ Мая. Аргутинскій можетъ продолжать со мною свой маршрутъ, черезъ Чиръ-Юртъ и Хасавъ-Юртъ, до Червленной. Такъ какъ онъ, по всей вѣроятности, пріѣдетъ встрѣтить меня въ Дербентѣ или въ Кубѣ, то мы проведемъ съ нимъ нѣсколько дней вмѣстѣ, и если вы пріѣдете къ намъ на встрѣчу въ Чиръ-Юртъ, въ нашемъ распоряженіи будетъ цѣлыхъ три дня, которые мы, проведя втроемъ, можемъ употребить съ большою пользою во многихъ отношеніяхъ. Я думаю выѣхать отсюда 26-го или даже 25-го Апрѣля. Если вы, безъ всякаго ущерба дѣлу, можете пріѣхать въ концѣ Марта или началѣ Апрѣля провести три или четыре дня съ нами въ Тифлисѣ, повѣрьте, это доставитъ мнѣ большое удовольствіе; но если вы встрѣтите въ этомъ хотя малѣйшее неудобство, то дѣлайте какъ найдете лучше; но, во всякомъ случаѣ я надѣюсь встрѣтить васъ въ Чиръ-Юртѣ".

Отъ 1-го Марта: „Кохановъ [1]) доставилъ мнѣ вчера ваше письмо отъ 26-го [2]). Наканунѣ я получилъ письмо отъ князя

---

[1]) Артилерійскій офицеръ, состоявшій при князѣ Воронцовѣ по особымъ порученіямъ.

[2]) Письма этого нѣтъ въ числѣ сохранившихся въ архивѣ князя Воронцова; но я привожу здѣсь цѣликомъ рапортъ князя Барятинскаго отъ 26-го же Февраля, изъ котораго ясно, что побуждало князя Барятинскаго настаивать на усиленіи его хотя бы однимъ батальономъ. „Облеченный довѣріемъ вашей свѣтлости и стараясь исполнять ваши виды и въ точности осуществить ваши указанія, я не могу не обратить особеннаго вниманія вашего на слѣдующіе предметы. Такъ какъ въ настоящее время, съ проложеніемъ главныхъ просѣкъ со стороны Аргуна и Мичика въ глубь Большой Чечни, намъ открылись свободные во всякое время года доступы къ ея равнинамъ и полянамъ: то, по указаніямъ вашимъ, главная цѣль военныхъ дѣйствій нашихъ должна состоять теперь въ томъ, чтобы препятствовать Чеченцамъ обрабатывать и засѣвать свои поля. Я убѣжденъ, что если въ нынѣшнемъ году рѣшительнымъ образомъ сему воспрепятствовать, то при истощеніи, въ которомъ находится Чечня отъ постоянныхъ вторженій въ нее нашихъ войскъ въ послѣдніе годы и при ущербѣ, который нанесенъ непогрѣшимости Шамиля въ глазахъ мюридовъ послѣдними нашими успѣхами, такой способъ дѣйствій необходимо произведетъ окончательный переворотъ въ краѣ, для насъ вполнѣ благопріятный".

Аргутинскаго относительно просимыхъ вами у него 4-хъ батальоновъ на шесть недѣль и даннаго имъ по этому поводу вамъ отвѣта. Принимая во вниманiе обстоятельства, въ которыхъ находятся Дагестанъ и Лѣвый флангъ, и вспоминая условiя, на которыхъ была предложена вамъ княземъ Аргутинскимъ, въ случаѣ надобности, временная помощь (о чемъ я писалъ вамъ подробно), я долженъ вполнѣ согласиться съ княземъ Аргутинскимъ. Ваша просьба относительно этихъ 4-хъ батальоновъ, безъ особенной нужды и на такой долгiй срокъ, поставила меня къ Аргутинскому въ очень тяжелое и непрiятное положенiе. Я могъ бы ему все объяснить, пославъ копiю съ моего письма къ вамъ отъ 9-го Февраля, еслибы я сохранилъ черновую“.

„Ваша свѣтлость, во время пребыванiя вашего на Лѣвомъ флангѣ, въ Августѣ прошедшаго года, изволили сами убѣдиться, какъ удобны доступы въ Чечню со стороны Аргуна. Не менѣе удобны они теперь и со стороны Мичика, когда мы завладѣли новымъ переваломъ чрезъ Качкалыковскiй хребетъ и расположены лагеремъ частью на этомъ перевалѣ, а частью на лѣвомъ берегу Мичика. Но если мы сойдемъ съ этой позицiи, не упрочивъ за собою сдѣланныхъ прiобрѣтенiй, то нѣтъ сомнѣнiя, что непрiятель снова лишитъ насъ этого удобнаго доступа и воспользуется для того Мичикомъ, берега котораго, при незначительной работѣ, могутъ быть сдѣланы непроходимыми, что изъ представленныхъ мною при рапортѣ отъ 21-го Февраля плана и профили усмотрѣть можно; а тогда Шамиль заставитъ Чеченцевъ обработать и засѣять свои поля, и тѣмъ снова и крѣпко привяжетъ ихъ къ себѣ. Извѣстно, что до засѣва полей Шамиль беретъ аманатовъ, а когда зерно (залогъ привязанности земледѣльца къ полю) бываетъ опущено въ землю, онъ отпускаетъ ихъ, будучи убѣжденъ, что Чеченцы сами будутъ упорно отстаивать поля свои отъ нашихъ вторженiй.“

„Чтобы не допустить непрiятеля сдѣлать это, необходимо на время хозяйственныхъ заготовленiй жителей удержать за нами переправы черезъ Мичикъ. Всѣ войска, находящiяся въ моемъ распоряженiи, уже получили назначенiе; занятiя и работы, имъ предназначенныя, не терпятъ отлагательства. Такая крайность положенiя вынуждаетъ меня подвергнуть всѣ эти обстоятельства благоусмотрѣнiю вашей свѣтлости, и убѣдительнѣйше просить объ усиленiи Лѣваго фланга на нѣкоторое время однимъ батальономъ пѣхоты, и о дозволенiи расположить и укрѣпить его на Мичикѣ“.

„Такъ какъ сообщенiе Мичика съ Кумыкскою плоскостью нынѣ совершенно свободно даже для небольшихъ колоннъ, то для обезпеченiя батальона ничего не требуется, кромѣ временнаго укрѣпленiя, которое можетъ быть сдѣлано весьма скоро, и изъ средствъ находящихся подъ рукою; я полагаю расположить это укрѣпленiе на мысѣ, образуемомъ рѣками Мичикъ и Гонсоулъ, при ихъ слiянiи, и буду отвѣчать передъ вашею свѣтлостiю за безопасность батальона“.

„Сколько разъ я уже говорилъ вамъ, дорогой князь, что мы не можемъ дать вамъ болѣе войскъ, чѣмъ вамъ назначено, и не смотря на превосходныя ваши распоряженія и на успѣхъ разумныхъ и энергичныхъ мѣръ противъ непріятеля, съ которымъ вамъ приходится имѣть дѣло, и на ту задачу, которая вамъ опредѣлена,—я не имѣю права и не могу ослаблять отряды другихъ начальниковъ нашихъ окраинъ, чтобы увеличить силы Лѣваго фланга. Каждый видитъ, какое центральное положеніе занимаетъ Шамиль, и долженъ оберегать свои границы, дѣйствуя когда нужно наступательно. Ни одинъ изъ начальниковъ не имѣетъ людей больше, чѣмъ ему дѣйствительно необходимо“.

„Дагестанскій отрядъ снабдилъ васъ къ 1-му Января двумя батальонами и 4-мя эскадронами драгунъ. Князь Аргутинскій не виноватъ, если, по причинамъ отъ него независящимъ, но которыя можетъ быть и были основательны, вы, располагая этимъ подкрѣпленіемъ, оставались въ теченіе всего Января въ бездѣйствіи. Когда вы прислали Зиновьева, я ему говорилъ, что боюсь, не потеряли ли вы время необходимое для достиженія цѣли вашей экспедиціи, то есть для отраженія непріятеля на Мичикѣ и для полнаго соединенія двухъ долинъ; а это все, чего я ожидалъ отъ нашихъ дѣйствій зимою этаго года. Я повторялъ Зиновьеву при этомъ, что у насъ нѣтъ войскъ для вашего усиленія и что вы должны расчитывать лишь на свои собственныя силы. Зиновьевъ мнѣ отвѣчалъ отъ вашего имени, что ихъ у васъ достанетъ на Февраль и на первыя числа Марта, и что, кромѣ того, вы думаете уничтожить лѣсъ у Маюртупа. Вникая въ ваше положеніе и принимая во вниманіе потерянное время, я находилъ это дѣло уже свыше того, что̀ было необходимо, и потому вполнѣ одобрилъ ваше предположеніе, присланное чрезъ Вахтанга Орбеліани, чтобы оставить рубку лѣса у Маюртупа на позднѣйшее время. Послѣ этаго произошло ваше прекрасное дѣло 17-го числа, и вы выражали увѣренность, оффиціально и частнымъ образомъ, что Мичикъ навсегда въ нашихъ рукахъ; затѣмъ Шамиль прогнанъ въ Черныя горы, а просѣка между двумя равнинами вырублена. Представьте же себѣ, дорогой князь, послѣ всего этаго, какъ меня огорчила ваша

просьба о присылкѣ четырехъ батальоновъ отъ Аргутинскаго и потомъ ваше вчерашнее письмо, гдѣ вы говорите, что если вамъ не дадутъ подкрѣпленія, то всѣ ваши успѣхи этаго года будутъ сведены къ нулю и что все надо будетъ начинать съизнова! Между тѣмъ я писалъ въ Петербургъ, съ приложеніемъ вашихъ рапортовъ, что Мичикъ нашъ, что равнины Чечни соединены съ Кумыкскою плоскостью и что все, чего я желалъ и на что́ надѣялся, вполнѣ достигнуто. Какъ объяснить теперь это противорѣчіе? Увѣряю васъ, что не съумѣю этаго сдѣлать и что все это ставитъ меня въ крайне-жестокое затрудненіе".

„Теперь вы мнѣ пишете, и Кохановъ повторилъ, что вы можете удовольствоваться однимъ батальономъ, но на неопредѣленное время и по меньшей мѣрѣ на нѣсколько недѣль; но откуда я его вамъ возьму? Писать объ этомъ Аргутинскому положительно невозможно, въ особенности послѣ вашей несвоевременной къ нему просьбы, безъ особыхъ причинъ, о четырехъ батальонахъ, просьбы—вопреки всѣмъ прежнимъ сношеніямъ. Это требованіе его такъ напугало, что онъ мнѣ пишетъ: если я поддержу ваше требованіе, то онъ проситъ разрѣшенія немедленно оставить службу. Если бы вы еще не обращались къ нему съ этою несчастною просьбою, можетъ быть мы его и уговорили бы дать вамъ одинъ батальонъ на нѣсколько недѣль; но послѣ того, что̀ произошло между вами, я боюсь, что это невозможно; для меня же вполнѣ немыслимо требовать этого отъ Аргутинскаго".

Дальше слѣдуютъ строки, рисующія отношенія незабвеннаго главнокомандующаго князя М. С. Воронцова къ не менѣе незабвенному, будущему фельдмаршалу князю А. И. Барятинскому, и я считаю за лучшее привести ихъ въ подлинникѣ".—Voilà, cher et très cher prince, ce que je dois vous répondre par Kochanoff. Je crains que vous ne soyez mécontent de moi pour ce que je vous dis, et je vous jure en conscience que je suis bien puni de ne pas pouvoir abonder dans votre sens et de ne pas pouvoir faire ce que vous voudriez que je fasse; mais vous êtes trop juste pour ne pas considérer les devoirs de ma situation et les rapports et les ménagements que je dois avoir sur tous les points de notre théâtre d'opération et avec

tous les chefs de nos différents détachements.—Vous devez savoir comme je sais et comme j'aime à vous rendre justice et combien j'admire tout ce que vous avèz déjà fait et, permettez-moi d'ajouter avec confiance, tout ce que vous ferez encore pour la gloire de nos armes et le grand objet de pacification que nous avons en vue; mais mettez-vous, je vous en conjure, à ma place et considérez que, quelque soit l'importance du commandement qui vous est confié et dans lequel vous vous êtes attiré l'estime et l'admiration de toutes les braves troupes du Caucase, et je puis le dire de toute la Russie, je ne puis oublier, ni négliger tous les autres points, sur lesquels nous agissons quelquefois déffensivement, quelquefois offensivement et qui pèsent tous sur ma responsabilité personnelle. Ici, comme vous le savez mieux que personne (car vous le faites aussi mieux que personne), il s'agit non seulement de coups de fusils ou de canons, mais aussi de contenir et d'administrer sur beaucoup de points, beaucoup de races et de peuplades différentes, sur lesquelles nous ne pouvons tenir une main ferme qu'en présentant partout des moyens suffisants et toujours prêts à agir. L'ennemi est affaibli, mais il tient encore sa position centrale et dès que nous aurions un défaut dans notre cuirasse, il trouverait moyen de s'y glisser, et c'est alors que nous perdrions peut-être une grande partie des résultats, que 8 années d'efforts constants et jusqu'à présent, grâce à Dieu, toujours heureux, nous ont obtenus.—Personne ne peut, ni ne doit mieux concevoir tout cela que vous, cher prince: vos services éminents, ceux que vous avez encore à rendre, la gloire que vous vous êtes encore acquise et qui ne peut encore manquer de s'accroître, tout cela doit vous disposer à songer au total de nos devoirs, et à l'affaire en masse plutôt qu'aux intérêts et au succès (quelques beaux et agréables qu'ils soyent) sur un seul point. Ce point vous intéresse plus que les autres pour le moment, mais vous êtes en passe et en position de devoir vous-même bientôt encore plus diriger qu'exécuter. De grands commandements seront certainement bientôt à votre disposition, et je suis sincèrement d'avis, que mon poste actuel sera le vôtre sous peu d'années, et peut-être plus tôt que la chose ne se présente dans ce moment. — Pensez à cela, cher ami; ne vous laissez pas décourager par un

mécompte fictif et imaginaire de ce que vous auriez pu faire immédiatement dans la Tchetchnia si on vous donnait quelques batallions de plus; mais surtout, je vous en supplie, ne m'en voulez pas, ne vous fâchez pas contre moi: car vous me feriez une peine cruelle, et je ne mérite pas par mes sentiments bien de coeur que je vous porte et par la reconnaissance bien sincère, dont je suis rempli pour les éminens services que vous avez rendus et que vous rendez dans ce moment". *)

---

*) Вотъ, дорогой князь, что̀ я долженъ отвѣчать вамъ черезъ Коханова. Боюсь, что вы будете недовольны тѣмъ, что̀ я вамъ скажу; но увѣряю васъ, мнѣ крайне тяжело, что я не могу быть съ вами одного мнѣнія и не въ состояніи исполнить то, о чемъ вы меня просите. Вы однако слишкомъ справедливы, чтобы не признать важность обязанностей въ моемъ положеніи и осторожности, съ которою я долженъ поступать на всѣхъ пунктахъ нашего театра военныхъ дѣйствій, и со всѣми начальниками различныхъ отрядовъ. Вы знаете, какъ я люблю отдавать вамъ во всемъ справедливость, и какъ удивляюсь всему, что̀ вы совершаете и что̀ свершите еще для славы нашего оружія и для великой цѣли умиротворенія, которую мы имѣемъ въ виду; но поставьте себя на мое мѣсто и разсудите, что, какъ бы ни было важно то командованіе, которое довѣрено вамъ и гдѣ вы стяжали себѣ столько уваженія и удивленія всѣхъ войскъ Кавказа и, можно сказать, всей Россіи,—я все таки не могу пренебрегать и забывать другіе пункты, гдѣ намъ приходится иногда дѣйствовать какъ наступательно, такъ и оборонительно и гдѣ все ложится на мою личную отвѣтственность.

Здѣсь, вы это знаете лучше кого бы то ни было, недостаточно только одного огнестрѣльнаго оружія, потому что необходимо удерживать и управлять во многихъ пунктахъ разными племенами, а чтобы держать ихъ въ рукахъ, нужно располагать достаточными средствами и быть всегда готовымъ дѣйствовать. Непріятель ослабленъ; но онъ стоитъ еще на центральной позиціи, и какъ только мы обнаружимъ слабое мѣсто, онъ найдетъ возможность туда проскользнуть, и тогда, можетъ быть, мы понесемъ большую потерю, могущую подорвать плоды восьмилѣтнихъ постоянныхъ трудовъ, бывшихъ, благодаря Бога, до сихъ поръ для насъ удачными. Никто не можетъ и не долженъ знать всего этого лучше васъ, дорогой князь. Ваше блестящее служебное поприще, которое вы должны пройти до конца, слава, къ которой вы еще стремитесь и которая не можетъ со временемъ не увеличиться, все это должно располагать васъ подумать о *цѣломъ* нашихъ обязанностей и скорѣе о всемъ дѣлѣ вообще, чѣмъ объ интересахъ и успѣхахъ одного пункта, какъ бы они важны и заманчивы ни были. Въ данную минуту этотъ пунктъ васъ занимаетъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе; но вѣдь вы стоите уже на хорошей дорогѣ и вамъ, по обязанности службы, скоро придется болѣе приказывать, чѣмъ исполнять. Въ вашемъ распоряженіи будутъ большія командованія, и я *увѣренъ, что мой настоящій постъ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ вашимъ и, можетъ быть, скорѣе чѣмъ въ настоящую минуту обстоятельства позволяютъ это предвидѣть.* Подумайте объ этомъ и не обезкураживайте себя невѣрными разсчетами, что вы могли бы многое сдѣлать въ Чечнѣ, если бы вамъ дали нѣсколько батальоновъ болѣе.

Въ заключеніе письма князь Воронцовъ говоритъ: „Кохановъ горячо раздѣляетъ ваши взгляды и интересы вашего настоящаго дѣла. Онъ имѣлъ со мною совѣщаніе, три раза возобновляемое, подробности котораго онъ сообщитъ вамъ и увѣритъ васъ, какъ, мнѣ показалось, я его увѣрилъ, что только одна полная невозможность мѣшаетъ мнѣ исполнить ваше желаніе и дать вамъ подкрѣпленіе. Онъ передастъ вамъ, что, по моему мнѣнію, если бы вы не просили у Аргутинскаго 4-хъ батальоновъ, то можно бы было какъ нибудь устроить и дать одинъ на нѣсколько недѣль. Если вы уговорите его на это, то я буду очень радъ, но дать ему предписаніе я положительно не могу; онъ будетъ знать, что если обстоятельства позволятъ ему это сдѣлать, я буду этимъ очень доволенъ и признателенъ ему. Кохановъ передастъ вамъ обо всемъ, что́, по моему мнѣнію, вамъ останется еще сдѣлать на Мичикѣ; но здѣсь, какъ и всегда, я предоставляю все на ваше полное усмотрѣніе и лишь повторяю вамъ, что только овладѣвъ Мичикомъ и проложеніемъ большой просѣки мы достигли нашей великой цѣли, которая, какъ вы знаете, была давно уже единственнымъ моимъ стремленіемъ".

„Прощайте, дорогой князь; сердечно обнимаю васъ и еще разъ заклинаю не обезкураживать себя; бросьте думать, что вы сдѣлали слишкомъ мало; вѣдь только при извѣстныхъ условіяхъ и можно было бы сдѣлать больше".

Слѣдующее письмо отъ 17-го Марта опять привожу къ подлиннику:

Tiflis, 17 mars 1853.

Je n'ai jamais été plus étonné, ni plus affligé, et cependant cela m'est arrivé souvent dans ma longue carrière, qu'en recevant, cher prince, votre lettre par Ermoloff *). Vous voulez nous quitter, et cela par la raison, dites-vous, que vous avez remarqué par le papier que vous a envoyé le g-al Wolff par mon ordre

---

Умоляю васъ, не сердитесь на меня: это было бы мнѣ слишкомъ тяжело, и я не заслуживаю этого по тѣмъ чувствамъ, которыя я питаю къ вамъ, и по той признательности, которою мое сердце наполнено за всѣ ваши высокія заслуги, въ прошломъ и настоящемъ.

*) Клавдій Алексѣевичъ, бывшій адъютантомъ у князя Воронцова.

que je n'ai plus de confiance en vous, et c'est vous qui dites cela, vous, à qui j'ai constamment montré plus de confiance, qu'à qui que ce soit des généraux commandants des détachements; vous que j'ai toujours aimé et que j'aime plus que tous les autres, et cela, non seulement par les sentiments personnels que je vous porte depuis longtems, mais par la reconnaissance véritable et sincère que je vous dois pour la manière plus que distinguée, dont vous avez servi ces dernières années, et pour toutes les choses si belles et si utiles que vous avez faites depuis que vous êtes au flanc gauche. Je vous assure que je n'y entends rien et que je ne conçois pas qu'est-ce qui a pu vous changer si soudainement et si complétement à mon égard, et ce qui vous fait voir si faussement les sentiments que je vous porte, et que je vous porte, comme je l'ai dit plus haut, non seulement de coeur, mais aussi par devoir pour les éminents services que vous avez rendus à la cause qui nous occupe tous ici. J'ai devant moi le brouillon du papier de Wolff, dont vous vous plaignez; je l'ai lu et rélu hier et je ne puis concevoir comment vous avez pu y trouver la confirmation de cette perte de confiance que je ne reconnais pas: car non seulement j'ai toujours la même confiance en vous, mais elle est encore augmentée par tout ce que vous avez fait dans l'expédition d'hiver qui vient de finir si heureusement et qui est la première de toutes celles que nous faisons depuis 1845, dans laquelle nous avons obtenus de grands résultats sans presque aucune perte de sang de nos braves soldats. Que vous soyez mécontent de moi, parce que je n'ai pas crû pouvoir remettre à un autre temps l'expédition de Wrewsky, et que je n'ai pu vous soutenir dans une demande de troupes au prince Argoutinsky, qu'il lui était impossible de vous envoyer, je puis le concevoir, quelque injuste que me paraisse ce mécontentement; mais que ce soit là un manque de confiance de ma part envers vous directement, je vous l'avoue, je ne puis le concevoir. Je ne puis concevoir aussi comment vous pouvez vouloir quitter, sans raison, la belle position que vous occupez ici dans le moment le plus vital sous le point de vue et militaire et administratif, dans le pays et avec les troupes et les populations qui vous sont confiées. Cela me paraît un mystère tout-à-fait inexplicable, qui ne

peut se débrouiller que quand nous en aurons parlé avec vous à coeur ouvert et verbalement. Je ne puis qu'espérer que vous reviendrez sur votre intention actuelle et que vous me rendrez personnellement, quant à mes sentiments pour vous, la justice que je sens que vous me devez. Mais pour cela il faut que nous nous voyons, et cela au plus tôt et puisque, d'après la phrase si cruelle pour moi dans votre lettre, que vous voudriez me voir avant de quitter le Caucase, vous avez vous-même l'intention de venir à Tiflis, je vous supplie de le faire au plus tôt, et sans perdre un seul jour, dès que vous verrez que vous pouvez faire ce voyage sans détriment, ni danger pour le poste auquel vous pourrez revenir dans une dixaine de jours. De grâce, cher prince, venez tout de suite; ne me laissez pas dans la douloureuse incertitude, dans laquelle votre lettre m'a plongé et, ne fut-ce que pour l'amitié, dont vous m'avez donné tant de preuves, n'augmentez pas, en différant le moment de votre arrivée ici, les soucis, dont je suis déjà entouré dans ma position et que votre lettre a si fortement et si injustement augmenté pour moi. Je vous envoie un exprès pour avoir plus vite votre réponse et j'espère avoir la nouvelle que vous consentez à vous mettre tout de suite en route. Je n'en dirai pas davantage aujourd'hui, et je ne le puis, car j'ai le coeur trop plein, et ce n'est pas par écrit qu'on peut s'expliquer d'une manière satisfaisante sur un mystère si difficile à éclaircir. Arrivez donc, cher prince, et le plûs tôt que vous pourrez, tout de suite si vous le trouvez possible; il me tarde de vous voir, de vous embrasser et de m'expliquer avec vous à coeur ouvert. Soyez sûr, en attendant, des sentiments que je vous porte, que je vous ai toujours portés, et que je vous porterai même encore toujours et quand même *).

---

*) Я никогда не былъ такъ удивленъ и опечаленъ, несмотря на то, что со мною это часто случалось въ теченіе моей долгой службы, какъ послѣ полученія вашего письма черезъ Ермолова. Вы хотите покинуть насъ, потому что я не имѣю, какъ вы говорите, болѣе довѣрія къ вамъ, что вы замѣтили изъ бумаги, которую, по моему приказанію, вы получили отъ генерала Вольфа. И это говорите вы, которому я всегда оказывалъ больше довѣрія, чѣмъ кому-либо другому изъ генераловъ, командующихъ отрядами; вы, котораго я всегда любилъ и люблю болѣе всѣхъ другихъ и не только по личному чувству, но и по искренней призна-

Изъ писемъ князя Воронцова, особенно изъ послѣдняго, можно видѣть, до какой степени онъ цѣнилъ заслуги князя Барятинскаго, какое значеніе для будущаго придавалъ ему и какъ искренно обезпокоился опасеніемъ, что Александръ

тельности за вашу службу послѣднихъ лѣтъ и за все, что вы сдѣлали полезнаго и хорошаго съ начала вашего присутствія на Лѣвомъ флангѣ. Увѣряю васъ, что я здѣсь ничего не могу понять и недоумѣваю, что̀ могло такъ внезапно васъ измѣнить и заставить видѣть въ ложномъ свѣтѣ чувства, которыя я питаю къ вамъ, не только по сердцу, но, какъ я сказалъ уже выше, по признательности за блестящія услуги, оказанныя вами въ дѣлѣ, интересующемъ здѣсь всѣхъ насъ. Черновая бумага Вольфа, на которую вы жалуетесь, передо мною; вчера я ее читалъ и перечитывалъ; не могу понять, что̀ вы могли найти тамъ, какъ доказательство потери моего довѣрія къ вамъ: не могу этого понять, потому что я не только питаю къ вамъ все тоже довѣріе, но оно еще увеличилось, послѣ всего, что̀ вы сдѣлали въ зимней экспедиціи, которая такъ счастливо окончена теперь и которая послѣ 1845 года первая, гдѣ мы достигли громадныхъ результатовъ, почти безъ пролитія крови нашихъ храбрыхъ солдатъ. Если вы не довольны мною за то, что я не могъ отложить экспедицію Вревскаго до другаго времени и поддержать вашу просьбу къ Аргутинскому о присылкѣ вамъ 4-хъ батальоновъ, необходимыхъ ему самому, то я могу еще видѣть нѣкоторую справедливость вашего неудовольствія; но чтобы это было отсутствіемъ моего довѣрія къ вамъ лично, то, признаюсь, не могу этого понять. Не могу также сообразить, какъ вы хотите покинуть безъ причины прекрасное положеніе, которое вы занимаете, покинуть въ самый важный, живой моментъ—какъ съ точки зрѣнія военной, такъ и управленія страной, войскомъ, народомъ, вамъ довѣренными! Все это мнѣ кажется тайной, которую не возможно разобрать иначе, какъ поговоривъ съ вами лично и совершенно откровенно. Надѣюсь, что вы откажетесь отъ вашего настоящаго желанія и отдадите мнѣ справедливость въ моихъ личныхъ чувствахъ къ вамъ. Но для этого необходимо намъ увидѣться и какъ можно скорѣе. Судя по вашей жестокой фразѣ, что вы хотѣли бы увидать меня ранѣе, чѣмъ покинуть Кавказъ, я вижу ваше намѣреніе пріѣхать въ Тифлисъ. Прошу васъ сдѣлать это какъ можно скорѣе, не теряя ни одного дня и какъ только вы увидите, что можете предпринять поѣздку безъ всякаго ущерба и опасности для вашего поста, къ которому вы можете возвратиться чрезъ десять дней. Ради Бога, пріѣзжайте скорѣе; не оставляйте меня въ той неизвѣстности, въ которую меня повергло ваше письмо, сдѣлайте это по дружбѣ,—въ ней вы мнѣ уже дали столько доказательствъ. Съ вашимъ пріѣздомъ сюда не увеличивайте заботъ, окружающихъ меня въ моемъ положеніи: ихъ и безъ того прибавилось немало послѣ вашего несправедливаго письма. Посылаю вамъ нарочнаго, чтобы скорѣе получить отвѣтъ. Болѣе ничего не буду писать сегодня, да и не могу, потому что сердце мое полно, и письменно невозможно удовлетворительно высказаться и уяснить эту трудную загадку. Пріѣзжайте, дорогой князь, какъ можно скорѣе, и если можно сейчасъ же; мнѣ хочется васъ видѣть, обнять васъ и откровенно объясниться съ вами. Будьте увѣрены въ моихъ чувствахъ, которыя я всегда питалъ къ вамъ, питаю и буду питать, что̀ бы ни случилось.

Ивановичъ оставитъ службу на Кавказѣ. Взгляды такого опытнаго государственнаго человѣка, какимъ, при нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ у всякаго слабостяхъ, несомнѣнно былъ князь Михаилъ Семеновичъ, нельзя не считать дѣйствительно серьезной оцѣнкой достоинствъ, а не послѣдствіями лишь извѣстныхъ отношеній и частнаго, дружескаго расположенія. Но, при этомъ, все же проглядываетъ и нѣкоторое недовѣріе къ серьезности мотивовъ, на которыхъ основывались требованія князя Барятинскаго объ усиленіи его войсками, послѣ занятія Мичика и достиженія, повидимому, цѣли, составлявшей задачу зимней экспедиціи 1853 года. Въ этомъ отношеніи, однако, старый главнокомандующій не вполнѣ оцѣнивалъ настойчивость князя Барятинскаго.

Княземъ Барятинскимъ тогда уже было сознано, что *безпрерывность* дѣйствій противъ горцевъ представляетъ лучшее, чуть ли не единственное средство къ ихъ покоренію; что только при условіи этой безпрерывности можно достигнуть ихъ нравственнаго и матеріальнаго истощенія и окончанія Кавказской войны; но практиковавшіяся до того времени, такъ называвшіяся экспедиціи, прекращаясь послѣ достиженія назначенной цѣли, и то не всегда вполнѣ успѣшно, послѣ опредѣленнаго для нихъ краткаго срока, давали непокорному населенію время и возможность отдохнуть, оправиться, исполнить всѣ хозяйственныя работы и быть готовыми къ новому упорному сопротивленію, а Шамилю придумывать новыя мѣры для борьбы, мѣры, хотя большею частью безрезультатныя, но поддерживавшія въ населеніи надежды на успѣхъ и извѣстное обаяніе силы и власти Имама.

Такая система дѣйствій могла продлить Кавказскую войну на неопредѣленно-долгое время. Князь Барятинскій находилъ необходимымъ положить начало ея отмѣнѣ и продлить экспедицію въ Чечнѣ далѣе назначеннаго ей срока; для этого-то онъ и требовалъ такъ настойчиво усиленія его отряда войсками другихъ сосѣднихъ раіоновъ. Къ этому же плану слѣдуетъ отнести и введенныя имъ движенія лѣтомъ, для уничтоженія посѣвовъ въ Чечнѣ, чтó до него пытался дѣлать только генералъ Фрейтагъ.

Основательность требованія князя Барятинскаго не подлежитъ никакому спору, хотя, очень можетъ быть, онъ недостаточно подробно мотивировалъ его; но князь Воронцовъ, высоко цѣня заслуги командующаго войсками въ Дагестанѣ князя Аргутинскаго и зная его строптивый характеръ, стѣснялся прямо противорѣчить ему; баронъ же Вревскій, начальникъ Владикавказскаго округа, нашелъ горячаго заступника въ лицѣ исправлявшаго должность начальника штаба (послѣ отъѣзда П. Е. Коцебу) генерала Вольфа. Это былъ человѣкъ умный, ученый теоретикъ, холодный и равнодушный, питавшій однако пристрастную дружбу къ Вревскому, человѣку свѣтскому, умѣвшему располагать къ себѣ нужныхъ людей, а быть можетъ отчасти и потому, что Вревскій, подобно Вольфу, былъ офицеръ генеральнаго штаба. Вольфъ еще 19-го Января представлялъ главнокомандующему особый докладъ, въ которомъ настаивалъ на строгомъ исполненіи ранѣе утвержденныхъ предположеній, вслѣдствіе коихъ войска, взятыя изъ Владикавказа должны были непремѣнно 15-го Марта быть возвращены туда. На этомъ докладѣ князь Воронцовъ надписалъ: „одобряя эту записку, посылаю оную князю Александру Ивановичу“.

Бумага эта послужила главнымъ основаніемъ перемѣнъ въ служебномъ положеніи дѣйствующихъ лицъ.

Поставленный въ затруднительное положеніе этимъ столкновеніемъ, князь Воронцовъ, кромѣ писемъ такого дружески-убѣдительнаго содержанія, быть можетъ съ цѣлью выиграть время, возложилъ на состоявшаго при немъ ротмистра Лорисъ-Меликова дипломатическое порученіе: повести между княземъ Аргутинскимъ, Вревскимъ и кн. Александромъ Ивановичемъ примирительные переговоры.

Эта попытка осталась безъ всякаго результата и только породила нерасположеніе князя Барятинскаго къ Лорисъ-Меликову, дѣйствія котораго показались кн. Александру Ивановичу не вполнѣ искренними или несоотвѣтствовавшими его собственнымъ словамъ. Батальоны изъ Дагестана и Владикавказскаго округа были отправлены въ свои мѣста, экспедиція должна была прекратиться, собственно говоря, недоконченная въ важнѣйшей своей цѣли, именно вырубкѣ пресловутаго

Маюртупскаго орѣшника, оставшагося твердымъ оплотомъ Чечни со стороны Мичика, овладѣніе которымъ, такимъ образомъ, лишалось половины своего значенія, тѣмъ болѣе, что мы не оставили переправы въ нашихъ рукахъ.

Князь Барятинскій былъ въ отчаяніи. Особенно возмущало его поведеніе Вольфа, съ которымъ онъ до того былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и даже, во время пріѣздовъ въ Тифлисъ, останавливался у него. Особыхъ симпатій между ними, конечно, существовать не могло: это были слишкомъ разнородные люди, чтобы прочно сблизиться; но и для противодѣйствія, казалось, не было поводовъ. Здѣсь кстати привести случай, самъ по себѣ мелкій, но характеризующій обоихъ.

Николай Ивановичъ Вольфъ любилъ играть въ комерческія игры, игралъ хорошо и по сравнительно большой; по вечерамъ у него собиралась партія такихъ же серьезныхъ игроковъ. Въ одинъ изъ пріѣздовъ князя Барятинскаго, остановившагося у Вольфа, ему предложили принять участіе въ игрѣ. Онъ согласился не потому, чтобы любилъ игру, а чтобы не отказываться когда приглашаютъ; къ тому же онъ игралъ невѣроятно дурно, безъ вниманія; онъ даже не понялъ, по какой цѣнѣ играютъ... Ему вскорѣ разъ-другой замѣтили, и не безъ досады, что онъ играетъ не такъ какъ слѣдуетъ, играетъ безъ вниманія; но это не помогало по очень простой причинѣ: онъ не умѣлъ лучше играть. Между тѣмъ партнёры, особенно Вольфъ, которымъ казалось непонятнымъ, чтобы человѣкъ здраваго ума могъ играть такъ дурно, сочли поведеніе князя Барятинскаго оскорбительнымъ: имъ показалось, что онъ импонируетъ имъ своимъ барствомъ, пренебрегая крупнымъ проигрышемъ. Кончилось тѣмъ, что встали, не доигравъ партіи...

Князь разсказывалъ объ этомъ случаѣ шутя, какъ о забавномъ анекдотѣ; но не подлежитъ сомнѣнію, что Вольфъ вынесъ совсѣмъ иное, недоброжелательное впечатлѣніе.

Какъ бы то ни было, между Вольфомъ и княземъ Барятинскимъ отношенія постепенно ухудшались, и князь наконецъ счелъ невозможнымъ при такихъ условіяхъ командовать Лѣвымъ флангомъ, даже не взирая на дружески-убѣди-

тельное письмо князя Михаила Семеновича. Онъ сдалъ должность, пріѣхалъ въ Боржомъ, гдѣ тогда находился главнокомандующій, и объявилъ, что служить съ Вольфомъ не можетъ.

Князь Воронцовъ былъ поставленъ въ необходимость выбирать между Вольфомъ и княземъ Барятинскимъ. Всѣ ожидали съ большимъ любопытствомъ, чѣмъ кончится дѣло. Толкамъ не было конца; не обходилось и безъ интригъ, хотя ни одинъ изъ двухъ главныхъ заинтересованныхъ лицъ въ этихъ интригахъ участія не принималъ.

Князь Воронцовъ все медлилъ рѣшеніемъ, и вопросъ оставался въ неопредѣленномъ положеніи. Главнокомандующій цѣнилъ достоинства, хотя и совершенно различныя, князя Барятинскаго и Вольфа и вѣроятно дорожилъ обоими. Однако постепенно стало замѣтно, что онъ къ Вольфу становился все менѣе и менѣе благосклоннымъ, наконецъ даже рѣзкимъ. Такъ, по возвращеніи въ Тифлисъ, когда Вольфъ прислалъ къ подписи главнокомандующаго благодарственный приказъ князю Григорію Орбеліану за его дѣйствія во время нашествія Шамиля на Лезгинскую линію, князь Воронцовъ, прочитавъ приказъ и находя его несоотвѣтствующимъ его указаніямъ, разорвалъ бумагу и въ такомъ видѣ отослалъ ее съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ къ Вольфу. Вольфъ ничего не сказалъ, только сильно покраснѣлъ. Послѣ этого случая сомнѣнія исчезли. И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней, князь Воронцовъ заявилъ, что, въ виду готовой вскорѣ вспыхнуть войны съ Турціей, онъ не можетъ имѣть начальникомъ штаба человѣка, который боится сѣсть на лошадь, и что онъ, по этому, сдѣлалъ представленіе о назначеніи на это мѣсто князя Барятинскаго.

Генералъ Вольфъ, какъ уже сказано, былъ человѣкъ умный, способный, съ большими свѣдѣніями, кабинетно-канцелярскій, методически-усердный работникъ; но онъ не обладалъ качествами истинно-*боеваго* человѣка, что́ было замѣчено уже во время Даргинской экспедиціи 1845 года. Важный ли это недостатокъ въ начальникѣ штаба,—вопросъ рѣшеніе котораго можетъ быть различно вообще и особенно въ зависимости отъ взгляда главнокомандующаго, хотя по-

добный недостатокъ въ военномъ человѣкѣ, во всякомъ случаѣ, какъ-то невольно говоритъ не въ его пользу... Князь же Барятинскій, совершенно напротивъ, менѣе всего страдалъ именно этимъ недостаткомъ: ни при какомъ случаѣ страха онъ не чувствовалъ; онъ и страхъ—это что-то въ родѣ огонь и вода. Но изъ всѣхъ возможныхъ должностей, самая неподходящая къ его наклонностямъ, привычкамъ и подготовкѣ была именно должность начальника штаба. Онъ питалъ отвращеніе къ „бумагамъ", терпѣть не могъ письменныхъ занятій, совершенно не зналъ хозяйственной части, подробностей механизма въ управленіи арміею и вообще той сложной канцелярской машины, безъ которой, однако, никакая армія еще не съумѣла обойтись. Его назначеніе было командовать; это была его сфера, его врожденная способность.

Очень быть можетъ, что князь Воронцовъ и сознавалъ это; можетъ быть онъ и предпочиталъ оставить начальникомъ штаба ученаго, кабинетнаго работника Вольфа, еслибы чувствовалъ въ себѣ силы сѣсть за него на коня, когда это потребуется; но ему было тогда уже 72 года, и дряхлость видимо близилась быстрыми шагами; поэтому, въ виду грозившей Кавказу серьезной опасности, уже не говоря о личныхъ симпатіяхъ, выборъ палъ на кн. Барятинскаго, и 5-го Іюля 1853 состоялся приказъ по Кавказской арміи о назначеніи его исправляющимъ должность начальника штаба. Князь впрочемъ самъ былъ нѣсколько смущенъ своимъ новымъ назначеніемъ, хотя на вопросъ одного изъ приближенныхъ: какъ это онъ, врагъ переписокъ и вообще канцелярщины, согласился принять должность начальника штаба,—отвѣчалъ: „Я не буду, подобно Вольфу и отчасти Коцебу, заниматься разстановкою точекъ и запятыхъ; мое дѣло отдать приказаніе и наблюсти, чтобы въ точности и быстро было исполнено, а формальности должны знать штабные чиновники".

Генералу Вольфу было оказано все возможное, чтобы „позолотить пилюлю". Онъ подалъ рапортъ о болѣзни и отпускѣ, былъ написанъ приказъ о сожалѣніи по поводу его отъѣзда, ему выдали впередъ содержаніе и т. п. 6 Іюля № 196 князь Воронцовъ писалъ военному министру, что жалѣетъ о

болѣзни г. Вольфа и проситъ объ утвержденіи князя Барятинскаго, „какъ знающаго подробно Кавказъ, знакомаго съ его службою и обладающаго всѣми условіями для этого важнаго поста". 19 Іюля послѣдовалъ Высочайшій приказъ, подтверждавшій окончательное увольненіе генерала Коцебу и порученіе исправлять должность князю Барятинскому. По этому поводу Коцебу писалъ ему между прочимъ (письмо отъ 10-го Августа изъ Бухареста): L'ordre du jour du 19 juillet m'apprit à la fois mon rappel du Caucase et votre nomination à mon poste. J'y étais préparé par une lettre du pr. Worontsoff et je vis donc avec plaisir se réaliser l'inspiration, qui me vint un jour à Tiflis en causant avec vous sur le cas éventuel de mon remplacement. Recevez mes sincères félicitations, cher prince, et soyez persuadé que personne plus que moi ne s'est réjoui de votre nomination, et cela, tout égoïsme de côté, rien que pour l'avantage du service et pour le repos de votre digne chef, auquel vous avez rendu la santé par votre prompte entrée en fonctions. Maintenant je vous souhaite de tout mon coeur santé et forces pour supporter les fatigues d'une existence de travail continuel et pour vous rendre aussi utile à votre nouveau poste, que vous l'étiez à celui que vous venez de quitter [1]).

Однако прошло три съ половиною мѣсяца, а полное утвержденіе въ должности не приходило. Очевидно въ Петербургѣ, гдѣ вообще представленія кн. Воронцова пользовались особымъ вниманіемъ, на этотъ разъ нашли поводъ медлить. Вѣроятно отступленіе отъ традиціоннаго обычая назначать

---

[1]) Приказъ отъ 19 Іюля извѣстилъ меня одновременно о моемъ отозваніи съ Кавказа и о вашемъ назначеніи на мое мѣсто. Я былъ приготовленъ къ этому письмомъ кн. Воронцова и вижу съ большою радостью исполненіе моего предчувствія, которое я высказалъ въ Тифлисѣ во время разговора съ вами на счетъ замѣщенія меня въ случаѣ моего выбытія. Примите мои искреннія поздравленія и будьте увѣрены, что никто не обрадовался такъ вашему назначенію какъ я, и это не по личному лишь расположенію, а въ интересахъ службы и ради спокойствія вашего достойнаго начальника, которому вы возвратили здоровье скорымъ вступленіемъ въ отправленіе вашихъ обязанностей. За тѣмъ желаю вамъ сердечно здоровья и силъ, чтобы переносить постоянные труды и быть столько же полезнымъ на вашемъ новомъ мѣстѣ, сколько вы были на только что оставленномъ.

на должности начальниковъ штаба исключительно офицеровъ генеральнаго штаба, а можетъ быть и опасеніе, чтобы слишкомъ пылкій начальникъ штаба не увлекъ стараго главнокомандующаго въ рискованныя предпріятія, заставили Петербургъ задумываться.

Поэтому князь Воронцовъ нашелся вынужденнымъ (24 Сентября № 471) вторично писать военному министру: „Способности князя Барятинскаго для этой важной и трудной обязанности были уже извѣстны мнѣ, когда я представлялъ объ его назначеніи; теперь, при событіяхъ Турецкихъ, онъ далъ мнѣ новое удостовѣреніе, что вполнѣ обладаетъ достоинствами сего званія. Его трудами и дѣятельностью, при обширныхъ заботахъ по управленію дѣлами корпуса, исполнены быстро и основательно всѣ мои указанія по сформированію и обезпеченію дѣйствующихъ войскъ на границѣ, также по разнымъ другимъ предметамъ, относящимся какъ до войскъ, такъ и по приведенію въ оборонительное положеніе пограничныхъ крѣпостей и укрѣпленій. На семъ основаніи покорно прошу исходатайствовать утвержденіе князя Барятинскаго въ должности начальника главнаго штаба“.

Послѣ этого, наконецъ, 9 Октября состоялся Высочайшій приказъ, утверждавшій князя Александра Ивановича въ этой должности.

Въ служебной дѣятельности князя Барятинскаго наступилъ рѣзкій переворотъ. Обязанности его особенно расширялись возникавшею войною, которая вызывала совершенно особыя положенія въ общемъ ходѣ Кавказскихъ дѣлъ.

Глава XIX.

(1853-1854).

Возгорѣвшаяся Восточная война.—Очеркъ положенія нашего на Кавказѣ.—Переписка съ княземъ Воронцовымъ.—Командированіе на границу.—Сцена съ княземъ Мирскимъ.—Движеніе съ отрядомъ и возвращеніе въ Александрополь.—Неудачное столкновеніе казаковъ съ Турецкою конницею.—Возвращеніе въ Тифлисъ.—Письмо А. П. Ермолова.

О политическомъ положеніи Европы и о причинахъ, вызвавшихъ кровопролитную войну 1853—1856 г. не только съ Турціею, но и съ коалиціею всей Европы, я здѣсь говорить не буду. Восточная, или, какъ ее называютъ, Крымская война имѣетъ уже цѣлую литературу; всего подробнѣе она описана покойнымъ генераломъ М. И. Богдановичемъ, къ исторіи котораго (изд. 1876 г. 4 тома) и отсылаю любознательныхъ читателей. Ограничусь краткимъ изложеніемъ положенія нашего на Кавказѣ въ этотъ періодъ надвигавшейся грозы, чтобы яснѣе видны были предстоявшія Кавказскому начальству заботы.

Борьба съ непокорными горцами была въ полномъ разгарѣ. На Восточномъ Кавказѣ были одержаны нѣкоторые успѣхи въ Чечнѣ, отчасти ослабившіе Шамиля, но не лишившіе его еще власти и обаянія среди массы непокорнаго населенія; наши укрѣпленія и кордоны тоже еще не были выдвинуты на такіе пункты, которые могли бы удерживать населеніе плоскости, не говоря о горахъ, въ должномъ спокойствіи; прорывы непріятельскихъ партій, при малѣйшей оплошности или ослабленіи войскъ на какомъ нибудь пунктѣ, вовсе не были устранены; а при малѣйшемъ успѣхѣ Шамиля и все покорное населеніе могло возстать, какъ это уже бывало и прежде.

Въ Дагестанѣ (Прикаспійскомъ краѣ) за послѣднія нѣсколько лѣтъ мы держались оборонительнаго образа дѣйствій, успѣшно ограждая наши предѣлы отъ непріятельскихъ вторженій, или подавляя вспышки частныхъ возстаній; но въ подвластныя

Шамилю мѣстности мы, по прежнему, уже не вторгались, что облегчало ему управленіе горцами и собираніе ихъ для военныхъ предпріятій.

Со стороны Грузіи (Лезгинская кордонная линія) образъ нашихъ дѣйствій, уже по самому свойству мѣстности, былъ чисто-оборонительный, тѣмъ болѣе, что близость мусульманскаго населенія Закавказья вызывала къ особой осторожности, а Шамилю съ этой стороны представлялась ближайшая возможность прорываться въ самыя важныя для насъ мѣстности, прилегающія къ Тифлису.

На западномъ Кавказѣ мы были еще гораздо дальше отъ окончанія борьбы. Укрѣпленія наши на Восточномъ берегу Чернаго моря не приносили почти никакой пользы, подвергались гибели въ случаѣ одновременной атаки съ суши Черкесами и съ моря непріятельскимъ флотомъ; въ нихъ напрасно были заперты нѣсколько тысячъ войскъ, подвергавшихся жестокимъ болѣзнямъ и лишеніямъ. Съ сѣверной стороны мы занимали линію по Кубани и Лабѣ, защищая свои предѣлы отъ нападенія Черкескихъ наѣздниковъ, а впереди этихъ линій имѣли два - три мало обезпеченныхъ укрѣпленія. Полумиліонное Черкеское населеніе оставалось внѣ всякой отъ насъ зависимости, и даже мысль о возможности быть покоренными въ голову имъ не приходила.

На границѣ съ Турціею и Персіею (ее тоже нельзя было упускать изъ вида), на огромномъ пространствѣ отъ береговъ Чернаго почти до Каспійскаго моря, у насъ было лишь нѣсколько линейныхъ батальоновъ, составлявшихъ гарнизоны крѣпостей, и нѣсколько Донскихъ казачьихъ полковъ на кордонныхъ постахъ.

Что же касается внутренняго положенія Кавказскаго края въ то время, приходится обозначить его усиленно-сомнительнымъ; потому что, кромѣ обычнаго нерасположенія мусульманскаго населенія къ Русской власти, война съ Турками, султанъ которыхъ есть калифъ всѣхъ Суннитовъ, вызываетъ чувства симпатіи къ нашему противнику и затаенное желаніе оказать ему содѣйствіе. Особенною опасностью угрожало подобное настроеніе въ тѣ времена, когда въ горахъ владычествовалъ Шамиль, окруженный ореоломъ славнаго

и могущественнаго Имама, хранителя чистаго исламизма. Турецкіе эмисары, съ агентами Шамиля, могли расчитывать на успѣхъ пропаганды, особенно при какой нибудь нашей неудачѣ; легкомысліе Кавказскаго населенія—весьма благодатная почва для подобной дѣятельности.

При такомъ положеніи нашемъ на Кавказѣ, мы не могли собрать достаточно войскъ для дѣйствій противъ Турокъ въ полѣ. Князь Воронцовъ доносилъ Государю, что можетъ выставить не болѣе 4-хъ батальоновъ и просилъ прислать изъ Россіи 16 батальоновъ. Конечно, указанная цыфра 4-хъ батальоновъ для дѣйствій была уже слишкомъ уменьшена (ее можно было смѣло удвоить); но и въ такомъ случаѣ, что значило 8 или даже 10 батальоновъ для наступательныхъ дѣйствій противъ Турокъ, которые могли выставить не менѣе 40-50 тысячъ войска, кромѣ массы Курдовъ и другаго сброда, не страшнаго въ сраженіи, но способнато распространить грабежъ и ужасъ среди христіянскаго и волненіе среди мусульманскаго населенія края?

Требованіе подкрѣпленія въ 16 батальоновъ было не только вполнѣ основательнымъ, но даже скромнымъ. Къ сожалѣнію, рѣшеніе вопроса объ отправленіи 13-й пѣхотной дивизіи съ ея артилеріею изъ Севастополя за Кавказъ встрѣчало сначала несогласіе Государя, затѣмъ затянулось въ продолжительной перепискѣ, и дивизія прибыла лишь осенью, когда дожди дѣлаютъ дороги, особенно въ приморскомъ краѣ и Имеретіи, едва проходимыми. (Къ этому времени относится переписка кн. Барятинскаго съ кн. Меншиковымъ и адмираломъ Корниловымъ. Письма ихъ см. въ Приложеніи).

Удивительно, какъ у насъ повторяются однѣ и тѣже ошибки. При началѣ каждой войны, мы все какъ бы не рѣшаемся развернуть наши силы, надѣемся обойтись малою частью арміи, не признаёмъ опасности гдѣ она дѣйствительно есть, и затѣмъ уже, когда потеряно много самаго удобнаго времени, когда понесены напрасныя потери и испытаны неудачи, начинаемъ съ поспѣшностью выдвигать корпуса за корпусами, движеніе которыхъ по нашимъ ужаснымъ путямъ сообщенія, въ слякоть, обходится дороже проигранныхъ сраженій.

Такъ было и въ 1853 году. Обстоятельства приняли такой оборотъ, что пришлось отправить за Кавказъ не только 13-ю, но и 18-ю пѣхотную дивизію изъ Москвы и резервную Кавказскаго корпуса изъ Таганрога, два драгунскихъ и 6 Донскихъ казачьихъ полковъ. Было приказано даже и 17-ю дивизію двинуть туда же; но послѣ ее повернули въ Крымъ. Но пока рѣшенія отправить эти подкрѣпленія за Кавказъ еще не послѣдовало, наконецъ, пока онѣ двигались, совершая двухтысячеверстный маршъ по грунтовымъ дорогамъ осенью, положеніе на Кавказѣ было серьезно и не могло не возбуждать опасеній. Главнокомандующій, кн. Воронцовъ, не сочувствовавшій политикѣ Государя въ возникшемъ спорѣ о свмѣстахъ и особенно въ дальнѣйшихъ усложненіяхъ, имѣвшихъ неминуемо привести къ столкновеніямъ съ Западными державами, не вѣрившій сначала даже въ рѣшимость Государя доводить дѣло до войны, былъ къ тому же въ описываемый періодъ времени уже старикъ, ослабѣвшій физически, отчасти и нравственно. Тяжесть работы, при наступившихъ серьезныхъ обстоятельствахъ, очевидно должна была пасть на начальника штаба.

Князь Воронцовъ проводилъ лѣто 1853 года въ Боржомѣ, а князь Барятинскій оставался вблизи Тифлиса, въ Коджорахъ. Почти каждый день они пересылались письмами. Привожу здѣсь письма главнокомандующаго; писемъ же князя Барятинскаго за это время я не нашелъ.

Отъ 12 Іюля:

„Посылаю вамъ официально бумаги Серебрякова [1]) съ моими на нихъ замѣтками, и частное письмо, полученное мною вчера отъ Меншикова. Вы увидите изъ него, что́ Бруновъ пишетъ Горчакову, относительно тѣхъ миролюбивыхъ взглядовъ, съ которыми Англія и Франція относятся къ занятію княжествъ. Я нахожу пока эти извѣстія весьма хорошими; но посмотримъ еще, какъ отнесутся къ этому Турки и что́ рѣшитъ Государь.

„Что касается до Серебрякона, то мнѣ кажется, что все о чемъ онъ пишетъ, крайне разумно; только онъ ошибается

---

[1]) Вице-адмиралъ, начальникъ Черноморской береговой линіи.

относительно возможности предоставить ему начальствованіе надъ 13-ю дивизіею и ея дѣйствіями, если она прибудетъ къ намъ. Разумѣется, Обручевъ [1]) неспособенъ къ этому дѣлу; съ другой стороны, чтобы эта экспедиція [2]) имѣла успѣхъ наиболѣе полный, необходима помощь Черноморскихъ казаковъ и отчасти войскъ Праваго фланга. Государь отлично рѣшилъ, что главное начальство должно быть поручено Заводовскому, а на случай его болѣзни Реаду. Въ крайнемъ случаѣ, мы можемъ устроить, согласно проектамъ адмирала Серебрякова, чтобы все касающееся знаменитаго треугольника (?) сдѣлалось приблизительно, и чтобы главнымъ образомъ онъ, Серебряковъ, тамъ участвовалъ. Однако незачѣмъ предполагать, чтобы эта диверсія могла осуществиться.

„Странно видѣть, какъ плохо сохраняется тайна въ Петербургѣ относительно тѣхъ предметовъ, которые пересылаются намъ подъ строгимъ секретомъ. Серебряковъ очень удивился, когда, послѣ такого секрета, кн. Меншиковъ вдругъ поручилъ ему получить отъ интенданства всѣ бумаги относительно снабженія провіантомъ 13-й дивизіи. Онъ очень разумно отвѣчалъ имъ, что положительно ничего не зналъ относительно этого дѣла и не понимаетъ задаваемыхъ ему вопросовъ... А между тѣмъ онъ принимаетъ прекрасныя мѣры и испрашиваетъ у насъ инструкціи, чтобы дать имъ ходъ [3]).

„Исторія Колюбякина [4]) съ адмираломъ меня не удивляетъ. Онъ прекрасный человѣкъ во многихъ отношеніяхъ, храбрый, образованный, преданный, но неисправимый по своему тщеславію и вспыльчивости. Разумѣется, необходимо его устранить оттуда и постараться доставить ему какое нибудь скромное положеніе у насъ. Жду вашихъ извѣстій изъ Тифлиса, и очень хотѣлось бы, чтобы вы нашли возможность пріѣхать къ намъ ранѣе чѣмъ обѣщали.

---

[1]) Генералъ-лейтенантъ, начальникъ 13-й дивизіи.

[2]) Серебряковъ предлагалъ внезапно захватить Батумъ, Ардаганъ, кажется даже Трапезонтъ, а укрѣпленія наши по берегу моря бросить.

[3]) Очевидно, все это относится къ проекту захватить Батумъ, Трапезонтъ и Ардаганъ и подготовить все къ снятію безъ потерь нашихъ береговыхъ укрѣпленій.

[4]) Николай Петровичъ (немирной), извѣстный своими приключеніями. Умеръ въ Москвѣ сенаторомъ.

„Обнимаю васъ и еще разъ благодарю за вашу дружбу, которую вы доказали мнѣ, принявъ на себя настоящую должность и оказавъ этимъ мнѣ большую услугу".

Отъ 14-го Іюля:

„Я получилъ ваше письмо отъ третьяго дня и благодарю васъ за сообщенныя извѣстія; но я долженъ признаться, что измѣнилъ свои намѣренія относительно нашихъ консуловъ. Лелли [1]) по всей вѣроятности отправится самъ въ Карсъ, и слѣдовательно намъ нѣтъ надобности въ консулѣ этого города; что же касается до Батумскаго консула, который намъ болѣе всего необходимъ, то у меня нашелся способъ, ускользнувшій отъ меня въ то время когда мы съ вами о немъ бесѣдовали. Гагаринъ [2]), посѣщая Гурію, часто вызывалъ къ себѣ изъ Батума нашего консула; теперь, такъ какъ Гагаринъ въ Гуріи, я отправляю ему курьера, чтобы онъ велѣлъ Батумскому консулу пріѣхать въ Озургеты или Кутаисъ, гдѣ онъ найдетъ мое приглашеніе пріѣхать сюда. Это будетъ гораздо естественнѣе и скорѣе сдѣлано.

„Очень прошу васъ пріѣхать сюда какъ можно скорѣе, ибо въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся, намъ необходимо быть вмѣстѣ. Письмо Левина (?) крайне любопытно. Было бы интересно узнать результатъ втораго свиданія Козловскаго съ тѣмъ эмисаромъ, о которомъ онъ говоритъ [3]). Затѣмъ, воззваніе къ Полякамъ и медаль *короля* Адама Чарторижскаго намъ извѣстны съ 1848 года, и въ то время у меня ихъ было нѣсколько экземпляровъ".

Между тѣмъ забота по обезпеченію Турецкой границы и сосредоточенію хоть сколько-нибудь самостоятельнаго отряда въ Александрополѣ возбуждала лихорадочную дѣятельность. Въ числѣ войскъ, стягивавшихся небольшими частями съ разныхъ концовъ Кавказа, былъ двинутъ и Нижегород-

---

[1]) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Лелли былъ правителемъ дипломатической канцеляріи при намѣстникѣ Кавказскомъ.

[2]) Князь Александръ Ивановичъ, тогда Кутаисскій военный губернаторъ.

[3]) Очевидно рѣчь идетъ о какомъ-нибудь подосланномъ Турками къ Черкесамъ эмисарѣ, который нашелъ выгоднымъ служить и нашимъ и вашимъ, и явился къ генералу Козловскому, исправлявшему тогда должность командующаго войсками на Кавказской линіи.

скій драгунскій полкъ, стоявшій на Сулакѣ. При распоряженіи о передвиженіи на границу драгунъ, князь Барятинскій, письмомъ отъ 14-го Августа изъ Коджоръ, просилъ разрѣшенія князя Воронцова присоединить къ нимъ и конную артилерію, о которой до того не было рѣчи. Такимъ образомъ, благодаря указанію князя Александра Ивановича, отрядъ получилъ Донскую № 7-й батарею Долотина, которая блистательно участвовала въ первомъ же сраженіи съ Турками подъ Башъ-Кадыкляромъ и оказала неоцѣненныя услуги.

По личному назначенію Государя, командованіе войсками на Азіатско-Турецкой границѣ было возложено на генералъ-лейтенанта князя Бебутова, бывшаго тогда начальникомъ гражданскаго управленія на Кавказѣ. До Октября князь Бебутовъ оставался въ Александрополѣ въ невольномъ бездѣйствіи, потому что война не была еще официально объявлена, да и отрядъ его былъ слишкомъ незначителенъ, не только для наступленія, но и для обороны. Подкрѣпленія все еще только ожидались, и какъ ихъ ни торопили, но разстояніе и дороги брали свое. Между тѣмъ Турки придвигались къ границѣ, и массы Курдовъ, баши-бузуковъ, уже стали показываться предъ нашими пограничными Армянскими селами. Въ это время князь Бебутовъ заболѣлъ и пріѣхалъ въ Тифлисъ лечиться, а для его замѣны главнокомандующій былъ вынужденъ командировать на границу князя Барятинскаго.

Вскорѣ послѣ этого, Турки, до официальнаго объявленія войны, внезапно атаковавъ наше приморское укрѣпленіе Николаевское, овладѣли имъ, истребивъ двѣ роты линейнаго баталіона и сотню Гурійской милиціи. Получивъ это печальное извѣстіе, старый герой, кн. Воронцовъ, и безъ того уже больной, еще болѣе былъ разстроенъ и ослабленъ, такъ что съ трудомъ могъ заниматься дѣлами. Онъ былъ очевидно надломленъ... Въ довершеніе его огорченія, онъ оставался безъ начальника штаба. До какой степени тяжко было старику это лишеніе, можно видѣть изъ слѣдующихъ его писемъ къ князю Барятинскому въ Александрополь.

Отъ 18-го Октября:

„Пользуюсь отъѣздомъ подполковника Циммермана, чтобы написать вамъ. Ваше отсутствіе замѣчается мною каждый

часъ въ теченіе цѣлаго дня, что́ для меня крайне тяжело. Я хочу положительно или имѣть васъ опять близъ себя, или быть вмѣстѣ съ вами на границѣ. Пошли мнѣ Богъ физической силы осуществить эту послѣднюю надежду. Пока намъ остается только переписываться; но я думаю, что князь Бебутовъ въ состояніи скоро уѣхать и что вы вслѣдъ за этимъ возвратитесь къ намъ.

„Я прочелъ сегодня рапортъ генерала Врангеля [1]) относительно слуховъ о предположеніи Шамиля атаковать его. Я ему отвѣчалъ частнымъ письмомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы имѣли съ вами разговоръ на счетъ защиты Лѣваго фланга. Я повторилъ ему ваше предложеніе относительно казачьихъ сотенъ Гребенскаго и Моздокскаго полковъ и просилъ его быть въ частныхъ сношеніяхъ съ княземъ Аргутинскимъ и Сусловымъ, для защиты Кумыкской плоскости.

„Отъ Гагарина мы не имѣемъ никакихъ извѣстій. Случилось непріятное замедленіе въ переходѣ Бѣлостокскаго полка, благодаря ужасной дорогѣ изъ Квирилы въ Бѣлогорію. Вы помните, я предсказалъ это, и не могу понять, почему Гагаринъ сталъ держаться этого направленія, зная, что одинъ день дождя дѣлаетъ сообщенія на этой станціи почти невозможными.

„Такимъ образомъ мы не будемъ имѣть для Ахалкалакъ защиты, на которую мы эти дни надѣялись, если Шликевичъ [2]), который долженъ завтра́ или послѣ завтра прибыть, опоздаетъ къ этому времени. Я отсюда не могу вмѣшиваться въ эти распоряженія, и вамъ нужно будетъ озаботиться принять необходимыя мѣры.

„По всей вѣроятности, вы уже видѣли гг. Жаба и Боцо [3]), и они сказали вамъ, что одинъ изъ главныхъ пунктовъ, который Турки хотятъ атаковать, какъ разъ Ахалкалаки. Вы увидите, что́ тамъ нужно будетъ дѣлать. Мнѣ кажется, имъ трудно будетъ повсюду вести наступленіе; самая крѣпость

[1]) Баронъ Александръ Евстафьевичъ Врангель, вступившій на мѣсто князя Барятинскаго въ должность начальника 20-й дивизіи и Лѣваго фланга.

[2]) Полковникъ, командиръ одного изъ полковъ.

[3]) Консулы въ Эрзерумѣ и Карсѣ.

Ахалкалаки не можетъ быть въ опасности, и Турки, я надѣюсь, не захотятъ съ этой стороны углубиться въ страну, когда Ковалевскій [1]), будучи на ихъ флангѣ, такъ мало удаленъ отъ этого пункта. Полагаю, что Шликевичъ долженъ оставаться тамъ до прихода Бѣлостокскаго полка; но, какъ я уже сказалъ выше, вамъ, находящемуся на мѣстѣ, предоставляется все рѣшить. Назаровъ [2]) пишетъ, что Илико Орбельянъ [3]) соединился съ двумя Мингрельскими ротами, которыя должны были идти изъ Делижана въ Эривань. Вы должны знать, въ чемъ тамъ дѣло. Разумѣется наша первая забота заключается въ томъ, чтобы отрядъ, который находится теперь на Арпачаѣ, былъ усиленъ и могъ устоять противъ сильнаго нападенія; но до прибытія въ Эривань пяти ротъ съ Лезгинской линіи (изъ которыхъ три пришли уже сегодня сюда и выступятъ послѣ завтра), я полагаю необходимымъ, чтобы батальонъ гренадеровъ, который находится у Хрещатицкаго [4]), отправился на подкрѣпленіе гарнизону Эривани, такъ какъ безъ этого сама крѣпость находится въ опасности. Дай Богъ, чтобы Турки подождали 10—12 дней начинать кампанію. Ихъ настоящее бездѣйствіе и затѣмъ все, что мы читали въ послѣднихъ извѣстіяхъ изъ Константинополя и въ полученной нами вчера послѣдней газетѣ, заставляетъ предполагать, что дѣло стоитъ еще за переговорами, и если они ведутся для того, чтобы намъ выиграть нѣкоторое время, то разумѣется это будетъ намъ очень кстати. Жду съ нетерпѣніемъ вашихъ извѣстій изъ Александрополя и прошу васъ не щадить почтовыхъ лошадей и курьеровъ каждый разъ, когда будетъ у васъ что-нибудь интересное мнѣ сообщить. Мы съ женою молимъ Бога за васъ. Благословляю и цѣлую васъ самымъ сердечнымъ образомъ".

Отъ 19-го Октября:

„Когда я писалъ вамъ вчера, то не зналъ еще ничего объ извѣстіяхъ, полученныхъ мною вечеромъ. Турки начали

---

[1]) Петръ Петровичъ, генералъ-маіоръ, начальникъ 13-й дивизіи.

[2]) Эриванскій губернаторъ.

[3]) Командиръ Грузинскаго гренадерскаго полка.

[4]) Начальникъ кордона на Персидской границѣ.

войну въ ночь съ 15-го на 16-е, какъ кажется, съ значительными силами, атаковали и заняли фортъ Св. Николая. Гарнизонъ храбро защищался, но былъ почти весь перебитъ, и только 24 человѣка съ тремя офицерами, всѣ по большей части раненные, пробились сквозь нападающихъ и прибыли къ намъ.

„Надо думать, что батальоны (13-й дивизіи), которые мы предполагали уже въ Марани, туда еще не прибыли. Вы легко поймете, съ какою тоскою ожидаю я слѣдующихъ извѣстій. Въ настоящую минуту я, быть можетъ, обезпокоенъ еще болѣе тѣмъ, что̀ происходитъ у васъ, такъ какъ отъ этого зависятъ спокойствіе страны вообще и честь нашего оружія.

„Если, взявъ Шликевича и все что̀ не составляетъ необходимости у другихъ, вы соберете отъ восьми до десяти батальоновъ въ ваше распоряженіе, то мы можемъ ничего не бояться, въ особенности когда къ вамъ прибудутъ драгуны и другія подкрѣпленія отсюда. Если вы не будете въ состояніи вести кампанію съ тѣмъ, что̀ вы уже имѣете и съ тѣмъ что̀ вы можете собрать въ вашихъ окрестностяхъ, то возникнетъ вопросъ, какимъ образомъ различныя войска отсюда найдутъ возможность соединиться съ вами; ибо если вся страна будетъ въ рукахъ непріятеля, то имъ трудно будетъ добраться до васъ. Драгуны, задержанные одинъ день въ горахъ, прибудутъ завтра. Князь Григорій Орбеліанъ послалъ вамъ два баталіона гренадерской бригады. Вчера я просилъ князя Андроникова поторопиться отправкою Татарской конной милиціи. Пишу вамъ все это чрезъ Гагарина [1]), который обѣщаетъ скоро ѣхать. Признаюсь, меня пугаетъ мысль, что наши сообщенія могутъ быть отрѣзаны, какъ для курьеровъ, такъ и для передвиженія маленькихъ отрядовъ. Жду вашихъ извѣстій съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ. Повторяю вамъ, что вся увѣренность и нашъ успѣхъ въ будущемъ зависятъ отъ тѣхъ силъ, какія вы найдете возможнымъ собрать у Александрополя, и нужно, чтобы онѣ были достаточно значительны и могли бы

[1]) Молодой офицеръ, бывшій адъютантомъ у князя Барятинскаго.

противиться непріятелю, каковъ бы онъ ни былъ. Для этого ничего не щадите, лишь бы гарнизоны крѣпостей были достаточно подкрѣплены. Лучше взять все, чѣмъ располагаете около Орловки и около Ахалкалаки, и даже взять два баталіона отъ Ковалевскаго, нежели чувствовать себя слабымъ въ главномъ пунктѣ. Тогда вы можете показать себя непріятелю и даже атаковать его главныя силы. Только такимъ образомъ и мы можемъ быть спокойны до прибытія къ вамъ войскъ, которыя посылаются отсюда, такъ какъ они, отправляясь малыми частями, могутъ попасть въ руки болѣе сильнаго непріятеля.

„Что̀ касается до осадной артилеріи, нужно оставить ее совершенно готовой въ Эривани и не думать о перевозкѣ ея въ Александрополь до тѣхъ поръ, пока дѣла не выяснятся и мы не будемъ хозяевами мѣстности и нашихъ дѣйствій“.

Отъ 23-го Октября:

„Едва имѣю силы написать вамъ нѣсколько строчекъ въ отвѣтъ на ваше милое письмо изъ Александрополя; оно мнѣ доставило много удовольствія, за которое отъ всего сердца васъ благодарю. Болѣзненность, которую я испытываю ужасно давно отъ усталости, безпокойствъ и необходимости работать головою, перешла въ желчную болѣзнь.

„Князь Бебутовъ черезъ три дня ѣдетъ, и я буду очень радъ, если все будетъ спокойно до тѣхъ поръ, пока вы прибудете сюда, чтобы помочь мнѣ въ трудныхъ дѣлахъ, которыя свалились намъ на плечи въ ту минуту, какъ я чувствую себя малоспособнымъ ими заняться.

„Вы прекрасно сдѣлали, что перевели войска изъ лагеря, гдѣ имъ было очень холодно.

„Что̀ дѣлаютъ Турки, находясь противъ васъ? Вашъ отрядъ усиливается съ каждымъ днемъ, и скоро вы будете достаточно сильны, чтобы противустоять имъ, въ какомъ бы числѣ они ни были. Мои главныя опасенія теперь за Гурію и за наше побережье. Я послалъ вчера курьера къ Меньшикову и Серебрякову, къ которому и Гагаринъ написалъ отъ себя. Дай Богъ, чтобы они намъ помогли“.

Отъ того же 23-го Октября:

„Въ настоящее время я все также боленъ, какъ и былъ ранѣе, и вотъ почему не могъ отвѣчать вамъ на ваши интересныя письма, которыя я получилъ. Князь Бебутовъ передастъ вамъ, въ какомъ положеніи я находился и нахожусь еще теперь. Трудно, если не невозможно, поправиться при такихъ обстоятельствахъ, которыя меня обрекли теперь на постоянную тяжелую работу. Не знаю, чѣмъ все это кончится; я предаю себя на волю Божію. Князь Бебутовъ сообщитъ вамъ также, что для уменьшенія своей механической работы и чтобы имѣть немного отдыха, я возложилъ на генерала Реада мелочи военнаго дѣла, исключая трехъ главныхъ пунктовъ. Во первыхъ, все что̀ относится до дѣйствующаго корпуса и до событій на границѣ; во вторыхъ, всеобщее провіантоснабженіе, и втретьихъ, всѣ денежные отпуски, такъ какъ я не имѣю права ихъ передать кому бы то ни было и такимъ образомъ освободиться отъ отвѣтственности. Когда я буду имѣть счастіе видѣть васъ здѣсь, мы посмотримъ, можно ли будетъ все такъ оставить, или же придется все перевести опять на обыкновенный порядокъ. Я болѣе всего безпокоюсь за Гурію, такъ какъ въ Батумѣ теперь находится значительное количество Турецкихъ войскъ, которыя смѣло могутъ дѣйствовать въ этомъ тепломъ климатѣ, тогда какъ въ большинствѣ мѣстъ нашей границы холодъ составляетъ уже препятствіе для обширныхъ дѣйствій. Что̀ касается до Эриванской стороны, нашъ отрядъ, я надѣюсь, опять займетъ старыя позиціи, и можно будетъ ему помочь въ этомъ, подкрѣпивъ его немного, по тѣмъ соображеніямъ, что если мы пока и не имѣемъ еще права перейти границу, за то мы удержимъ за собою право бить и гнать непріятеля, который незаконнымъ образомъ вступилъ на нашу землю. Было бы желательно по этой же причинѣ выгнать Турокъ изъ Николаевскаго поста, но при этомъ существуетъ опасность: ибо, подвигаясь съ этой стороны, мы можемъ ослабить отрядъ въ Озургетахъ, составляющій нашу единственную защиту въ Гуріи и Имеретіи. Успѣха въ этомъ дѣлѣ мы можемъ ожидать лишь тогда, какъ покажется нашъ флотъ у взморья. Что̀ касается до Ахалциха и до Боржомскаго ущелья, то мнѣ кажется, что

съ тѣмъ, что имѣетъ Ковалевскій и съ Грузинской дружиной въ Ацхурѣ, съ этой стороны представляется мало опасности, въ особенности въ теперешнее время года. Изъ Петербурга ни слова о ходѣ все еще колеблющихся переговоровъ“ *).

Около этого же времени было получено донесеніе Эриванскаго губернатора, что Турки наступаютъ отъ Баязета съ цѣлью захватить Эчміадзинъ (мѣсто пребыванія Армянскаго патріарха) и что у него нѣтъ достаточныхъ средствъ защитить столь важный пунктъ.

Получивъ это тревожное извѣстіе, больной князь Воронцовъ послалъ за неоправившимся отъ болѣзни княземъ Бебутовымъ для совѣщанія. Грустно и жалко было смотрѣть на немощныхъ старцевъ, совершенно растерявшихся и не знавшихъ на что рѣшиться...

Князь Воронцовъ позвалъ своего адъютанта князя Мирскаго, бывшаго при немъ безотлучно въ качествѣ секретаря по военной части, и потребовалъ свѣдѣній о движеніяхъ разныхъ частей войскъ, слѣдующихъ на подкрѣпленіе Александропольскаго отряда. Князь Мирскій объяснилъ подробно, гдѣ въ данный моментъ находится каждая изъ сихъ частей и откуда можетъ быть направлена къ Эривани; но замѣтилъ при этомъ, что врядъ ли удобно принять какую-либо мѣру безъ вѣдома князя Барятинскаго, который, находясь на мѣстѣ, лучшій судья въ этомъ дѣлѣ. Послѣ этого, князь Михаилъ Семеновичъ, со слезами на глазахъ, сказалъ Мирскому слѣдующее: „Я хочу просить у тебя большой жертвы. Эчміадзинъ спасти необходимо, но распорядиться этимъ отсюда неудобно и даже опасно. Ты понимаешь дѣло, Барятинскій имѣетъ къ тебѣ большое довѣріе; поѣзжай въ Александрополь, объясни ему наши мысли и желанія“.

Очевидно, что въ этой командировкѣ оба старика нашли подобіе выхода изъ безвыходнаго положенія.

Князь Мирскій немедленно поскакалъ и на другой день къ вечеру былъ въ Александрополѣ. Начиная отъ Караклиса, населеніе было въ большой тревогѣ: жители пограничныхъ деревень спасались бѣгствомъ отъ нашествій башибузуковъ

*) Помѣщая эти письма князя Воронцова, имѣю въ виду ихъ значеніе какъ матеріала для исторіи войны 1853 года за Кавказомъ. А. З.

и Курдовъ; дороги были покрыты арбами съ семействами и имуществомъ; со всѣхъ сторонъ гнали скотъ. Многія Армянскія селенія уже разграблены, нѣкоторыя вырѣзаны. Картина была ужасная!

Князь Мирскій засталъ князя Александра Ивановича взволнованнымъ, страдающимъ признаками подагры и въ высшей степени раздраженнымъ вслѣдствіе тяжелаго положенія, неожиданно ему созданнаго его калифствомъ на часъ и, правду говоря, на самый тяжелый часъ. Онъ и слышать не хотѣлъ о посылкѣ подкрѣпленія для защиты Эчміадзина.

Долго и, можетъ быть, нѣсколько горячо настаивалъ князь Мирскій, объясняя, что ограбленіе Эчміадзина было бы весьма печальнымъ и важнымъ событіемъ, уже непоправимымъ; что самой незначительной части регулярныхъ войскъ будетъ достаточно для избѣжанія этой катастрофы, такъ какъ въ Эриванскую губернію могутъ вторгнуться только Курды, а не регулярныя Турецкія войска; что присутствіе въ Александрополѣ лишнихъ 4-хъ или даже 6-ти ротъ (которыя предполагалось отправить) не измѣнитъ существенно къ худшему положенія здѣсь, при оборонительномъ ожиданіи, на которое мы вынуждены, до прибытія всѣхъ находящихся въ пути подкрѣпленій.

Все больше и больше раздражаясь, князь Барятинскій наконецъ страшно вспылилъ и, обратясь къ Мирскому, сказалъ: „Если вы присланы сюда главнокомандующимъ, чтобы меня замѣнить, то покажите предписаніе, и я послушаюсь; если же у васъ его нѣтъ (князь Воронцовъ отправилъ Мирскаго въ торопяхъ даже безъ письма къ Барятинскому), то вы самозванецъ и бунтовщикъ, и я васъ разстрѣляю!“

При этой сценѣ присутствовалъ только Василій Васильевичъ Зиновьевъ [1]). Князь Мирскій не отвѣчалъ ни слова, оставаясь совершенно хладнокровнымъ. Вдругъ, послѣ долгаго молчанія, князь Александръ Ивановичъ подошелъ къ Мирскому, пожалъ ему руку и сказалъ: Вы правы, нужно спасти Эчміадзинъ. Надѣюсь, что вы не обидѣлись?

— Въ такихъ обстоятельствахъ обидчивости нѣтъ мѣста, отвѣчалъ князь Мирскій.

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, нынѣ гофмейстеръ Высочайшаго двора.

Положеніе было дѣйствительно ужасно. Со всѣхъ сторонъ сбѣгались въ Александрополь несчастные жители, умоляя о защитѣ и спасеніи. Являлись раненые, привозили трупы на арбахъ. Плачъ, вой женщинъ и дѣтей раздирали сердце. Многіе изъ бывшихъ тамъ начальниковъ войскъ уговаривали князя Барятинскаго выслать нѣсколько батальоновъ для защиты окрестныхъ деревень, но онъ оставался непоколебимымъ въ своемъ рѣшеніи: не удаляться отъ Александрополя до прибытія *всѣхъ* ожидаемыхъ подкрѣпленій. „Мы находимся здѣсь не для защиты какой-нибудь деревни, а для обороны и спасенія всего края; я не могу рискнуть скомпрометировать исполненіе этой важной задачи изъ одного чувства сожалѣнія". Это былъ его отвѣтъ. Однако для защиты Эчміадзина былъ отправленъ батальонъ; но не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ переходовъ отъ Александрополя, получились извѣстія, что угрожавшіе вторженіемъ въ Эриванскую губернію Курды отступили: потому ли что узнали о движеніи къ Эчміадзину нашихъ войскъ, или потому что вдругъ начался сильный холодъ, или по приказанію Турецкихъ властей, имѣвшихъ въ виду наступленіе своей арміи къ Александрополю, положительно сказать нельзя. Отступленіе ихъ пришлось весьма кстати: батальонъ тотчасъ повернулъ назадъ, и онъ еще подоспѣлъ къ 2-му Ноября, когда послѣ неудачнаго Баяндурскаго дѣла отрядъ нашъ былъ слишкомъ ослабленъ.

Для разъѣздовъ по направленію къ с. Баяндуру высылались сотни линейныхъ казаковъ. 29-го Октября стали появляться густыя толпы непріятельской конницы, и казаки начали отступать. Курды бросились въ Армянскія деревни и начали неистовствовать. Жалостные крики женщинъ и дѣтей вынудили казаковъ остановиться и идти на помощь; но ихъ мгновенно окружили двѣ тысячи Турокъ. Казаки даже не успѣли дать знать въ отрядъ... Произошло жестокое побоище. Наши молодцы Кубанцы, все отборные старые казаки, геройски защищались и избѣгли совершеннаго пораженія, благодаря лишь подошедшей сотнѣ, высланной изъ Александрополя по тревогѣ. Однако потеря оказалась громадная: изъ 300 человѣкъ пало 77.

Наконецъ, 31 Октября возвратился въ Александрополь князь Бебутовъ, а князь Барятинскій на другой же день уѣхалъ въ Тифлисъ къ нетерпѣливо ожидавшему его главнокомандующему.

До какой степени вѣренъ былъ тогда выраженный княземъ Барятинскимъ взглядъ, что до прибытія всѣхъ ожидаемыхъ подкрѣпленій не слѣдовало трогаться изъ Александрополя, не взирая даже на опасность положенія Армянскихъ селеній, доказывается, кромѣ печальнаго случая съ казаками, увлекшимися въ противность даннаго имъ приказанія, еще слѣдующимъ эпизодомъ. Какъ только князь Александръ Ивановичъ 1-го Ноября уѣхалъ, нѣкоторые частные начальники уговорили князя Бебутова выдвинуть отрядъ на семь верстъ впереди Александрополя къ Баяндуру. 2-го Ноября 7 батальоновъ, съ частью драгунъ и казаковъ, при 20 орудіяхъ, подъ начальствомъ князя Ильи Орбельяна, выступили изъ Александрополя; не доходя Баяндура, они встрѣтили на позиціи весь Турецкій корпусъ и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, совершенно безцѣльно, подверглись ужасной канонадѣ, стоившей намъ болѣе семи сотъ человѣкъ лучшихъ старыхъ гренадеръ и артилеристовъ. Князь Бебутовъ съ остатками войска вынужденъ былъ поспѣшить туда, чтобы дать возможность отряду Орбельяна отступить.

Будь вмѣсто Турокъ другой, болѣе предпріимчивый непріятель, дѣло, быть можетъ, окончилось бы гораздо печальнѣе. Между тѣмъ, когда всѣ ожидаемыя войска собрались, 19 числа того же Ноября, подъ Башъ-Кадыкляромъ, Турки были нами разбиты на голову.

Къ этому времени относится переписка князя Александра Ивановича съ А. П. Ермоловымъ. По какому поводу она возникла—не знаю; вѣроятно изъ-за сына Алексѣя Петровича, Клавдія, бывшаго адъютантомъ у князя Воронцова. Привожу здѣсь письмо нашего знаменитаго ветерана, отъ 2-го Ноября 1853 года.

„Письмо ваше имѣлъ честь получить и скажу прямо, что пріятнѣйшаго для меня написать невозможно. Вы растрогали душу стараго солдата, котораго страстью была нѣкогда военная служба. Въ ней замѣчаемъ я былъ особеннымъ къ

молодцамъ уваженіемъ. Конечно, угадывая это, ваше сіятельство расположились ко мнѣ столь обязательнымъ образомъ.

„*Вы напомнили мнѣ о томъ, чего я не забываю и горжусь. Нѣкогда перекрестилъ я на бой храбраго молодаго офицера; теперь въ душѣ моей благословляю отличнаго начальника, предводящаго войска во славу Государя и отечества.* Непріятель предоставитъ вамъ и другіе подобные случаи!

„Благодарю ваше сіятельство за милостивый отзывъ о Клавдіѣ Ермоловѣ. Поздравлю его, если заслужитъ ваше вниманіе. Съ высокимъ уваженіемъ и душевною преданностью вашъ А. Ермоловъ“.

Въ тоже время князь Барятинскій велъ весьма оживленную переписку съ военнымъ министромъ княземъ Долгоруковымъ. Письма послѣдняго не лишены интереса не только по отношенію къ князю Александру Ивановичу, но и къ эпохѣ Крымской войны, и потому помѣщаю нѣкоторыя изъ нихъ въ особомъ приложеніи.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XIX.

А) Два письма адмирала Корнилова къ князю А. И. Барятинскому.

I.

Сухумъ-Кале, 20 Сентября 1853 г.

Съ особеннымъ удовольствіемъ открываю переписку съ вами, любезный князь Александръ Ивановичъ. Думали-ли мы въ Лондонѣ, что придется работать, какъ мы моряки выражаемся, въ однихъ водахъ?

Изъ оффиціальныхъ бумагъ вы знаете, что Черноморскій флотъ привезъ вамъ 16 батальоновъ и 2 батареи. Говорю привезъ, потому что флотъ въ виду, погода благопріятная, и чрезъ нѣсколько часовъ полечу на пароходѣ, чтобы вести его въ Анаклію.

Надѣюсь, что князь Михаилъ Семеновичъ не будетъ недоволенъ этимъ измѣненіемъ программы, намъ данной. Анаклія избавитъ войска отъ пяти трудныхъ маршей и приблизитъ ихъ къ мѣсту дѣйствій. Лошадей и нѣкоторыя тяжести и продовольствіе выгрузимъ въ Сухумѣ. Опасно посылать транспорты, приходящіе по одиночкѣ, дѣлать выгрузку на открытомъ и даже среди лѣта опасномъ рейдѣ.

Адъютантъ мой Желѣзновъ, податель сего письма, можетъ дать вамъ самыя подробныя свѣдѣнія о томъ, что̀ дѣлается у насъ. Прошу взять его подъ свое покровительство: онъ достойный и свѣдущій офицеръ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю кого-нибудь отъ васъ позначительнѣе подполковника Кузьмина, который однако очень проворный и распорядительный офицеръ.

Желательно бы было, чтобъ дивизія не оставалась съ однимъ настоящимъ дивизіоннымъ начальникомъ *). Онъ добрый человѣкъ, усердный слуга, крайне точный въ своихъ дѣйствіяхъ, но вовсе не военный, и страшно его пустить одного даже въ теперешнихъ обстоятельствахъ (это разумѣется между нами).

Въ дивизіи есть бригадный командиръ г.-м. Ковалевскій, старый Кавказецъ, и на этого, кажется, положиться можно.

Желаю успѣха и встрѣтиться въ Стамбулѣ. Преданный В. Корниловъ.

Не забудьте насъ разрѣшить на счетъ продовольствія. Намъ нужно знать, какое именно, если надобно, чтобы немедленно привезть. Кузьминъ говоритъ, что никакого ненужно.

2.

Севастополь, 30 Сентября 1853 года.

Весьма радъ, что погода поблагопріятствовала флоту доказать, что онъ на что-нибудь пригоденъ. О батарейныхъ батареяхъ я передалъ князю Меншикову, и онъ уже писалъ Государю и князю Михаилу Семеновичу; между тѣмъ готовимъ средства перевоза. Назначеніе двухъ легкихъ послѣдовало изъ Бреста; послѣдній транспортъ втораго и послѣдняго рейса, кромѣ батарейныхъ батарей, сегодня выходитъ изъ Севастополя. Онъ нагруженъ огнестрѣльными снарядами по требованію вашему, любезный князь, и кромѣ того князь Меншиковъ прибавилъ еще капсюлей, такъ какъ ружья 13-й дивизіи имѣютъ капсюльные курки. Транспортъ этотъ для скорости буксируется пароходомъ и передастся начальству береговой линіи.

Новости изъ Константинополя самыя воинственныя; князь Меншиковъ сообщаетъ ихъ князю Михаилу Семеновичу, слѣдовательно вы всѣ будете знать. Если это все не ухищренія Редклифа, Кошута, Мадзини и К°, да Европейскихъ газетъ, то—да благословитъ насъ Богъ!

Серебряковъ жалуется, что мы мало даемъ крейсеровъ; вѣроятно это отъ него было писано къ князю Михаилу Семеновичу; но Черноморскій флотъ болѣе выслать не въ силахъ: вѣдь суда требуютъ отдыха, подновленія, а то будутъ неисправны; да и сплошное крейсерство, особенно въ зимнее время, можетъ отозваться на здоровьи команды. Мнѣ кажется, надлежало бы большія суда держать противъ Редутъ-Кале, а мелочь по линіи, и чаще посылать Кавказскіе пароходы, которые противъ контрабанды дѣйствительнѣе парусныхъ крейсеровъ.

P. S. Братъ вашъ Викторъ явился изъ Одессы, гдѣ лѣчился. Кажется, ему лучше; но я боюсь его употреблять на службу. Считаю это лишеніемъ для службы.

*) Ген. Обручевымъ. А. З.

Б) Два письма князя Меншикова къ князю А. И. Барятинскому.

1.

Николаевъ, 10 Сентября 1853 года.

Письмо это доставитъ вамъ капитанъ Краббе, котораго, можетъ быть, вы знаете по прежнимъ береговымъ экспедиціямъ. Я посылаю его въ Тифлисъ для передачи вамъ подробностей погрузки 13-й дивизіи. Много затрудненій причиняетъ перевозъ тяжестей и лошадей, количество которыхъ превосходитъ все, что̀ перевозилось въ экспедиціяхъ Наполеона, Аберкромби и Алжирской.

Что̀ касается собственно до войскъ, мы могли бы вамъ привезти ихъ въ двойномъ количествѣ, только безъ тяжестей. Эти затрудненія соединены съ необходимостью перевезти изъ Одессы въ Севастополь одну бригаду и двѣ батареи, для замѣны дивизіи, которую вы у насъ берете.

Въ Константинополѣ фанатики проповѣдуютъ сопротивляться намъ, представляютъ султану возмутительные адресы, а Омеръ-паша съ своей стороны ищетъ вызвать стычку на Дунаѣ, чтобы довести до непріязненныхъ дѣйствій. Я очень расположенъ думать, что годъ не закончится безъ открытой войны. Пришлите мнѣ черезъ Краббе одинъ экземпляръ вашей большой карты Грузіи въ трехверстномъ масштабѣ и, если возможно, еще карту, гдѣ показана граница владѣній Турокъ отъ Батума до Персидской границы.

2.

Севастополь, 27 Сентября 1853 года.

Капитанъ Краббе доставилъ мнѣ ваше письмо и карты, за что̀ я вамъ весьма благодаренъ. Въ настоящее время я занятъ всѣми подробностями громадной нагрузки; второе отдѣленіе отправки 13-й дивизіи, въ которое входятъ 487 лошадей съ значительнымъ обозомъ, находится еще въ Севастополѣ. Суда, которыя должны ихъ забрать, приходятъ послѣдовательно изъ Редуткале. Какъ только послѣдній транспортъ будетъ внѣ порта, я покину Севастополь, чтобы отправиться въ Николаевъ, въ надеждѣ отдохнуть черезъ нѣкоторое время въ Москвѣ и болѣе не возвращаться къ берегамъ Понта Евксинскаго.

В) Письмо П. Е. Коцебу къ князю А. И. Барятинскому.

(Переводъ съ Французскаго).

Бухарестъ, 9 Декабря 1853 года.

Пишу вамъ подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ извѣстій о вашихъ побѣдахъ и въ особенности побѣды князя Бебутова 19 Ноября, о которыхъ мы только что получили извѣстіе. Наша армія шлетъ вамъ единодушный привѣтъ. Ура храбрымъ Кавказцамъ!

Но изъ всѣхъ сердецъ, бьющихся здѣсь за васъ, мое, разумѣется, наиболѣе горячее, и вы повѣрите, что давно уже я не испытывалъ чувства

радости въ такой живой степени, какъ при чтеніи рапортовъ Андроникова и Бебутова. Также лучше, чѣмъ кто-либо здѣсь, я понимаю важность вашихъ побѣдъ въ Азіи, разсматривая ихъ съ трехъ сторонъ: по отношенію Европы, Персіи и вашихъ горъ. Я знаю, что звуки этихъ побѣдъ, дѣйствуя на общее дѣло примиренія, заставятъ Персію оставить свое непостоянство, охладятъ ярость Шамиля и Магометъ-Эмина. Съ другой стороны я надѣюсь, что счастливыя вѣсти, которыя не перестаютъ приходить въ Тифлисъ, произведутъ благопріятное впечатлѣніе на здоровье князя Воронцова и помогутъ ему оправиться отъ болѣзни. Однимъ словомъ, эти счастливыя событія—благодать съ неба во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ числѣ раненыхъ я съ грустью увидалъ князя Илико Орбеліана; но я надѣюсь, что пули не тронули серьезно костей. Напишите мнѣ нѣсколько словъ по этому поводу, а также и о другихъ убитыхъ и раненыхъ товарищахъ. Я былъ очень тронутъ тѣмъ, какъ вы приняли мой портретъ. Я предложилъ его вамъ, какъ человѣку, котораго я люблю отъ всего сердца и уважаю и въ которомъ я умѣю цѣнить дружескую память, доказываемую вами мнѣ при каждомъ случаѣ. Я очень польщенъ желаніемъ князя и княгини Воронцовой имѣть мою литографію и не премину имъ предложить ее.

Изъ того журнала, который мы вамъ посылаемъ, вы въ состояніи судить о нашихъ здѣсь дѣлахъ. Въ ожиданіи пріѣзда главы третьяго корпуса, мы оставляемъ Турокъ въ Калафатѣ, но примемъ мѣры ихъ оттуда выгнать, или по меньшей мѣрѣ ихъ окружить настолько близко, что они не въ состояніи будутъ двинуться. Къ несчастью, зима, грязь, Дунай и въ особенности полное отсутствіе фуража въ Болгаріи не позволяютъ намъ переправиться въ настоящее время черезъ рѣку. Мы приготовляемся къ веснѣ.

Депеша барона Мейендорфа, копію съ которой князь Горчаковъ посылаетъ князю Воронцову, очень интересна. Извѣстія изъ Константинополя были ранѣе вашихъ побѣдъ. Онѣ смягчатъ этихъ господъ; но, не смотря на то, я не вѣрю въ принятіе предложеній мира. Напротивъ, морская побѣда можетъ быть произведетъ противуположное впечатлѣніе, вынудивъ Англичанъ и Французовъ послать свой флотъ въ Черное море, что по всей вѣроятности будетъ равносильно объявленію войны. Поживемъ—увидимъ.

Г. Два письма военнаго министра князя В. А. Долгорукова къ князю А. И. Барятинскому.

(Переводъ съ Французскаго).

1.

Петербургъ, 29-го Ноября 1853 г.

Вы написали мнѣ письмо отъ 13-го сего мѣсяца съ цѣлью представить необходимость дать вамъ подкрѣпленіе войсками. Я повергнулъ ваше письмо на усмотрѣніе Его Величества. Государь прочелъ его съ большимъ интересомъ и ничего не желалъ бы лучше, какъ отправить къ вамъ цѣлые корпуса; но гдѣ ихъ взять? Все, чѣмъ мы могли располагать, было посвящено Кавказу, а именно 13-я дивизія, два драгунскихъ полка и казачья

батарея. Въ настоящую минуту положительно ничего больше дать невозможно; но, кто знаетъ, можетъ быть, обстоятельства измѣнятся, и тогда Государь постарается найти возможность послать вамъ еще нѣкоторую помощь, но отнюдь на нее не разсчитывайте. Дѣйствуйте съ тѣмъ, что у васъ есть и что къ вамъ прибываетъ; ваша сила уже съ этимъ однимъ громадна. Андрониковъ и Брунеръ (но не Бебутовъ и Орбеліанъ, пусть это остается между нами) доказали, на что можно быть способнымъ, даже съ горстью храбрецовъ. Пусть слѣдуютъ ихъ примѣру, и все пойдетъ хорошо. Вотъ что вы найдете въ сегодняшнихъ моихъ оффиціальныхъ бумагахъ къ князю Воронцову. Постарайтесь убѣдить себя, что войскъ у васъ достаточно, и что Турки, какъ только вы имъ твердо рѣшитесь показать свои зубы, удерутъ отъ васъ.

Сегодня у насъ былъ благодарственный молебенъ за побѣду, одержанную княземъ Андрониковымъ и за блестящее дѣло Нахимова въ Черномъ морѣ. Эскадра, состоящая изъ 7 фрегатовъ, 1 шкуны, 2 пароходовъ и нѣсколькихъ пакетботовъ, уничтожена совершенно. Это что-нибудь да составляетъ! У васъ должно быть много заботъ, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ князь боленъ; у васъ нѣтъ ни помощниковъ, ни начальниковъ для нѣкоторыхъ командованій крупной важности. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю узнать, кѣмъ будетъ замѣщенъ Завадовскій. Государь ожидаетъ объ этомъ представленія отъ васъ, то есть со стороны князя Воронцова.

2.

Петербургъ, 14-го Декабря 1853 г.

Извѣстія о результатахъ блестящей побѣды, одержанной княземъ Бебутовымъ, утверждаютъ между прочимъ, что Курды, бывшіе на сторонѣ Турокъ, видя ихъ стремительное бѣгство, начали ихъ же грабить. Это обстоятельство, кажется, поясняетъ, что Порта не можетъ разсчитывать на преданность Курдовъ, и что эти горцы, становясь подъ знамена Оттоманской арміи, руководились единственною надеждою на безнаказанные грабежи на нашей границѣ. Князь Воронцовъ предвидѣлъ эти наклонности Курдовъ, когда вносилъ въ военный бюджетъ сумму, спеціально назначенную для того, чтобы поднять Курдовъ противъ Порты. Кажется, минута настала осуществить этотъ проектъ. Наши успѣхи на Азіатской границѣ разсѣяли тотъ эфемерный престижъ, которымъ Турецкая армія пользовалась, благодаря лишь своему дерзкому почину. Возможно, что Курды, образумившись, будутъ склонны воспользоваться прекраснымъ случаемъ избавиться отъ цѣпей зависимости, связывающихъ ихъ еще съ нашими врагами. Даже не достигнувъ вполнѣ этого, всегда будетъ очевидная для насъ выгода лишить Турокъ части этой вспомогательной кавалеріи. Я могу ошибаться въ моихъ соображеніяхъ и долженъ былъ бы сообщить ихъ князю Воронцову; но я прошу васъ передать ему все это въ томъ случаѣ, если вы найдете нужнымъ сдѣлать что-нибудь по этому обстоятельству. Буду вамъ очень обязанъ, если вы мнѣ сообщите на этотъ счетъ ваше мнѣніе.

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ВЪ ГОРОДѢ КАСИМОВѢ ВЪ 1837 ГОДУ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ прошлаго 1887 г. миновало пятьдесятъ лѣтъ со времени проѣзда черезъ Касимовъ покойнаго императора Александра Николаевича, бывшаго тогда Наслѣдникомъ Престола. Событія подобнаго рода хотя и рѣдко бываютъ въ провинціальной глуши (изъ всѣхъ государей дома Романовыхъ кромѣ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, въ Касимовѣ былъ только Петръ Великій, во время Персидскаго похода; о пребываніи его также сохранились нѣкоторыя преданія), но воспоминаніе о нихъ надолго остается. Однако время проходитъ, и многое забывается. По этому нелишнимъ будетъ собрать, что̀ сохраняется донынѣ въ памяти мѣстныхъ старожиловъ объ этомъ путешествіи.

—

По первоначальному росписанію, проѣздъ Государя Наслѣдника предполагался черезъ Касимовъ на 16-е Августа, и въ городѣ предназначался ночлегъ. Посему и приготовлено было помѣщеніе въ домѣ купца Баркова на Большой или Соборной улицѣ [1]). Но дня за два получены были депеши, ускорившія путешествіе, и пріѣздъ въ Касимовъ состоялся днемъ раньше, а именно Наслѣдникъ подъѣзжалъ къ Касимову раннимъ утромъ 15-го Августа. Наканунѣ и все утро шелъ сильный дождь. Муромская дорога, по которой приближались путешественники, вообще песчаная, такъ что сдѣлали ее только удобнѣе для проѣзда. Но при въѣздѣ въ Касимовъ тянется Ямская слобода, на протяженіи которой въ трехъ мѣстахъ весьма топкія мѣста; они были наскоро завалены хворостомъ и землею, и даже, какъ говорятъ, кочками срѣзанными съ выгона. Дорога не успѣла осѣсть. Сильные дожди сдѣлали то, что экипажи врѣзались въ одну изъ насыпей на топкомъ мѣстѣ, завязли, и прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ были вытащены народомъ.

Вообще первое впечатлѣніе Касимова не могло быть особенно благопріятно. Ямская слобода, и теперь весьма не богатая часть города, тогда положительно походила на грязную деревню. Да и самая большая улица не представляла въ то время того что̀ теперь, когда она вся застроена

---

[1]) Домъ этотъ, одинъ изъ лучшихъ въ городѣ, теперь принадлежитъ почетному гражданину С. Л. Салазкину. Онъ двухэтажный, каменный съ круглымъ бельведеромъ и балконами, нынѣ значительно увеличенъ пристройками въ обѣ стороны.

двухъ и трехъэтажными каменными домами. Не было тогда ни новаго собора, ни зданія присутственныхъ мѣстъ, ни дома Городской Думы (нынѣ уступленнаго подъ женскую гимназію) и проч. Около небольшаго стариннаго собора тѣснились деревянныя лавочки; грязная площадь, и посреди нея старое полуразвалившееся зданіе воеводской канцеляріи. Все это не могло никому понравиться, и путешественники проѣхали мимо заготовленной для нихъ квартиры, зайдя лишь на нѣсколько минутъ въ соборъ, гдѣ отслушали краткое молебствіе. Совершенно другую картину представляетъ Касимовъ, когда переѣхать Оку, съ луговаго ея берега. Рѣка въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ изгибъ въ видѣ подковы, и весь городъ представляется какимъ-то амфитеатромъ, съ одного бока упираясь въ столѣтнюю сосновую рощу. На правой рукѣ высятся старинныя весьма красивыя церкви, Троицкая, Пятницкая, Монастырская, Успенская, Егорьевская и Ильинская. Особенно замѣчательны по архитектурѣ Троицкая и Егорьевская [2]). Всѣ онѣ существовали и въ то время. Стояла также и Татарская мечеть съ минарстомъ, построенная еще въ XV столѣтіи. Затѣмъ домà на набережной—лучшіе въ городѣ, и тутъ же огромный вязъ, помнящій вѣроятно путешествіе Олеарія, который въ своихъ запискахъ довольно подробно говоритъ о Касимовѣ. (Къ запискамъ этимъ приложенъ и видъ Касимова, на которомъ весь берегъ рѣки Оки показанъ заросшимъ деревьями).

Отслушавъ молебенъ въ соборѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ спустился къ Окѣ, гдѣ подъ экипажи были поданы большіе паромы, которые ходили черезъ Оку на канатахъ; для самого же Наслѣдника и сопровождавшихъ его лицъ приготовленъ катеръ, и на немъ гребцами молодые люди изъ лучшихъ фамилій, нѣкоторые изъ нихъ и понынѣ здравствуютъ (Н. В. Барковъ, И. М. Вереинъ и др.). На катерѣ путешественники переѣхали Оку, въ этомъ мѣстѣ весьма широкую (до 180 саж.), и съ луговаго берега любовались городомъ, который изъ-за рѣки дѣйствительно очень красивъ. Государь Наслѣдникъ вслухъ сказалъ: „съ того конца Касимовъ похожъ на деревню—отсюда на губернскій городъ".

Народъ окружалъ Наслѣдника при проѣздѣ его черезъ городъ; толпы его перебрались на лодкахъ и за рѣку и тутъ окружали его плотною стѣной. Съѣхались окрестные помѣщики съ семействами. Въ ожиданіи переправы экипажей, Наслѣднику представленъ былъ извѣстный знатокъ мѣстныхъ древностей, Касимовскій купецъ Иванъ Сергѣевичъ Гагинъ, который поднесъ свое описаніе Касимова и его древностей, планы и рисунки проектируемаго имъ грандіознаго храма. Нѣкоторые его рисунки переданы

---

[2]) У Егорьевской церкви похороненъ извѣстный Балакиревъ. Нося при Петрѣ Великомъ шутовское названіе хана Касимовскаго, при Екатеринѣ I-й онъ успѣлъ получить нѣкоторыя имѣнія этого хана: Старый Посадъ, с. Семицы, Члапову Гору, Вешки и проч. По смерти его имѣнія эти были отписаны въ казну, а при Елисаветѣ Петровнѣ пожалованы Симонову за содѣйствіе его въ извѣстную Ноябрскую ночь. Самъ Симоновъ пожалованъ былъ оберъ-цалмейстеромъ. Отъ Симонова имѣнія перешли частью гг. Пряженцовымъ, частью сенатору Толмачеву, которымъ проданы г. Мансурову.

были въ Рязанскій статистическій комитетъ и нынѣ хранятся въ витринахъ Рязанской ученой архивной коммиссіи. За это поднесеніе Гагину впослѣдствіи присланъ перстень изъ кабинета Его Величества.

Переѣхавъ Оку, путешественники направились далѣе по Рязанскому тракту. Первая станція была въ с. Токаревѣ, имѣніи бывшаго тогда Касимовскаго предводителя Николая Ефимовича Клевезаля *). Здѣсь приготовленъ былъ чай, и послѣ непродолжительнаго отдыха путешествіе продолжалось далѣе по направленію къ Рязани.

Проѣздъ старшаго сына царскаго, будущаго Императора, произвелъ на мѣстныхъ жителей чрезвычайное впечатлѣніе; восхищались его красотою, привѣтливостью; многіе обращались къ нему съ прошеніями; все связанное съ этимъ путешествіемъ сохранялось самымъ тщательнымъ образомъ. Катеръ, на которомъ переѣзжалъ Наслѣдникъ черезъ рѣку Оку, тщательно хранится и до сихъ поръ въ особо выстроенномъ для него павильонѣ, каменномъ, крытомъ желѣзомъ, довольно изящной архитектуры. Павильонъ этотъ построенъ на берегу рѣки, при самомъ въѣздѣ въ городъ. На катерѣ этомъ сдѣлана надпись рукою Жуковскаго: „15-го Августа 1837 года, на этомъ катерѣ переправлялся Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ". „Жуковскій". Надпись эта тщательно охраняется, прикрытая стекломъ въ рамкѣ, на внутренней стѣнкѣ катера. Чашка, изъ которой пилъ чай Наслѣдникъ въ с. Токаревѣ, долго стояла на мраморной тумбѣ въ гостинной Н. Е. Клевезаля, подъ стекляннымъ колпакомъ, служила воспоминаніемъ дорогаго посѣщенія и показывалась всѣмъ пріѣзжающимъ.

Чтобы ознакомить Государя Наслѣдника съ производительными силами Рязанской губерніи, къ пріѣзду его приготовлена была выставка естественныхъ и мануфактурныхъ произведеній. Составленъ былъ и указатель этой выставки, по которому можно судить отчасти что̀ было сдѣлано. Очевидно

---

*) Н. Е. Клевезаль—личность весьма замѣчательная. Отставной полковникъ Изюмскихъ гусаръ, участникъ Кульмскаго сраженія, украшенный Кульмскимъ крестомъ, былъ Касимовскимъ предводителемъ съ 1830 по 1851 годъ, т.-е. сряду семь трехлѣтій. Женатъ онъ былъ на Варварѣ Владимировнѣ Чихачевой, отецъ которой В. А. Чихачевъ былъ также предводителемъ дворянства въ 1809—1811 годахъ. Родъ Чихачевыхъ весьма извѣстенъ въ старину въ нашей мѣстности; нынѣ онъ угасъ. Представитель его П. А. Чихачевъ былъ первымъ предводителемъ дворянства въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда учреждены были эти должности. Изъ Клевезалей никто въ Касимовскомъ уѣздѣ нынѣ не живетъ. Дѣти покойнаго Н. Е. Клевезаля участвовали въ Севастопольской кампаніи, были ранены и за отличіе переведены въ гвардію. Одинъ изъ нихъ, командиръ Орловскаго полка, и въ послѣднюю кампанію несъ боевую службу и былъ взятъ въ плѣнъ подъ Еленой. Имѣнія ихъ также распроданы въ разныя руки, по частямъ, купцамъ Анурину, Баранаевымъ, Харламову. Старинный каменный домъ съ флигелями въ с. Токаревѣ разобранъ по кирпичику, паркъ вырубленъ и распаханъ. Обычная картина помѣщичьяго землевладѣнія въ нашей мѣстности. А. М.

Могъ ли проѣзжавшій эти мѣста Цесаревичъ думать, что они очутятся, въ его же царствованіе, вслѣдствіе великодушныхъ, но недостаточно согласованныхъ преобразованій, въ такомъ разореніи! П. Б.

и выставка, и указатель составлялись поспѣшно: въ указателѣ всего девять страницъ; но прибавлено дополненіе къ каталогу вещамъ и издѣліямъ, доставленнымъ на Рязанскую губернскую выставку съ 1-го Іюля по 1-е Августа 1837 года; дополненіе это на седьмой страницѣ. На выставкѣ появилось все, что можно было успѣть собрать по краткости времени; доставлены были естественныя произведенія растительнаго царства, образцы ржи, овса, ячменя, вики, клевера, Тимоѳеевки и проч. изъ имѣнія г. Титова, Спасскаго уѣзда; образцы хмѣля изъ Егорьевскаго уѣзда помѣщика Аѳанасьева. Затѣмъ земледѣльческія орудія, плугъ Дабмаля, Американскій плугъ отъ г. Бибикова; орало, борона, катокъ и скоропашка отъ г. Титова, и кромѣ того цѣлая коллекція моделей: соломорѣзка, терка для картофеля, молотилка, вѣялка и проч., также отъ г. Бибикова. Издѣлья промышленности мануфактурной и заводской представлены были на выставкѣ значительно полнѣе. Стеклянное производство, и нынѣ господствующее въ сѣверныхъ лѣсныхъ уѣздахъ, имѣло представителемъ своимъ заводы Мальцова и Корсакова. Игольные заводы Полторацкаго (нынѣ Губонина), литье чугунное разнаго рода заводовъ Баташева, Бѣгичева и Мосолова. Сукна разнаго рода фабрикъ князя Салтыкова, Équal Кознова, купца Малашкина, дѣйств. ст. совѣтн. Муромцевой, тайнаго совѣтн. Шредеръ. Полотна большею частью домашняго производства, въ томъ числѣ изъ имѣнія г. Луниной, изъ талекъ имѣющихъ вѣсу отъ 6—12 золотниковъ, слѣдовательно замѣчательно высокой доброты. Затѣмъ цѣлый отдѣлъ выставки занимало кожевенное производство, большею частью Касимовскихъ заводчиковъ: Милованова, Верепна, Бараваева, Хамзы-Салахова, Пустовалова, Умнова и друг., большая часть которыхъ и понынѣ существуетъ, и промышленность эта составляетъ прочное основаніе благосостоянію города. Другая отрасль промышленности Касимова - желѣзное дѣло—имѣла на выставкѣ тоже своихъ представителей, но не въ видѣ громадныхъ произведеній заводовъ гг. Баташевыхъ, донынѣ существующихъ, а въ видѣ мелкихъ издѣлій, напримѣръ вѣсовъ, работы купца Муратова, топоровъ купца Грошева и т. под.

Но выставка произведеній Рязанской губерніи была бы не полна, если бы не представляла собою нѣкоторыхъ оттѣнковъ крѣпостнаго строя экономической жизни края, когда руководствовались не мѣстными потребностями и условіями, а иногда фантазіею и прихотью помѣщика. Такъ напримѣръ на выставкѣ были часы башенные, работы кузнецовъ г. Лунина, или фортепьяно въ 400 рубл. дворöваго человѣка подполковника Рахманова (Рязанскаго уѣзда, с. Ходынина). Очевидно, что ни башенные часы, ни фортепьяно не были предметомъ особой производительности Рязанской губерніи; устройство ихъ и появленіе на выставкѣ было явленіемъ совершенно случайнымъ.

А. Мансуровъ.

Касимовъ,
20-го Мая 1888 года.

ПИСЬМА М. Н. КАТКОВА КЪ А. Н. ПОПОВУ [1]).

1843—1857.

А. Н. Поповъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей недавно-прошедшаго времени, замѣтный дѣятель по Русскому законовѣдѣнію, законодательству и исторіи, пріятель и товарищъ М. Н. Каткова по Московскому университету и по слушанію Берлинскихъ профессоровъ, разошелся съ нимъ и прекратилъ сношенія въ 1857 году въ виду увлеченій Каткова Англійскою конституціей и послѣ помѣщенія въ „Русскомъ Вѣстникѣ" статей съ оскорбительными намеками противъ людей, которые нѣкогда обоимъ были дороги и которымъ А. Н. Поповъ оставался вѣренъ до конца. Прошли года, и впослѣдствіи у Каткова все живое и плодотворное оказалось почти тождественнымъ съ ученіемъ Хомякова и его друзей, и лишь благодаря умному возврату къ этимъ лучшимъ завѣтамъ своего студенчества, когда онъ проводилъ цѣлые дни въ домѣ Аксаковыхъ, посчастливилось ему обѣлить себя въ общемъ мнѣніи, заслужить ненависть враговъ Россіи и умереть, „осѣненному хоругвью горести народной". П. Б.

1.

Дайте мнѣ знать, любезный Александръ Николаевичъ, можно ли сегодня вечеромъ произвести чтеніе моей тетради. Я могъ бы пріѣхать къ Хомякову въ 8-мъ часу. Сверхъ того я буду просить васъ сообщить о томъ Буслаеву. Было бы очень хорошо, если бы Петръ Васильевичъ Кирѣевскій былъ въ числѣ слушателей. Если не будетъ мнѣ отвѣта, я буду полагать, что можно, и пріѣду; если же почему бы то ни было нельзя, то дайте знать. Мих. Катковъ.

Адресъ: На Собачьей площадкѣ въ домѣ Хомякова [2]).

2.

(Писано за границу).

Москва, 20-го Февраля 1843.

Ну какъ вы поживаете, любезный Поповъ, и если еще не совсѣмъ забыли меня, то чѣмъ объясняете мое долгое молчаніе? Я же передъ вами кругло-виноватъ; впрочемъ, кажется, равно виноватъ что́ передъ вами, то

---

[1]) Сообщены наслѣдникомъ А. Н. Попова, Н. Ѳ. Эверлингомъ.

[2]) На этой запискѣ нѣтъ числа. П. Б.

предъ Ефремовымъ [3]) и Елагинымъ [4]): всѣ трое вы равно обязали меня и извѣдали мою неаккуратность, которая, повѣрьте, не есть же однако мое всегдашнее свойство. Несмотря на всѣ мои старанія, я никакъ не могъ сбить въ это время столько денегъ, чтобы уплатить всѣ долги, которые я сдѣлалъ въ Берлинѣ. Шуба еще не продана, но продается; я не хотѣлъ однакоже болѣе медлить письмами, чтобы вы не оставались въ неизвѣстности. Я прошу Ефремова принять всѣ мѣры, чтобы это дѣло не могло васъ нисколько безпокоить; если вы скоро ѣдете, то пусть онъ приметъ все поручительство на себя. Всего на всего протянется это проклятое дѣло, можетъ быть, еще мѣсяцъ. Бога ради не тревожьтесь: будьте увѣрены, что вся неаккуратность моя ограничится только неустойкою во времени, что вмѣсто назначеннаго срока уплата придетъ нѣсколькими недѣлями позднѣе. Что̀ же касается до денегъ, которыя я занялъ у васъ недавно (50 талеровъ, изъ которыхъ 6 талеровъ, заплачены мною въ Берлинѣ, стало быть 44 талера), то мнѣ такъ совѣстно, что я даже извиняться не имѣю духа. Вотъ 60 талеровъ, которые я успѣлъ добыть и которые тутъ же посылаю. Я назначилъ ихъ Елагину; но если онъ согласится, если ему деньги теперь менѣе нужны, чѣмъ вамъ, то вычтите вы изъ нихъ свое, а къ остальнымъ 16 талерамъ я дошлю Елагину (чрезъ Ефремова, который возьмется переслать деньги, если Елагина или васъ не будетъ уже въ Берлинѣ) 66 талеровъ. Сдѣлайте милость, устройте все это, какъ для васъ удобнѣе.

Мнѣ бы хотѣлось однако, любезный Поповъ, чтобы корреспонденція наша поддержалась и послѣ всѣхъ этихъ сдѣлокъ. Мы, кажется, съ вами довольно сошлись, и мнѣ было бы очень интересно получить иногда объ васъ извѣстія и побесѣдовать съ вами.

Все это время былъ я въ расположеніи духа самомъ эксцентрическомъ; бѣготня, хлопоты о мѣстѣ, о деньгахъ занимали меня всего и не давали ни минуты времени собраться. Вотъ результаты: въ Петербургѣ обѣщано мнѣ мѣсто при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, сначала въ качествѣ помощника столоначальника, а тамъ въ концѣ лѣта и въ желанномъ качествѣ чиновника по особымъ порученіямъ. Хорошо еще, что служба здѣсь имѣетъ отчасти теоретическій характеръ и не занимается текущими дѣлами: она состоитъ въ редакціи проектовъ объ улучшеніи городоваго благоустройства (временное отдѣленіе при хозяйственномъ департаментѣ, учрежденное недавно теперешнимъ министромъ); для полученія вѣрныхъ свѣдѣній о настоящемъ состояніи городовъ назначаются ревизіи въ каждую изъ губерній, особенно характеристическихъ. Такимъ-то ревизоромъ надѣюсь быть и я. А между тѣмъ, числясь при министерствѣ въ качествѣ помощника столоначальника и не имѣя большихъ дѣлъ, я буду

---

[3]) Александромъ Павловичемъ, впослѣдствіи профессоромъ географіи. П. Б.

[4]) Васильемъ Алексѣевичемъ, старшимъ сыномъ А. П. Елагиной, въ домѣ которой, въ свое студенчество, Катковъ также былъ принятъ, какъ и въ домѣ Аксаковыхъ. П. Б.

писать свою диссертацію. Темы я еще по сію пору окончательно не выбралъ, но думаю, что остановлюсь на свойствѣ корней и образовательныхъ частицъ Русскаго языка.

Въ Петербургѣ видѣлся я нѣсколько разъ съ Строгановымъ; онъ, казалось, принималъ во мнѣ большое участіе и не совсѣмъ охотно смотрѣлъ на мое поступленіе въ гражданскую службу. Онъ безпрестанно меня заманивалъ надеждами на университетскую дѣятельность; но вы знаете, что надежда очень хорошая вещь для покрышки, а не для основанія. Строгановъ меня увѣрялъ, что нѣкоторыхъ изъ насъ, окончившихъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, какъ напр. васъ, а также и меня, имѣютъ въ виду для новыхъ каѳедръ и для старыхъ, имѣющихъ упраздниться. Если это дѣйствительно такъ, то ничто мнѣ не помѣшаетъ послѣ перейти. Хотѣлось бы мнѣ много кое о чемъ написать вамъ; но сегодня почтовый день (только два раза въ недѣлю ходитъ изъ Москвы почта за границу), и я спѣшу, чтобъ не опоздать.

Съ интересами, которые теперь, сколько я могъ замѣтить, господствуютъ въ Петербургѣ и Москвѣ, я нахожу въ себѣ мало сочувствія. Только и слышишь, что Гоголь, да Гегель, да Гомеръ, да Жоржъ-Зандъ. Здѣсь теперь я совсѣмъ безпріютенъ, не къ кому прислониться, не съ кѣмъ быть откровеннымъ; но я, впрочемъ, небольно и горюю объ этомъ. Хорошо имѣть кружокъ единомысленный, съ одною, одинаково понимаемою цѣлью; но хорошъ также и уединенный трудъ и болѣе искренняя бесѣда съ самимъ собою. Я здѣсь молчу и только слушаю: тамъ слышишь, что Россія гніетъ; здѣсь, что Западъ околѣваетъ какъ собака на живодернѣ; тамъ, что философія цвѣтетъ теперь въ Россіи и надо бы держать ее какъ можно далѣе отъ жизни, заключить ее въ формулы, чтобы толпа не смѣла въ нее вмѣшиваться; здѣсь, что философія—морска-сука, что она есть неболѣе какъ выраженіе Нѣмецкаго филистерства. Но надъ всѣмъ царитъ въ непоколебимой высотѣ Гоголь. Впрочемъ, брошюрка Аксакова возбудила и здѣсь общій смѣхъ.

Аксаковъ съ Самаринымъ не окончили своихъ диссертацій и только говорятъ, что скоро окончатъ. Буслаевъ прилежно занимается своими археологическими и филологическими изученіями. Съ нимъ недавно случилась вотъ какая исторія. Онъ былъ у И. И. Давыдова; разговоръ коснулся книги Павскаго. „Что̀ вы о ней думаете?“ вопросилъ ученый мужъ.—У меня коечто набросано, отвѣчаетъ Буслаевъ. „Принесите мнѣ взглянуть ваши замѣтки“. Буслаевъ ихъ приноситъ, и что же? Недѣли черезъ двѣ имѣетъ удовольствіе читать ихъ четко напечатанными въ Москвитянинѣ, въ критической статьѣ, подписанной именемъ Ив. Ив. Давыдова. Валуева[5]) засталъ я нездоровымъ и мало съ нимъ говорилъ. Видѣлся съ А. И. Тургеневымъ; кутитъ себѣ напропалую.

---

[5]) Дмитрія Александровича, жившаго у Хомякова (который женатъ былъ на его родной теткѣ). П. Б.

Прощайте пока, любезный Поповъ, пишите мнѣ пожалуйста; да нельзя ли вамъ всѣмъ троимъ вмѣстѣ [6]), да поскорѣе.

3.

Любезный Александръ Николаевичъ. Странно, конечно, должно было показаться вамъ мое молчаніе; но вы, я увѣренъ, не растолковали его въ худую сторону. Давно-давно и усильно хотѣлось мнѣ перемолвиться съ вами. Вы для меня человѣкъ не *случайный*, но *потребный* (слово нехорошо, но вы поймете, что̀ я хочу сказать): видѣться съ вами, говорить съ вами для меня потребность, которая даетъ мнѣ себя чувствовать, когда бываетъ невыполнима. Новое положеніе, въ которое я сталъ, такъ меня взволновало, отъ преисподней доверху, что я все время курса былъ почти какъ угорѣлый; къ тому же плохое здоровье, частыя простуды. Но и тутъ брался я за перо, чтобы писать къ вамъ; глупая бѣлая бумага, вмѣсто оживленной, вызывающей физіономіи Попова, становилась мнѣ досадна, и тѣмъ еще досаднѣе, что въ головѣ толпилось множество, что̀ хотѣлъ бы сказать вамъ и что̀ трудно и некогда было строчить на бумагѣ.

Я сказалъ вамъ, что новое положеніе мое меня очень взволновало; такъ, прибавлю, что даже и теперь все во мнѣ, какъ въ водѣ послѣ бури: все смутно и тревожно. Дѣло застигло меня такъ внезапно, а дѣло—вы знаете какое трудное дѣло! Сколько условій я долженъ былъ имѣть въ виду: и наука, согласно съ моими собственными, внутренними требованіями, наука притомъ не имѣющая предметнаго содержанія, а потому необязательная для непривычныхъ, какими я долженъ былъ (и не ошибся) считать моихъ слушателей, наука, перешедшая столько системъ и головъ, и доселѣ столь спорная; и слушатели, которымъ нужно было многое разжевывать, многое обрѣзывать, соображаясь съ ихъ понятіемъ; и наконецъ, зловѣщія рожи, которыя, какъ филины, смотрѣли на меня изо всѣхъ угловъ профессорской. И хоть, конечно, съ ними нечего было соображаться, и на содержаніе и ходъ моихъ лекцій они не могли имѣть вліянія, но на меня,—признаюсь вамъ, грѣха таить нечего,—имѣли вліяніе при моемъ глупо-раздражительномъ и нервномъ характерѣ. Хоть я никому изъ нихъ не показывалъ ни малѣйшаго вида того, но тѣмъ паче тревожился внутри.

Отъ такого дѣла, каково мое, нельзя, безъ сомнѣнія, ожидать скорыхъ плодовъ. Къ тому же самой прочности этихъ плодовъ могла бы повредить излишняя торопливость и заботливость о минутномъ успѣхѣ. Однако я не могу пожаловаться на невнимательность: особенно въ юридическомъ факультетѣ замѣтилъ я интересъ къ дѣлу; въ аудиторію мою сходились слушатели и другихъ факультетовъ и курсовъ. Но лекціи мои, особенно первыя, перевирались въ запискахъ студентовъ такъ безбожно, что я приходилъ въ отчаяніе. Экзаменъ постарался я сдѣлать сколь можно легче, и потому онъ сошелъ довольно порядочно.

---

[6]) Т.-е. А. Н. Попову, В. А. Елагину и А. П. Ефремову. П. Б.

Но что̀ вы такъ мало пишете о себѣ, о вашемъ положеніи и дѣлахъ? Я не имѣю о васъ почти никакихъ извѣстій. Чѣмъ занимаетесь вы теперь? Готовите ли еще что-нибудь для сборника Панова? Что же касается до напечатанной статьи вашей, то поздравляю васъ съ полнымъ успѣхомъ. Вообще изъ сборника, неправда ли, вышла книга очень дѣльная? Статью Самарина читалъ я съ большимъ удовольствіемъ: написана умно, ловко и метко. Кланяйтесь ему отъ меня.

Я прочитываю теперь новыя работы Французовъ по философіи и преимущественно по исторіи философіи. Много дѣльнаго, основательнаго; они далеко опередили теперешнюю толпу Нѣмецкихъ газентромпетеровъ. Ихъ мысль гораздо шире, свѣжѣе; въ ней больше положительности; у нихъ развивается также и смыслъ для уразумѣнія высшихъ вопросовъ; а у Нѣмцевъ, кажется, онъ теряется все болѣе и болѣе въ ихъ распухшей фразѣ, въ ихъ филистерской безцѣльности.

Вы теперь ближе къ Европѣ, и до васъ скорѣе долетаютъ всякія новости оттуда; подѣлитесь же ими со мною. Что̀ слышно о Шеллингѣ? Я не имѣю о немъ почти никакихъ свѣдѣній [7]). Да не сберетесь ли вы сами побывать какъ нибудь въ Москвѣ? Пріѣзжайте, очень бы насъ обрадовали.

У насъ пока нѣтъ ничего новаго, а если что̀ случалось, то вы навѣрно извѣщались въ свое время.

Языковъ живетъ теперь на дачѣ въ Сокольникахъ; тамъ же проживаетъ и Ефремычъ. Водное леченіе очень помогаетъ Языкову: онъ видимо поправляется. Въ Москвѣ же живетъ пріѣхавшій на два дня, но, слава Богу, прожившій здѣсь два мѣсяца и каждый день сбирающійся уѣхать Петръ Васильевичъ Кирѣевскій. Пановъ уѣхалъ, но скоро будетъ. Сборникъ однако не перестаетъ печататься, и теперь окончена Санскритская драма, переведенная Коссовичемъ.

Читали ли вы рѣчь Рѣдкина, произнесенную на актѣ „О современныхъ требованіяхъ отъ юриста“. Прочтите—вотъ отличился-то!

Не сердитесь же на меня, простите великодушно мое долгое молчаніе, пишите и вѣрьте, что каждая строка отъ васъ или о васъ будетъ прочтена мною съ живѣйшимъ участіемъ.

Весь вашъ М. Катковъ.

Москва 1846 г. Іюля 23 [8]).

---

[7]) Вліяніе Шеллинга однако становится замѣтнымъ во многихъ книгахъ и журналахъ.

[8]) Въ концѣ этого письма приписка Меѳодія Никифоровича Каткова. Этотъ единственный братъ Каткова, человѣкъ очень образованный и дружный съ нимъ съ дѣтства, впослѣдствіи возненавидѣлъ жившаго съ Катковымъ П. М. Леонтьева и, какъ извѣстно, два раза покушался застрѣлить его: въ первый разъ въ Лицеѣ Цесаревича Николая на Большой Дмитровкѣ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на Университетскомъ праздникѣ 12 Января. Извѣщая о первомъ покушеніи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, Катковъ заявилъ объ умоповрежденіи брата. Несчастный повѣсился въ Московскомъ Пересыльномъ замкѣ (гдѣ протекло его дѣтство при матери, которая нѣкогда служила тамъ кастеляншею). П. Б.

4.

Любезный Александръ Николаевичъ, здравствуйте! У насъ началась и весна, и вакація. Я теперь свободенъ, но еще не рѣшился, какъ воспользоваться свободою. Мнѣ предлагаютъ съѣздить за границу полѣчиться и отдохнуть; но трудно на это рѣшиться: слишкомъ хлопотно, не по деньгамъ, да и трата времени. Но если окажется, что купанье въ морѣ мнѣ полезно, то можетъ быть скоро увидимся. Говорятъ только, что въ Ревелѣ неудобно: квартиры и сыры, и дороги, вода въ морѣ не такъ дѣйствительна. Ѣхать же въ Одессу или Крымъ было бы слишкомъ продолжительно и дорого: это почти тоже, что̀ за границу.

На этихъ дняхъ я узналъ, что въ Москву переселяется Барановскій [9]); жду его съ нетерпѣніемъ. Вамъ убыль, намъ прибыль. Что̀ же ваша „Черногорія“ медлитъ показаться на свѣтъ? Что̀ вы теперь дѣлаете? Я не имѣю о васъ почти никакого извѣстія.

Пановъ уже уѣхалъ въ страну Симбирскую; съ Хомяковымъ, вѣроятно, вы увидитесь скоро: онъ ѣдетъ съ женою за границу. Ѣдетъ за границу и Коссовичъ за Санскритскимъ языкомъ: вѣроятно, вы уже слышали, что факультетъ и графъ Строгановъ представили его на каѳедру Санскритскаго языка. Онъ въ восторгѣ: всѣ его стремленія сбываются [10]).

У меня къ вамъ просьба: снеситесь немедленно съ Петербургскими книгопродавцами касательно сочиненія покойнаго Липовскаго: „Бесѣды о Сельскомъ Хозяйствѣ“. Не рѣшится ли кто-либо изъ нихъ купить его? Въ Москвѣ никакъ не уладишь этого дѣла: мошенники притѣсняютъ, даютъ по четвертаку за экземпляръ, состоящій, какъ вамъ извѣстно, изъ двухъ томовъ. Къ этимъ двумъ томамъ можно было бы присоединить еще ненапечатанный томъ, который служитъ имъ продолженіемъ (въ немъ идетъ рѣчь о скотоводствѣ) и который совсѣмъ приготовленъ покойнымъ къ печати. Дѣло не ждетъ: постарайтесь объ этомъ справиться поскорѣе и извѣстить меня. Особенно желалось бы, чтобы какой-нибудь книгопродавецъ купилъ всѣ экземпляры о̀птомъ, разумѣется, съ большою уступкою противъ прежней цѣны.

Не имѣете ли свѣдѣній о Чижовѣ? Говорятъ, онъ въ Маѣ вернется. Языковы, кажется, уступаютъ деньги [11]).

---

[9]) Егоръ Ивановичъ, нынѣ почетный опекунъ, тогда еще не женатый. П. Б.

[10]) Поѣздка эта не состоялась почему-то. К. А. Коссовичъ поѣхалъ за границу лишь въ 1851 году на средства А. С. Хомякова, о чемъ не только не стѣснялся, но любилъ заявлять; на книгахъ купленныхъ имъ въ чужихъ краяхъ написано имъ на каждой: „благодѣяніе А. С. Хомякова“. Уже это одно—черта рѣдкая, особливо между Поляками; между тѣмъ въ газетныхъ некрологахъ приписывалось Коссовичу Польское происхожденіе. Незабвенный Каэтанъ Андреевичъ былъ вовсе не Полякъ, а Бѣлоруссъ, по вѣрѣ до 1839 г. уніатъ, и воспитывался въ Слуцкой гимназіи. П. Б.

[11]) О чемъ тутъ говорится, намъ непонятно. Языковы—братья поэта, съ которымъ былъ друженъ Ѳ. В. Чижовъ. П. Б.

Съ великимъ удовольствіемъ читалъ вашу статью о Шлёцерѣ. Написано прекрасно, отчетливо и во всѣхъ отношеніяхъ дѣльно. Желалъ бы знать, чѣмъ занимаетесь вы теперь между казеннымъ дѣломъ? Пишите ко мнѣ, пожалуйста.

Въ Москвѣ все тихо и мирно. Впрочемъ, я почти никуда не выхожу: у меня опухъ глазъ, такъ что даже и заниматься трудно.

У Ефремова было семейное торжество: его сестра вышла замужъ. Но физіономія его однако нисколько не торжественна: попрежнему ходитъ понурившись.

Соловьевъ кончилъ свой экзаменъ и защищалъ въ факультетскомъ засѣданіи свою диссертацію съ блистательнымъ успѣхомъ. Неправда ли, какой чудесный трудъ его диссертація? Какъ все въ ней зрѣло, обдуманно и живо? Прекрасно разработаны Москва, Иванъ В. Честь ему и слава!

Аксаковъ ратовалъ противъ Сюзора, который пріѣзжалъ сюда читать лекціи; возмущалъ противъ него Московскую публику и, кажется, много успѣлъ, потому что у Сюзора сбирался очень небольшой кружокъ.

Нѣтъ ли какихъ новостей у Нѣмецкихъ или Французскихъ книгопродавцевъ въ Петербургѣ? Напишите мнѣ объ нихъ. Нѣтъ ли какихъ-нибудь новыхъ изданій Шарпантье, которыя такъ дешевы? Кстати нельзя ли въ Петербургѣ достать Diogène Laërce, trad. par Zévort, éd. Charpentier? Буде можно, напишите, у кого.

Шевыревъ хочетъ этимъ лѣтомъ сдѣлать поѣздку по нѣкоторымъ губ. (какъ-то Тверской и Новгородской) для своихъ розысканій. Доброе дѣло, давно бы пора! Какъ бы хотѣлъ отправиться и я на такую поѣздку!

1 Мая 1847 г.
Москва.

5.

Москва, Іюня 7-го 1847 г.

Душевно благодарю васъ, любезный Александръ Николаевичъ, и за книгу, и за письмо. Несмотря на нравственную и физическую испорченность Ефремыча [12]), я получилъ отъ него вашу „Черногорію“ вовремя, безъ воровства и утайки. Первымъ дѣломъ моимъ было заняться ею; я прочиталъ ее и отъ души поздравляю васъ. Все существенное въ вашей книгѣ прекрасно; но, желая полной искренности въ нашихъ отношеніяхъ, я не скрою, что мнѣ не все въ ней показалось существеннымъ, и что есть нѣкоторыя вещи (хоть ихъ относительно очень немного), которыя мнѣ не совсѣмъ понравились, какъ не совсѣмъ умѣстныя. Вы знаете мой образъ мыслей касательно Славянскаго вопроса; знаете, что онъ для меня не кажется дѣломъ празднымъ; но всякое новое начало въ мірѣ появляется сначала зарею, которая не только своею теплотою мало ощутительна, но и

---

[12]) Шуточное выраженіе про А. П. Ефремова, котораго Катковъ отмѣнно любилъ и цѣнилъ. Это былъ прекраснѣйшій человѣкъ, оставившій по себѣ живую память въ друзьяхъ и знакомыхъ своихъ. Сестра его, о которой говорится выше, вышла замужъ за князя Владиміра Львовича Шаховскаго. П. Б.

свѣтомъ распространяется не вдругъ и прежде открывается немногимъ и на немногомъ. Тѣмъ бóльшая отвѣтственность на тѣхъ, которые выступаютъ на служеніе новому началу: надобно быть очень осторожну и опасаться, чтобы въ нашихъ рукахъ дѣло не показалось какъ-нибудь и въ чемъ-нибудь похожимъ на фразу. Ваша книга, кромѣ другихъ внутреннихъ своихъ достоинствъ, понравилась мнѣ и еще тономъ своимъ, умѣреннымъ и ровнымъ. Тѣмъ непріятнѣе было мнѣ встрѣчать кое-гдѣ перерывы этого тона, какъ будто нѣкоторую заносчивость. Между прочимъ, зачѣмъ вы затронули Лейбница и Бёма? Не покажется ли это какъ будто признакомъ безсилія защищаемаго вами дѣла? Отношеніе Лейбница и Бёма (особенно послѣдняго) къ Славянскому міру темно и сомнительно. Если мы будемъ выискивать у Нѣмцевъ Славянъ, то пожалуй и Нѣмцы вздумаютъ отыскивать у насъ Нѣмцевъ,—и сколько истыхъ Русскихъ, добрыхъ и вѣрныхъ орудій народа, ушло бы отъ насъ! Но такіе поиски съ цѣлью возвысить народность—совершенно безплодны: ибо народъ, какъ и всякая сила, самъ дѣйствуетъ своими органами и тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ способнѣе и самое чуждое превратить въ свое достояніе, въ свой органъ. Далѣе. Если на избранномъ нами планѣ мы по самому свойству этого плана не можемъ удовлетворительно высказать что-либо или рѣшить что-либо, то лучше вовсе не заговаривать о томъ: иначе непремѣнно пострадаетъ дѣло, будетъ несоотвѣтствіе между средствами и цѣлью, да и самое дѣло въ своей истинѣ поневолѣ скроется, а на его мѣстѣ окажется только тѣнь его, его призракъ, его образъ, можетъ быть и напоминающій его своими чертами, но не замѣняющій его дѣйствительно. Общій характеръ вашего сочиненія свидѣтельствуетъ, что и вы того же мнѣнія объ этомъ пунктѣ; но мѣстами вы какъ будто измѣняете себѣ, и иногда выходитъ нѣчто недосказанное, смутное и даже похожее на мечтанье. Нѣкоторыя дѣльныя вещи изложены вами какъ-то отрывисто: это вредитъ имъ. Я разумѣю все то, чтò вы говорите объ юридическомъ бытѣ Славянъ и Черногоріи. Тутъ много прекраснаго и блестящаго; но слишкомъ отрывисто, чтò производитъ видъ какой-то парадоксальности. Этотъ недостатокъ замѣтенъ и въ другихъ вашихъ сочиненіяхъ (всего менѣе однако въ статьѣ о Шлецерѣ, которую тоже прочиталъ я съ великимъ удовольствіемъ).

Наконецъ—маленькій совѣтъ: будьте немного порачительнѣе въ литературномъ отношеніи. Многое писанное вами не производитъ должнаго дѣйствія единственно потому, что замѣтна въ изложеніи какая-то небрежность и торопливость [13]). Сюда же относится и тьма опечатокъ, искажающихъ вашу книгу. Изъ опечатокъ особенно непріятно было мнѣ встрѣчать постоянное смѣшеніе Сербскихъ ћ и ђ въ одной Русской буквѣ *ч*, такъ что

---

[13]) Замѣчаніе, вѣрность котораго испытали издатели трудовъ А. Н. Попова: при сильномъ умѣ, большихъ знаніяхъ, добросовѣстности въ изысканіяхъ и мастерствѣ въ расположеніи мыслей, онъ плохо владѣлъ языкомъ, такъ что даже самъ просилъ поправлять его слогъ. П. Б.

у васъ выходитъ мечу вмѣсто meђу (т.-е. медю или меджю) и т. д. Это рѣшительная неправильность.

Но будетъ играть роль Аристарха. Обнимемся и поцѣлуемся; жалѣю, что могу обняться съ вами только черезъ письмо. Доктора̀ не совѣтуютъ мнѣ ѣхать въ Ревель, а вмѣсто того присудили брать теплыя ванны съ углекислымъ натромъ. Главная болѣзнь моя состоитъ въ ревматизмѣ, отъ котораго разстроились нервы. Не знаю, какъ благодарить васъ за обѣщаніе касательно Діогена Лаертія; поторопите только Исакова: теперь эта книга мнѣ очень нужна; деньги пришлю немедленно. Да напишите, что̀ есть еще у Исакова или у Нѣмцевъ замѣчательнаго по моему предмету, особенно по исторіи философіи; я бы выписалъ отъ него: въ Петербургѣ заграничныя книги гораздо дешевле. Благодарю васъ также за хлопоты касательно Линовскаго сочиненія; постарайтесь только докончить это дѣло. Всѣхъ экземпляровъ продано небольше 300 или 350; теперь на лицо 1400 экз.; въ продажѣ почти нѣтъ ничего.

P. S. Опоздалъ на почту, и письмо пролежало лишній день. Пользуюсь этимъ, чтобъ еще перемолвить съ вами нѣсколько словъ. Вчера былъ диспутъ Соловьева. Возражали Грановскій (ex officio), Бодянскій, Кавелинъ и еще кто-то. Вы, я думаю, замѣтили, читая диссертацію Соловьева, нѣсколько рѣзкій систематизмъ въ первой главѣ, гдѣ рѣчь идетъ о родовыхъ отношеніяхъ. Эта рѣзкость отчасти полезна и нужна, производя и впечатлѣвая рѣшительнѣе внутреннее начало древняго быта; но тѣмъ не менѣе этимъ изложеніемъ производится невѣрный видъ, что древній бытъ управлялся какъ бы заранѣе обдуманною и постановленною системою. Эта система еще только сама вырабатывалась жизнью и потому вездѣ вылита не въ строгихъ очеркахъ, а въ смѣшеніи съ другими ингредіентами, вслѣдствіе которыхъ фактъ слагался часто иначе, нежели какъ можно было ожидать. На это бы и слѣдовало обратить вниманіе; но Кавелинъ завязалъ споръ, не оставляя своей любимой мысли о присутствіи и развитіи подъ сѣнью родовыхъ отношеній другаго начала, именно семейнаго, которымъ разлагалась и растраивалась система первыхъ, откуда будто бы исключительно выходитъ вотчинный характеръ сѣверныхъ княженій. Оба противника вспылили, но споръ кончился не совсѣмъ удовлетворительно или, лучше сказать, былъ оставленъ безъ конца.

Что же касается до оставшихся послѣ покойнаго Линовскаго рукописей, то оказалась вполнѣ составленною 9-я часть курса; но едва ли наберется изъ рукописей мелкихъ статей для 4-го тома; развѣ напечатать въ этомъ предполагаемомъ 4-мъ томѣ прежнія его статьи и брошюры, какъ-то: 1) статьи, помѣщенныя въ Москвитянинѣ; 2) объ отмѣненіи хлѣбныхъ законовъ въ Англіи изъ Сборника [14]); 3) его диссертацію: Критическій разборъ мнѣній ученыхъ объ условіяхъ плодородія земли, которая тоже была помѣщена въ Москвитянинѣ, и еще, можетъ быть, кое-что, Но пре-

---

[14]) Т. е. изъ „Московскаго Сборника“, изданнаго В. А. Пановымъ. П. Б.

жде вы бы условились касательно напечатанныхъ частей (1400 экз.). Похлопочите пожалуйста [15]). Жду отъ васъ елико можно скорѣе письма.

М. Катковъ.

О подателѣ этой записки говорить мнѣ нечего: онъ вамъ не меньше, чѣмъ мнѣ, извѣстенъ — Преображенскій [16]). Продолжайте по прежнему любить его: онъ славный малый, съ умомъ, съ душой, съ живымъ стремленіемъ къ знанію. По обстоятельствамъ переходитъ онъ теперь въ Петербургскую академію. У насъ все по прежнему; только доходятъ отголоски о неудовольствіяхъ правительства касательно такъ называемой Славянской партіи. Вѣроятно, это слѣдствіе дѣла Шевченки, Кулѣша и проч.

Недавно прибыли сюда новые преподаватели: Кудрявцевъ (для исторіи), Леонтьевъ, Пѣховскій (для древней филологіи). Съ Кудрявцевымъ видѣлся. Вы, кажется, его знаете. Университетъ, кажется, можетъ ожидать отъ него многаго. Онъ много разсказывалъ мнѣ о Шеллингѣ, котораго слушалъ три лѣта и который произвелъ на него самое сильное, жизненное вліяніе; тоже и на Леонтьева, съ которымъ однако я еще не успѣлъ видѣться. Для меня утѣшительно, что около меня будутъ люди, съ которыми я схожусь въ этомъ пунктѣ.

Я въ продолженіе лѣта только и дѣлалъ, что лѣчился: бралъ содовыя ванны; теперь чувствую себя получше—что̀ Богъ дастъ дальше!

Да, совсѣмъ забылъ. Бѣдный Ефремычъ былъ очень огорченъ графомъ [17]), который какъ-то недавно призывалъ его къ себѣ и наговорилъ ему много колкихъ и непріятныхъ вещей, такъ что онъ, не теряя времени, долженъ былъ подать въ отставку. Сначала на него сильно подѣйствовало это, но теперь намъ удалось его утѣшить; онъ успокоился и хочетъ по прежнему остаться въ Москвѣ, а то было думалъ ѣхать. Хотя и досадно, что это сдѣлалось такъ обрывисто и бурно; но съ другой стороны я доволенъ, что онъ снялъ съ себя университетскую обязанность. Ему непремѣнно надо жениться—напишите-ка къ нему эпиталаму.

Паповъ уже женился и — все еще въ деревнѣ.

Москва, 8 Августа 1847 г.

*

Поступивъ въ Московскій университетъ въ Августѣ 1847 г., пишущій эти строки два года былъ слушателемъ Каткова. Къ сожалѣнію, читалъ онъ изрѣдка, почти постоянно хворая. Онъ приходилъ въ аудиторію худой, слабый, блѣдный, и мы боялись, что у него чахотка. Психологію на первомъ курсѣ преподавалъ онъ по системѣ Бенеке, главное положеніе которой состояло въ томъ, что человѣкъ является на свѣтъ столь же нагъ

---

15) Трогательна эта заботливость Каткова о сочиненіи покойнаго его товарища, Ярослава Липовскаго, высокодаровитаго профессора, который въ 1846 году былъ зарѣзанъ своимъ слугою. П. Б.

16) Петръ Алексѣевичъ Преображенскій, нынѣ священникъ въ Москвѣ у Ѳеодора Студита и издатель „Православнаго Обозрѣнія“. П. Б.

17) Т. е. попечителемъ Московскаго университета графомъ С. Г. Строгановымъ. П. Б.

душою, какъ и тѣломъ, и что все дальнѣйшее развитіе зависитъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній и силы въ воспріятіи ихъ. На второмъ курсѣ прочтено Катковымъ лишь нѣсколько лекцій объ исторіи философіи по Шеллингу съ его тремя началами. Разъясненіемъ служили намъ одновременныя лекціи Леонтьева о миѳологіи, которыя велись послѣдовательно и отличались необыкновенною ясностью, въ противоположность довольно смутному изложенію Каткова. Доброе вліяніе на студентовъ Катковъ производилъ не столько своими лекціями, какъ бесѣдами на дому. Мы горячо его полюбили и сокрушались сердечно, когда онъ лишился каѳедры вслѣдствіе возникшаго тогда общаго гоненія на философію и возобладавшаго убѣжденія, что можно „фельдфебеля въ Вольтеры дать". Очутившись снова въ бѣдности, Катковъ держалъ себя съ великимъ достоинствомъ и никогда, даже намеками, не питалъ въ насъ раздраженія противъ властей. Мы усердно посѣщали его въ скромномъ его помѣщеніи на Цвѣтномъ бульварѣ, гдѣ намъ случалось видать и его матушку Варвару Екимовну (урож. Тулаеву, Грузинку родомъ), достопочтенную и прекрасную въ глубокой старости женщину. Про нее разсказывали, что, при наружной своей строгости, она горячо любила сына: когда онъ возвращался домой съ уроковъ и спѣшилъ облечься въ халатъ, чтобы снова засѣсть за работу, она сама прибирала его одежду и целовала ее. (Отца своего Катковъ не помнилъ; онъ служилъ въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи и умеръ отъ удара, въ молодыхъ лѣтахъ. Отличался красотою и отмѣнно высокимъ ростомъ; происходилъ, кажется, изъ Костромскихъ личныхъ дворянъ; въ формулярѣ Каткова значилось, что онъ сынъ оберъ-офицера). По кончинѣ матери, Катковъ переѣхалъ къ братомъ въ зданіе Обсерваторіи за Трехгорной заставой, гдѣ жилъ у товарища своего по профессорству А. Н. Драшусова. Слѣдующія письма его къ А. Н. Попову относятся къ этому времени, когда ему снова пришлось добиваться насущнаго хлѣба. П. Б.

7.

Спѣшу въ двухъ строкахъ увѣдомить васъ, что, на другой день по полученіи вашего письма, я отправилъ письмо къ министру. Если вы придаете этому особенную важность, то я боюсь только, не слишкомъ ли поздно это сдѣлано. Жаль, что вы не посовѣтовали мнѣ этого нѣсколько ранѣе, потому что, какъ говорятъ, отъ здѣшняго попечителя пошло уже представленіе.

Душевно благодарю васъ за ваше участіе и за пріятельскую готовность похлопотать обо мнѣ, и признаюсь вамъ, что больше всего проку ожидаю я отъ вашихъ хлопотъ. Скажите, почему вы не совѣтуете въ Тифлисъ? Нѣтъ сомнѣнія, что для меня лучше всего остаться въ Москвѣ, и въ письмѣ къ министру я только и прошу объ этомъ; но почему не имѣть Тифлисъ про запасъ? [18])

Ноября 12 (1849)
Москва.

P. S. Строгановъ не получалъ еще отвѣта на свои письма.

---

[18]) Можетъ быть, разсказы матери манили Каткова въ родную Грузію. П. Б.

8.

Москва, 28 Октября 1850 г.

Вотъ, любезный Александръ Николаевичъ, пришла теперь пора, когда вы можете сдѣлать для меня полезное дѣло. Не знаю, получили ли вы мою записку на ваше послѣднее письмо, писанную мною на дачѣ за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Москвы. Я писалъ вамъ, что, согласно съ вашими совѣтами, буду выжидать болѣе благопріятнаго времени для своихъ исканій. Теперь, кажется, оно наступило. Послѣ того, какъ я отправилъ къ вамъ мою записку, было нѣсколько довольно важныхъ для меня случаевъ. Въ Москвѣ былъ министръ просвѣщенія, которому я былъ какъ слѣдуетъ представленъ. Онъ самъ очень хорошо видѣлъ невыгоды моего настоящаго положенія [19]) и далъ мнѣ слово, что будетъ имѣть меня постоянно въ виду, а по возвращеніи въ Петербургъ непремѣнно постарается найти мнѣ такое мѣсто, которое и удовлетворитъ, и вознаградитъ меня. Что̀ онъ имѣлъ въ виду, я не знаю, а на мой вопросъ отвѣчалъ, что онъ и самъ теперь положительно не знаетъ, какое доставитъ мнѣ мѣсто, но что я могу оставаться спокойнымъ и съ терпѣніемъ ожидать его рѣшенія. Нашъ университетъ выразилъ мнѣ свое полное сочувствіе и желалъ всячески удержать меня при себѣ. Мнѣ были сдѣланы различныя предложенія. Остановились было на томъ, чтобы представить меня въ исправляющіе должность экстраординарнаго профессора въ уваженіе прежнихъ заслугъ, а также и въ вознагражденіе за внезапный перерывъ моей дѣятельности, сопряженный для меня съ весьма важными невыгодами, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживало то, что уже мною приготовлена была докторская диссертація по исторіи философіи, и эта диссертація, еслибы не реформа, была бы защищена мною въ этотъ семестръ. Но такъ какъ каѳедры для меня теперь въ нашемъ университетѣ нѣтъ, то въ ожиданіи могущей впредъ оказаться подручной мнѣ каѳедры, положено было ходатайствовать о томъ, чтобы меня удержать въ званіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора при ученыхъ трудахъ, которые назначены для 1855 года по случаю юбилея столѣтняго существованія Московскаго университета [20]). Но безъ всякаго сомнѣнія, это представленіе, по своей необыкновенности, не имѣло бы успѣха. Да и что̀ за странное положеніе—быть профессоромъ безъ каѳедры и заниматься Богъ знаетъ какими трудами! Между тѣмъ мнѣ было сдѣлано отъ ректора Петербургскаго университета, П. А. Плетнева, предложеніе: не захочу ли я принять мѣсто адъюнкта по Русской словесности? Признаюсь вамъ откровенно, что профессорствовать во всякомъ другомъ университетѣ кромѣ Московскаго мнѣ рѣшительно не хочется, и тѣмъ болѣе когда, вмѣсто нѣкотораго вознагражденія, я подвергаюсь деградаціи. Доселѣ хоть я и

---

[19]) Т.-е. быть причислену къ Московскому университету, безъ опредѣленной должности и жалованья. П. Б.

[20]) Это была мысль С. П. Шевырева, который потомъ такъ много потрудился для исторіи Московскаго университета. П. Б.

служилъ адъюнктомъ, но мѣсто мое не было адъюнктскимъ: каѳедра принадлежала мнѣ одному, я былъ на ней хозяинъ, и отъ меня зависѣло, съ представленіемъ докторской диссертаціи, получить званіе и окладъ профессора. Благодаря Петра Александровича, я писалъ ему, что еслибы я и принялъ сдѣланное имъ предложеніе, то не иначе какъ при условіи, чтобы меня перевели исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора и обезпечили мнѣ возможность получить ординарную профессуру, т.-е. чтобы это мѣсто не было адъюнктскимъ. Не знаю, какъ приняты мои условія: отвѣтнаго письма я еще не получалъ. Но во всякомъ случаѣ, повторяю вамъ, только въ случаѣ крайней необходимости рѣшился бы я перейти въ Петербургскій университетъ: пусть, конечно, это останется между нами. Но главное дѣло, въ которомъ вы можете оказать мнѣ содѣйствіе, состоитъ въ слѣдующемъ.

Пока все мною описанное происходило, въ Москвѣ не было графа Строганова [21]), который, принимая во мнѣ постоянное участіе, могъ бы пособить мнѣ тутъ и совѣтомъ, и дѣломъ: онъ уѣзжалъ на свои заводы и воротился очень недавно. При первомъ свиданіи со мною онъ возбудилъ во мнѣ мысль искать мѣсто цензора. Прежде эта мысль вовсе и не приходила мнѣ въ голову. Я было сдѣлалъ ему на это нѣкоторыя возраженія; но онъ отвѣчалъ, что я имѣю всѣ права на это мѣсто, по крайней мѣрѣ не меньшія, нежели приватъ-доцентъ въ Кіевскомъ университетѣ по упраздненіи каѳедры философіи, Гогоцкій, которому министръ обѣщалъ тамъ это мѣсто; если же должность цензора по своему характеру не удовлетворяетъ меня, то я не буду къ ней прикованъ; что для меня лучше провизорно оставаться на такомъ мѣстѣ, нежели на другомъ, которое въ матеріальномъ отношеніи будетъ несравненно хуже, или даже оставаться вовсе безъ мѣста при однихъ надеждахъ; что для меня впослѣдствіи будетъ очень легко съ этого мѣста перейти снова въ университетъ въ случаѣ вакансіи или новой каѳедры. Онъ совѣтовалъ мнѣ объ этомъ подумать и извѣстить его о моемъ рѣшеніи. Онъ обѣщалъ мнѣ хлопотать за меня. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, едва ли это не лучшее за что я долженъ схватиться. Какъ ни расположенъ ко мнѣ министръ, но если не указать ему рѣшительно, какое мѣсто можетъ онъ мнѣ дать, не просить его объ опредѣленномъ мѣстѣ, то онъ можетъ мнѣ сдѣлать такое предложеніе, отъ котораго, можетъ быть, я долженъ буду отказаться (какъ напр. профессорствовать въ Харьковѣ, Кіевѣ или даже въ Петербургѣ съ 700 р. с. жалованья), и тогда остаться заштатнымъ и быть въ весьма непріятномъ положеніи искать мѣста не отъ мѣста. Правда, должность цензора—и это пока только между нами—не можетъ быть мнѣ по нраву; но она дала бы мнѣ до будущаго случая хорошее провизорное положеніе. Итакъ содѣйствіе графа Строганова можетъ быть, безъ сомнѣнія, для меня полезно; но я думаю, что и другими путями дѣйствовать будетъ не менѣе полезно, и этотъ путь я вижу въ васъ. Ваша пріязнь

---

[21]) Тогда уже оставившаго попечительство въ Московскомъ университетѣ. П. Б.

ко мнѣ ручается мнѣ за ваше желаніе, а ваши отношенія къ графу Блудову [22]) даютъ надежду, что это желаніе не было бы безплодно. Я не буду плодить словъ и увѣренъ, представивъ вамъ на видъ дѣло, что вы не откажетесь помочь мнѣ въ немъ. Вы лучше меня знаете, что̀ можете сдѣлать и навѣрное сдѣлаете, что̀ отъ васъ зависитъ. Во всякомъ случаѣ сдѣлайте милость—отвѣчайте мнѣ какъ можно скорѣе, хоть въ двухъ словахъ [23]).

Всею душою вамъ преданный М. Катковъ.

Мой адресъ: на Трехъ Горахъ, въ домѣ Университетской Обсерваторіи.

9.

Едва отправилъ къ вамъ, любезный Александръ Николаевичъ, одно письмо, какъ вотъ посылаю и другое о томъ же дѣлѣ. Не медлите, если можете пособить мнѣ въ немъ: дѣло кипитъ, и съ каждой минутой можно потерять надежду на успѣхъ. Я былъ у попечителя [24]). Онъ добрый человѣкъ, но дѣлаетъ все только по рекомендаціямъ. Онъ мнѣ не отказалъ, но и не обѣщалъ; намекалъ, что онъ обѣщалъ уже нѣкоторымъ важнымъ лицамъ представить къ должности цензора по ихъ ходатайству другихъ, но что онъ будетъ радъ, если министръ дастъ мнѣ это мѣсто. Въ числѣ тѣхъ, кого онъ думаетъ представить, находится нѣкто *., учитель математики въ гимназіи, зять Перевощикова, человѣкъ совершенно ничтожный, снискавшій себѣ добрую славу взяточника. Можно помириться съ неуспѣхомъ, когда успѣхъ достается достойнѣйшему въ какомъ-нибудь отношеніи; когда же предпочитается кто-нибудь въ родѣ этого моего соперника, то не только самому заинтересованному въ дѣлѣ, но и постороннему должно быть досадно. Всѣ друзья и знакомые теперь еще сильнѣе побуждаютъ меня искать этого мѣста, чтобы спасти нашу бѣдную Московскую литературу.

Я еще не знаю, какъ вы приняли мою просьбу: возьметесь ли что-нибудь сдѣлать для меня по ней? Если, какъ я надѣюсь, вы не откажетесь, то я теперь еще съ бо̀льшей энергіей возобновлю мою просьбу, потому что теперь у меня только на васъ одна надежда. Графъ Строгановъ обѣщалъ непремѣнно писать къ министру именно объ этомъ мѣстѣ (до этого онъ уже писалъ къ нему, но только вообще, не указывая никакого опредѣленнаго мѣста) вчера, т.-е. во Вторникъ, 31-го Октября; но вчера же у него умеръ зять, князь Мещерскій [25]), и навѣрно ему было не до того. По

---

[22]) А. Н. Поповъ служилъ во II-мъ отдѣленіи собственной канцеляріи, которымъ управлялъ графъ Д. Н. Блудовъ. П. Б.

[23]) Обезпеченное мѣсто было тогда крайне нужно Каткову. Въ Москвѣ жило милое, любезное, образованное семейство доктора Делоне, въ старшую дочь котораго (воспѣтую Н. В. Бергомъ и обожаемую К. А. Коссовичемъ) Катковъ влюбился и едва не сталъ ея женихомъ. (Позднѣе Елисавета Николаевна Делоне вышла за извѣстнаго психіатра Балинскаго). П. Б.

[24]) В. И. Назимова. П. Б.

[25]) Князь Александръ Васильевичъ, впослѣдствіи Московскій губернскій предводи-

этому несчастному случаю мнѣ, вѣроятно, не такъ скоро придется побывать у него; а между тѣмъ время уйдетъ, и если вы изъ пріязни ко мнѣ не приложите вашихъ стараній, то уйдетъ и мѣсто.

Ноября 1-го, 1850 г. Москва.

P. S. Прежнее письмо Строганова къ министру, полученное имъ не такъ давно, должно было произвесть на него хорошее дѣйствіе. Строгановъ мнѣ разсказывалъ его содержаніе. Теперь-то и дѣйствовать.

10.

Извѣстіе о смерти Мещерскаго оказалось ложнымъ: онъ очень боленъ и почти при смерти, однако еще не умеръ; а Строгановъ, какъ обѣщалъ, такъ и сдѣлалъ: письмо его уже теперь въ рукахъ министра, если только онъ уже воротился въ Петербургъ. Я спѣшу васъ извѣстить объ этомъ, полагая, что вы легче и успѣшнѣе можете дѣйствовать въ мою пользу, когда будете знать, что министръ уже предупрежденъ. Но я говорю: вы можете дѣйствовать, когда еще не знаю, хотите ли, рѣшитесь ли дѣйствовать. Я вамъ не даю опомниться и шлю письмо за письмомъ, а еще отъ васъ не получалъ никакого отзыва. Надѣюсь, любезный Александръ Николаевичъ, что такъ или иначе, а вы не замедлите отозваться. Между тѣмъ сообщу вамъ еще кое-что къ свѣдѣнію. Явились новые кандидаты: одинъ, вѣроятно, вамъ извѣстный Хавскій; другой Ржевскій, какъ говорятъ, братъ того Ржевскаго, что̀ былъ инспекторомъ въ Дворянскомъ Институтѣ, молодой малый, безъ всѣхъ условій, нужныхъ для этого мѣста, но по какимъ-то связямъ успѣвшій расположить въ свою пользу попечителя, который, какъ я уже прежде писалъ вамъ, существуетъ только номинально, а вмѣсто него дѣйствуютъ различныя тетушки, дядюшки и вся сволочь Московскихъ барынь. Онъ самъ жалуется на свое иго, но не смѣетъ и подумать стряхнуть его. Только разъ какъ-то онъ рѣшился отказать одной барынѣ, которая ходатайствовала за одного новопріѣхавшаго Нѣмца-музыканта, чтобы онъ сдѣлалъ его директоромъ гимназіи. Долго колебался и мучился онъ, какъ поступить ему въ этомъ случаѣ и только наконецъ, благодаря соединеннымъ усиліямъ всѣхъ благонамѣренныхъ и неблагонамѣренныхъ (потому что дѣло было уже черезъ чуръ нелѣпо), онъ рѣшился отказать. Спрашивается, что̀ я могу получить отъ него, не имѣя никакой барыни или не будучи такъ богатъ этою статьею, какъ другіе? Строгановъ съ нимъ въ разладѣ и прямо на него дѣйствовать не можетъ. Какъ ни мало я придаю себѣ значенія, однакоже, говоря откровенно, не могу не признаться, что при сколько-нибудь безпристрастной оцѣнкѣ подобные соперники не могли бы быть мнѣ страшны.

Я думаю, что мнѣ можетъ въ настоящихъ моихъ исканіяхъ повредить доброжелательство Плетнева: если онъ будетъ хлопотать о томъ,

---

тель дворянства, которому Катковъ такъ помогалъ въ его памятной Москвѣ дѣятельности. П. Б.

чтобы перевесть меня въ Петербургскій университетъ, то министръ радъ будетъ случаю отдѣлаться отъ меня этимъ предложеніемъ. Какъ вы думаете, не писать ли мнѣ къ Плетневу?

Жду съ нетерпѣніемъ вашего письма.

Москва, 3 Ноября 1850 г. [26])

11.

Если вы когда либо мнѣ доброжелательствовали, любезный Александръ Николаевичъ, то теперь можете доказать мнѣ это вполнѣ. Вы уже знаете о замышляемомъ мною дѣлѣ отъ Леонтьева. Какъ кажется, планы наши относительно „Сына Отечества" не состоялись. Его перебилъ Кукольникъ съ компаніей. Остается только Дерикеръ и „Сѣверное Обозрѣніе". Вы говорили Леонтьеву, что для исходатайствованія разрѣшенія на изданіе журнала, уже прекратившагося, какъ „Сѣверное Обозрѣніе", требуется хлопотъ не менѣе, чѣмъ для испрошенія права на изданіе новаго. Конечно, это было бы очень хорошо, и мы собрали бы черезъ это порядочную сумму денегъ. Но Дерикеръ берется хлопотать самъ, если ему будетъ дано три тысячи рублей? Онъ надѣется на какія-то отношенія. Во всякомъ случаѣ мы, хоть бы и за деньги, получили бы право на изданіе, безъ всякихъ хлопотъ съ нашей стороны, тѣмъ болѣе, что эти *хлопоты могутъ и не удасться*, а между тѣмъ мы можемъ упустить „Сѣверное Обозрѣніе". До меня дошли слухи, изъ достовѣрнаго источника, что нѣкоторые господа, какъ-то Щепкинъ, Фроловъ, Коршъ, уже вступили въ переговоры съ Дерикеромъ объ его журналѣ. Бога ради, освѣдомьтесь объ этомъ. Я увѣренъ, что вы болѣе бы желали успѣха мнѣ въ этомъ дѣлѣ, нежели помянутымъ господамъ. Я васъ уполномочиваю вести переговоры съ Дерикеромъ; предлагайте ему все, что вы сочтете нужнымъ для того, чтобы не упустить журнала. Но прежде всего я просилъ бы васъ убѣдительно повидаться за этимъ дѣломъ съ графомъ С. Г. Строгановымъ, который теперь въ Петербургѣ и принимаетъ большое участіе въ моемъ планѣ. Онъ взялся развѣдать отъ лицъ, могущихъ имѣть вліяніе на ходъ этого дѣла, чего можно ожидать и какъ лучше поступить. Поговорите съ нимъ. Если дѣйствительно

---

[26]) Въ началѣ слѣдующаго 1851 года, благодаря случайному обстоятельству (увольненію Хлопова), Катковъ назначенъ былъ отъ университета редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей, что вполнѣ его обезпечило и дало возможность вступить въ бракъ (съ княжною Софьей Петровной Шаликовой). Съ той поры зажилъ онъ на Страстномъ бульварѣ и совершенно обновилъ Московскія Вѣдомости. Это было самое свѣтлое время его дѣятельности, когда онъ былъ богатъ дружбою лучшихъ людей. Исторія съ Хлоповымъ разсказана у насъ еще при жизни Каткова (см. Р. Архивъ 1887, II, 367). Слѣдующее письмо (безъ означенія времени) должно относиться уже къ началу 1855 года, когда умножавшееся семейство понудило Каткова воспользоваться пріобрѣтеннымъ издательскимъ навыкомъ и искать болѣе прибыльной журнальной дѣятельности. П. Б.

окажется *сильная* надежда на полученіе права на новое изданіе, то, конечно, было бы лучше; но если это чуть немного сомнительно, то дѣйствуйте на Дерикера. Пусть онъ немедленно напишетъ *довѣренность* хоть на имя Леонтьева для заключенія контракта со мною, съ прописаніемъ всѣхъ условій этого контракта, который состоится тотчасъ же, какъ онъ исхлопочетъ право. Только постарайтесь, ради Бога, чтобы у насъ не перебили, и мы не остались на мели. Предложите Дерикеру болѣе, если это понадобится.

Впрочемъ, я предоставлю все вашей пріязни ко мнѣ. Я увѣренъ, что вы не упустите ничего, а вы съ своей стороны можете быть вполнѣ увѣрены въ моей благодарности: журналъ, мною издаваемый, не можетъ быть вамъ чуждъ.

Всею душою вамъ преданный М. Катковъ.

12.

Жду отъ васъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, любезный Александръ Николаевичъ, обѣщанную вами для „Русскаго Вѣстника" статью о Стенькѣ Разинѣ. Заранѣе уже увѣренъ, что она будетъ украшеніемъ нашего журнала. Ефремовъ сказывалъ мнѣ, что вы представляете мнѣ на выборъ—либо напечатать только нѣсколько главъ изъ этого труда, либо напечатать весь текстъ его, а приложеніе помѣстить во „Временникѣ" [27]). Рѣшить это я могу только тогда, когда весь трудъ вашъ будетъ въ моихъ рукахъ; но думаю однако, что было бы лучше напечатать въ „Русскомъ Вѣстникѣ" все сочиненіе. Я измучился въ хлопотахъ по изданію. Въ Москвѣ все, что относится до типографскаго дѣла, находится въ страшномъ неустройствѣ и младенчествѣ. Бьюсь какъ рыба объ ледъ. Думаю уже основать свою типографію. Журналъ нашъ идетъ очень хорошо: уже 3,000 подписчиковъ, и скоро должны мы будемъ закрыть подписку за неимѣніемъ экземпляровъ для удовлетворенія прибывающихъ подписчиковъ. Во внутреннемъ отношеніи „Русскій Вѣстникъ", будетъ, какъ я надѣюсь, все улучшаться и къ концу года представитъ доказательство, что на свѣтѣ прогрессъ существуетъ. Каковъ бы ни былъ нашъ журналъ, но въ немъ есть сильное и небезплодное стремленіе идти впередъ. Въ ожиданіи вашего отвѣта и статьи отъ васъ, обнимаю васъ отъ всего сердца. Передайте отъ меня привѣтствіе вашей супругѣ.

Весь вашъ М. Катковъ.

Москва. 5 Марта (1856).

Плата за ученыя статьи, печатаемыя въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 50 р. [28]) съ листа (въ 16 стран.). За Стеньку Разина „Русскій Вѣстникъ" заплатитъ 50 р. съ листа. Впрочемъ, мы будемъ согласны на всѣ ваши условія [29]).

---

[27]) Изданіи Общества Исторіи и Древностей. П. Б.

[28]) Сначала было написано и зачеркнуто 30 р. П. Б.

[29]) Сочиненіе А. Н. Попова о Стенькѣ Разинѣ появилась въ „Русской Бесѣдѣ", а приложенія вышли отдѣльною книгою. Катковъ былъ издательски правъ, уклонившись отъ помѣщенія въ „Русскомъ Вѣстникѣ" этого труда, написаннаго весьма не занимательно. П. Б.

13.

Спѣшу набросать вамъ, любезный Александръ Николаевичъ, нѣсколько весьма важныхъ строкъ. Дѣло вотъ въ чемъ: какъ вамъ уже извѣстно, Назимовъ, попечитель Московскаго учебнаго округа, назначенъ въ Вильну генералъ-губернаторомъ. Кто будетъ назначенъ на его мѣсто? Вопросъ этотъ имѣетъ великую важность, и при томъ не для одной Москвы. Намъ здѣсь извѣстно, что графъ Строгановъ не затруднился бы снова занять это мѣсто. Хотя по своему служебному значенію онъ имѣлъ бы право претендовать на что-либо высшее; однако, повторяю, онъ не отказался бы и отъ этого мѣста. Вы понимаете всю важность такого назначенія. Но графъ Строгановъ, какъ тоже извѣстно намъ, не сдѣлаетъ шагу, чтобы заявить свою готовность возвратиться къ прежней своей дѣятельности. Вѣроятно, въ высшихъ кругахъ потому только не вспомнятъ о немъ, что побоятся его обидѣть. Надобно разсѣять это опасеніе. Намекните, напримѣръ, графу Блудову о возможности такого назначенія и о томъ, что Строгановъ готовъ принять его (это положительно); отъ него можетъ это распространиться далѣе, и кто знаетъ, можетъ быть, это и состоится. Славное было бы дѣло!

Я въ страшныхъ хлопотахъ по журналу. Не забывайте, что вы нашъ сотрудникъ и что на васъ возлагаю я большія надежды для своего изданія. Съ нетерпѣніемъ буду ждать отъ васъ обѣщанныхъ статей. Подписка въ Москвѣ и въ другихъ городахъ идетъ очень хорошо.

От всей души обнимаю васъ М. Катковъ.

Москва, 12 Декабря (1856).

P. S. Ради Бога, дѣйствуйте и говорите положительно, что Строгановъ будетъ готовъ принять мѣсто попечителя.

14.

Я не отвѣчалъ на первое письмо ваше, почтеннѣйшій Александръ Николаевичъ, по разнымъ причинамъ. Вопервыхъ, оно застало меня въ расплохъ; я былъ въ страшныхъ хлопотахъ, которыя усилились вслѣдствіе болѣзни моей жены; потомъ я самъ былъ нездоровъ, а отослать къ вамъ рукопись вашу безъ объясненія я не хотѣлъ. Къ тому же я надѣялся, что время нѣсколько ослабитъ то побужденіе, которое заставило васъ требовать у меня возвращенія вашей статьи. Я надѣялся, что вы будете справедливѣе ко мнѣ.

Признаюсь, письмо ваше очень удивило и огорчило меня. Мой братъ, передавая вамъ, что статья ваша отложена мною до 1857 года, вѣроятно, объяснялъ и причины этого. При свиданіи вы согласились со мною, чтобы печатаніе статьи вашей было отложено до того времени, какъ вы вышлете вторую ея половину. Эта послѣдняя часть была доставлена мнѣ въ Ноябрѣ

прошедшаго года. Такъ какъ я не думалъ, чтобы вы полагали какое-нибудь существенное различіе между появленіемъ ея въ послѣднихъ книжкахъ истекавшаго года или въ первыхъ новаго, то я и отложилъ ее, побуждаемый къ тому весьма настоятельными причинами: я долженъ былъ всячески стараться окончить всѣ начатыя въ этомъ году статьи, изъ которыхъ многія вышли гораздо длиннѣе, нежели я предполагалъ. Въ двухъ послѣднихъ книжкахъ появилась только одна новая статья—о фотографіи и гравюрѣ, Стасова, и то только потому, что она лежала въ редакціи съ Января мѣсяца.

Теперь я узнаю, что вы потому хотѣли, чтобы статья ваша была напечатана въ прошедшемъ году, что не хотѣли на будущее время участвовать въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Вы упрекаете „Русскій Вѣстникъ" за оскорбительныя выходки противъ „Русской Бесѣды". Я рѣшительно не понимаю васъ, почтеннѣйшій Александръ Николаевичъ, и если вы намекаете, что изъ-за меня дѣйствуютъ такъ неприлично другія лица, мои сотрудники, то позвольте и мнѣ думать, что въ этихъ незаслуженныхъ упрекахъ слышится не вашъ голосъ. Я увѣренъ, что вы сами, сообразивъ хладнокровно, согласитесь, что если и можно въ чемъ упрекнуть „Русскій Вѣстникъ", то, конечно, не въ излишествахъ полемики [30]). Сдѣлайте милость, хоть по чувству справедливости, пересмотрите всѣ тѣ статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ", которыя вызваны были несогласіемъ съ нѣкоторыми статьями „Русской Бесѣды". Въ моихъ замѣткахъ не можете вы не усмотрѣть желаніе соглашенія, полное доброжелательство и готовность сочувствовать во многомъ существенномъ, конечно, при желаніи, чтобы это сочувственное выразилось явственнѣе и отдѣлилось отъ того, что́, по моему мнѣнію, болѣе или менѣе невѣрно или составляетъ случайную примѣсь къ дѣлу. Я всегда такимъ образомъ отзывался о такъ называемыхъ Славянофилахъ, и вы сами всегда бывали не прочь соглашаться со мною во многомъ по этому предмету. Во всякомъ случаѣ замѣтки мои не могли оскорбить никого: это засвидѣтельствовано даже и въ „Русской Бесѣдѣ". Статья Чичерина о народности въ наукѣ также не представляетъ ничего оскорбительнаго, каково бы ни было ея достоинство. Сравните съ этими статьями, напримѣръ, статью Самарина о народномъ образованіи, гдѣ онъ такъ насмѣхается надъ своими противниками. У насъ бы достало умѣнья отвѣчать на это; поводовъ трунить было и намъ немало; но „Русскій Вѣстникъ" не воспользовался ими. Вотъ почти все, что̀ было собственно полемическаго противъ „Русской Бесѣды" въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Если же въ моемъ журналѣ появлялись статьи, которыя по своему содержанію не согласовались со взглядами „Рус-

---

[30]) Вскорѣ за тѣмъ Катковъ началъ считать полемику необходимостью для современнаго изданія и позднѣе даже отзывался, что если нѣтъ противниковъ, то надо ихъ выдумать и дѣйствовать противъ нихъ безпощадно. Статьи „Бай-бороды" (изъ за которыхъ и намъ пришлось выдержать съ нимъ горячіе споры и затѣмъ не видаться нѣсколько лѣтъ сряду) появились послѣ этого письма и по разрывѣ съ А. Н. Поповымъ. П. Б.

ской Бесѣды", то можетъ ли быть это поставлено въ укоръ журналу? Статьи эти писаны лицами спеціальными, писаны съ прямою и единственною цѣлью разъяснить предметъ ихъ занятій и сообщить публикѣ результатъ ихъ изслѣдованій. Какое бы право имѣлъ я отлучать подобныя статьи? Кое съ чѣмъ, особенно въ статьяхъ Чичерина, я самъ не очень сочувствую; но я не могу въ своемъ журналѣ дѣйствовать деспотически и гнуть всѣхъ подъ одну мѣрку. Въ статьѣ ученой я прежде всего долженъ смотрѣть, въ духѣ ли науки постановленъ вопросъ; а болѣе или менѣе близкое къ истинѣ рѣшеніе вопроса придетъ само собою. Главная задача журналиста въ настоящее время у насъ возбуждать вопросы и вызывать мысль на дѣятельность. Приглашая васъ къ участію въ „Русскомъ Вѣстникѣ", я видѣлъ въ васъ представителя того, что было мнѣ особенно сочувственно въ людяхъ, собравшихся теперь подъ знаменемъ „Русской Бесѣды"; я надѣялся найти въ васъ живую связь между обоими журналами. Какъ присланную вами статью, такъ и вообще ваше участіе, я ставлю высоко и очень огорченъ теперешней нашей размолвкой. Не отнимайте у меня статьи и не оставляйте меня; а я всегда былъ, такъ и желалъ бы всегда остаться, къ вамъ въ самой доброй пріязни. Если вы отмѣните ваше прежнее рѣшеніе, то сдѣлайте милость, не откажите написать мнѣ двѣ-три строки, и статья ваша будетъ тотчасъ же напечатана; она была бы напечатана въ первыхъ книжкахъ, еслибы не письмо ваше. Если же я въ теченіи недѣли не получу отъ васъ отвѣта или получу отвѣтъ неблагопріятный, то я, скрѣпя сердце, возвращу ее вамъ черезъ контору.

Во всякомъ случаѣ примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи къ вамъ.

Весь вашъ М. Катковъ.

Москва, 7 Марта (1857 г.).

15.

Простите мнѣ, почтеннѣйшій Александръ Николаевичъ, за неаккуратность въ корреспонденціи: такъ замотался, что ей Богу некогда бываетъ и два слова написать.

Меня удивляетъ, что вы не получаете „Русскаго Вѣстника", тогда какъ съ начала года было сдѣлано мною распоряженіе, чтобъ выдавали вамъ экземпляръ попрежнему. Въ лавкѣ Базунова есть списокъ лицъ, которымъ она должна выдавать безплатно, и вы находитесь въ этомъ спискѣ. О деньгахъ сдѣлано также распоряженіе, и вы получите ихъ на дняхъ.

Заранѣе радуюсь, что увижу васъ въ Москвѣ. Вѣрьте моей искренней пріязни и глубокому уваженію.

Весь вашъ М. Катковъ.

Москва, 3 Мая (1857).

ЗА ПУШКИНА.

Въ примѣчаніяхъ къ новымъ изданіямъ Пушкина, превосходное стихотворденіе его Эхо: „Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ“ и пр., до сихъ поръ считавшееся оригинальнымъ и въ такомъ видѣ даже переведенное по-французски, не знаю на какомъ основаніи отмѣчено переводомъ изъ Томаса-Мура. Я переглядѣлъ всего Мура и не нашелъ въ немъ ничего подобнаго. Единственные стихи подъ этимъ названіемъ ни по мысли, ни по выраженію не имѣютъ никакого сходства со стихотвореніемъ Пушкина. Привожу ихъ въ подлинникѣ и въ подстрочномъ переводѣ.

Echo.

How sweet the answere Echo makes
To music at night,
When, roused by lute or horn, she wakes
And far away, o'er lawns and lakes,
Goes answering light.

—

Yet Love hath echoes truer far
And far more sweet,
Than e'er beneath the moonlight's star
Of horn or lute, or soft guitar
The songs repeat.

—

T'is when the sigh in youth sincere,
And only then,—
The sigh that breath'd for one to hear
Is by that one, that only dear
Breathed back again!

Эхо

(изъ Мура).

Какъ сладостно отвѣчаетъ Эхо
Музыкѣ почью,
Когда пробужденное лютней или звукомъ рога оно просыпается
И далеко по лугамъ и по водамъ
Идетъ, слегка ей отвѣчая.

—

Но Эхо любви гораздо вѣрнѣе
И гораздо сладостнѣе,

Чѣмъ когда-либо, при свѣтѣ мѣсяца,
Роговъ или лютни, или томной гитары
Повторенные звуки.

—

Такъ бываетъ, когда, во дни простосердечной юности,
И только тогда,
Вырывается у насъ изъ груди вздохъ слышимый *ею* одною,
И когда, *она*, единственно дорогая,
Отвѣчаетъ намъ на него вздохомъ.

Къ тому же извѣстно, что Пушкинъ винилъ Жуковскаго въ его пристрастіи къ Муру. „Жуковскій меня бѣситъ (писалъ онъ еще въ 1822 г. князю Вяземскому). Что́ ему понравилось въ этомъ Мурѣ, чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся Лалла-Рукъ не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди“. Или еще (въ Апрѣлѣ 1825 года, ему же): „Знаешь, почему не люблю я Мура? Потому, что онъ черезъ чуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европеецъ и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранять вкусъ и взоръ Европейца“.

Случалось, что самъ Пушкинъ иногда приписывалъ другимъ свои собственныя творенія. *Скупаго Рыцаря* назвалъ онъ переводомъ изъ небывалаго Англійскаго поэта Ченстона. Отрывокъ: *Не дорого цѣню я громкія права* и пр. приписалъ онъ малоизвѣстному Итальянскому поэту Пиндемонте. Великолѣпное обличеніе графа С. С. Уварова (На выздоровленіе Лукулла) названо у него подражаніемъ Латинскому. Но до сихъ поръ никто не говорилъ, чтобы его стихотвореніе „Эхо“ принадлежало Томасу-Муру. Козловъ заимствовалъ изъ Мура Вечерній Звонъ (Those evening bells), Лермонтовъ „Вечерніе выстрѣлы“ (The evenig guns). Въ изданіяхъ ихъ сочиненій не означено, что это переводы; съ Пушкинымъ же выходитъ совершенно обратное: мы приписываемъ свое Англійскому поэту.

И. Х.

ТЕРУАНЬ-ДЕ-МЕРИКУРЪ.

Четверть вѣка тому назадъ похититель Французскаго престола писалъ біографію Цезаря и печаталъ собраніе писемъ геніальнаго Корсиканца. Въ современной намъ республиканской Франціи дѣятельно занимаются исторіей большой Французской революціи: безпрестанно выходятъ подробныя біографіи не только главныхъ, но и второстепенныхъ ея дѣятелей. Къ числу этого рода разысканій принадлежитъ небольшая, но занимательная книжка о знаменитой дѣвицѣ Теруань-де-Мерикуръ, этой амазонкѣ свободы или площадной и безстыжей Іоаннѣ д'Аркъ, по выраженію Ламартина (Étude historique et biographique sur Théroigne de Méricourt, par Marcelin Pellet. Paris, 1886, мал. 8-ka, 126 стр.)

Но для чего объ этой книжкѣ говорить въ «Русскомъ Архивѣ»? скажутъ читатели. Вопервыхъ для того, что Французская революція, истинною героинею которой была Теруань-де-Мерикуръ, имѣла значительное политическое, умственное и бытовое вліяніе и на судьбы Россіи; а вовторыхъ, въ частности, наши читатели припомнятъ, что этой женщинѣ жертвовалъ своимъ достояніемъ и силами одинъ изъ замѣтнѣйшихъ представителей Русскаго общества, храбрый воинъ, другъ императора Александра Павловича, образованнѣйшій человѣкъ, имѣвшій обширный кругъ вліянія по самому богатству своему, графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ. Подробности изложены въ статьѣ нашей «Жильберъ-Роммъ и графъ П. А. Строгановъ», въ первомъ выпускѣ «Русскаго Архива» 1887 года. Вышеназванная книжка показываетъ намъ, какими чарами владѣла Теруань-де-Мерикуръ и заставляетъ признать въ ней хотя и наглую безпутницу, но съ дарованіями необыкновенными. Авторъ приводитъ нѣкоторыя публичныя рѣчи ея о женской равноправности и о необходимости допускать женщинъ къ дѣятельности общественной, въ качествѣ примирительницъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи это была предшественница славной Жоржъ-Зандъ, которой у насъ поклонялись не за одинъ высокій талантъ ея, но и за самое содержаніе непутёвой ея проповѣди, понятной во Франціи (гдѣ и до сихъ поръ женщина въ имуще-

ственномъ отношеніи рабыня мужа, если повѣнчана съ нимъ церковнымъ, а не гражданскимъ образомъ), но совершенно непримѣнимой къ исконному полноправію Русской женщины. Умнѣйшіе люди находили удовольствіе въ бесѣдѣ даровитой Теруань-де-Мерикуръ. Она отличалась умомъ и начитанностью. Большая часть разсказовъ о развратѣ ея, по словамъ г-на Пелле, опровергается при точномъ и безпристрастномъ изученіи обстоятельствъ. Она любила родныхъ своихъ (бѣдныхъ Бельгійцевъ) и пеклась о своихъ братьяхъ. Въ клубѣ «Друзей Закона», который основанъ былъ Роммомъ, она завѣдывала архивомъ, а графъ Строгановъ (18 лѣтъ отъ роду) библіотекою.

Теруань-де-Мерикуръ ходила въ голубой курткѣ, въ круглой шляпѣ съ перьями трехъ цвѣтовъ, носила за поясомъ два пистолета и съ боку саблю. Она была на десять лѣтъ старше своего Русскаго поклонника. Приложенный къ книжкѣ портретъ ея, въ цвѣтѣ красоты и молодости, отличается заманчивою живостью и подвижностью; но въ концѣ книжки находимъ другой портретъ, когда она была сумашедшею старухою. Сличеніе этихъ портретовъ производитъ дѣйствіе подавляющее.

Графъ Строгановъ былъ увезенъ изъ Парижа въ Декабрѣ 1790 г. и стало быть не видалъ подругу свою во время наиболѣе рѣзкихъ ея выходокъ. Но до него конечно доходили въ Россію извѣстія о томъ, какъ ее задержали въ родномъ ея городѣ Люттихѣ, какъ сидѣла она въ крѣпости Куфштейнѣ въ Тиролѣ, откуда въ 1791 году освободилъ ее новый императоръ Леопольдъ и велѣлъ на свой счетъ доставить въ Брюссель; какъ она вновь появилась въ Парижѣ и принимала участіе въ бурныхъ событіяхъ революціи; какъ, наконецъ, плачевно довершилась ея дѣятельность: 15-го Мая 1793 года въ уличной схваткѣ овладѣли ею Парижскія рыночныя торговки и на глазахъ толпы, которую такъ часто она увлекала своими рѣчами, раздѣли до нага и высѣкли розгами. Отвезенная своими приверженцами въ больницу, Теруань-де-Мерикуръ повредилась въ умѣ. Ея сумашествіе доходило до ужасающихъ размѣровъ: она не терпѣла одежды, голая выползала на четверенькахъ изъ своего затвора, ѣла солому, перья, всякій соръ, пила изъ навозной лужи.... Въ этомъ состояніи прожила она слишкомъ 24 года!

Неизвѣстно, навѣстилъ ли ее графъ Строгановъ въ 1814 году, находясь съ побѣдоносными нашими войсками въ Парижѣ (послѣ того, какъ на глазахъ его убитъ былъ при Краонѣ единственный его сынъ). Онъ не такой былъ человѣкъ, чтобы совсѣмъ забывать прошлое. Зять его, графъ С. Г. Строгановъ, разсказывалъ про него, что иногда

въ Петербургѣ, ни съ того, ни съ сего, онъ становился страненъ, по цѣлымъ часамъ проводилъ время за панибрата съ прислугою, изъ роскошныхъ залъ своего дворца на Невскомъ проспектѣ уходилъ къ дворникамъ, обѣдалъ въ людской. Черты лица его на превосходномъ портретѣ, работы Монье, писанномъ еще до кончины сына, запечатлѣны грустью. Чего, чего не переиспыталъ этотъ ученикъ Ромма, участникъ сначала Французской революціи, а потомъ похода къ Стокгольму по льду Ботническаго залива и великихъ войнъ 1812—1814 годовъ! Самая кончина его была необыкновенна: онъ умеръ одиноко у Датскихъ береговъ, на кораблѣ, въ злой чахоткѣ, въ одинъ и тотъ же годъ и мѣсяцъ, какъ и Теруань-де-Мерикуръ (Іюнь 1817).

Здѣсь кстати сообщить, что подлинныя записки его наставника Ромма о путешествіи его по Россіи пріобрѣтены Одесскимъ археологомъ И. И. Курисомъ; а письма Ромма къ графу А. С. Строганову хранятся въ богатомъ семейномъ архивѣ князя П. П. Голицына, въ селѣ Марьинѣ (близъ станціи Ушаки, подъ Петербургомъ). Такимъ образомъ вышеномянутая статья о Роммѣ и графѣ Строгановѣ могла бы нынѣ обратиться въ цѣлую книгу *).

П. Б.

---

*) Въ статьѣ этой сдѣлана ошибка, при исчисленіи пожертвованій графа Строганова на успѣхи революціи: онъ отдалъ не серьги, а застежки. П. Б.

СТИХОТВОРНАЯ ШУТКА С. А. СОБОЛЕВСКАГО.

Нѣкогда въ Ревелѣ пользовался морскимъ купаньемъ баронъ Врангель, про котораго говорили, что въ него влюбилась одна знакомая Соболевскому особа, Анна Васильевна. Соболевскій по своему обычаю подтрунивалъ надъ нею. Прошло много лѣтъ и, встрѣтивъ ее въ Москвѣ уже старухою, онъ сочнилъ и послалъ ей слѣдующія строфы:

Вы о маiорѣ Врангелѣ
Говаривали мнѣ
Какъ будто бы объ ангелѣ.
Чтó онъ теперь не въ рангѣ ли
Des gens abandonnés? [1])

—

Когда морскою ванною
Лечился онъ отъ ранъ,
Вы были ему манною,
И тамъ-то съ вами, съ Анною,
Затѣялъ онъ романъ.

—

Онъ (въ слѣдствіе усилья) внѣ
Любви вамъ не казалъ;
Но часто о Васильевнѣ
Вздыхая: Va, si elle v'nait! [2]),
Сквозь слезы онъ шепталъ.

---

[1]) Людей покинутыхъ.
[2]) Ахъ, еслибъ она пришла!

О ЗАМѢТКѢ г-на Н. АКАТЬЕВА НА СЛОВО „САПЕЦЪ“ *).

Если бы г. Акатьевъ для объясненія слова „сапецъ“ (правильнѣе по Двинскому говору „сопе́цъ“), прочелъ то мѣсто „Путешествія стольника П. А. Толстаго“ (стр. 57), гдѣ говорится о сапцѣ, и обслѣдовалъ стоящіе въ этомъ мѣстѣ „Путешествія“ Русскіе предлоги „*въ*“ и „*отъ*“, то не наткнулся бы на Французскій глаголъ „*saper*“, и черезъ это не потерпѣлъ бы крушенія, сказавъ: „Какъ морякъ, нахожу возможность объяснить, что упомянутый морской (старинный) терминъ обозначаетъ *холодное абордажное оружіе*, напр. саблю, а главное—топоръ (Французск. глаголъ „saper“ подсѣкать)“.

Не сказалъ бы г. Акатьевъ такихъ словъ, потому что „Путешествіе“ вразумительно и ясно говоритъ, что между оружіемъ, находившимся у стольника П. А. Толстаго *въ* фелукѣ, и между сопцомъ, снятымъ *отъ* фелуки, нѣтъ ничего общаго, что̀ и видно изъ словъ П. А. Толстаго: „что̀ было у насъ *въ* филюгѣ ружья моего и маринерскаго, то ружье все и *отъ* филюги сапецъ взяли у насъ къ тому вышеписанному кавалеру во дворъ за караулъ“.

Затѣмъ, еслибъ г. Акатьевъ взялъ вмѣсто Французскаго лексикона Русскій словарь В. И. Даля, то нашелъ бы въ немъ точное значеніе сопца, то-есть: „Сопе́цъ *Сиб.* и *стар.* руль, пра́вило, кормило, стерно́, стар. копе́цъ. *И съ людей парусы и сопцы обралъ.* Акты. *Всѣ матрозы должны караулить у рура или сопца.* Инструкція Петра I-го“.

Правильность объясненія В. И. Даля можно подтвердить еще актами, вошедшими въ III-й томъ „Розыскныхъ дѣлъ о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ“, недавно изданный Археографическою Коммиссіею. Въ томѣ этомъ помѣщены: челобитная князя В. В. Голицына, отписка состоящаго при немъ пристава П. Скрябина и сказка или показаніе капитана Московскихъ стрѣльцовъ И. Бардадатова и бывшихъ съ ними людей, гдѣ на столбцахъ: 1303, 1307, 1347, 1351 и 1352 значится, что послѣ выхода лодьи съ княземъ Голицынымъ и его семействомъ изъ Двинскаго устья въ море, „пришла погода встрѣшная съ туманомъ, и кинуло (лодью) на песокъ и било, и сопецъ переломило, и насилу спаслись, и отошли назадъ къ острову Третьякову“.

Аскалонъ Труворовъ.

17-го Іюня 1888 г.

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 6-й выпускъ текущаго года, внизу страницы 256-й.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1888 ГОДА.

(Выпуски 5, 6, 7 и 8).

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

Графъ П. Х. Граббе, вслѣдствіе переѣздовъ и служебныхъ занятій, не рѣдко прерывалъ свой дневникъ и записную книжку. И дневникъ, и записная книжка, съ выдержками изъ множества прочитанныхъ книгъ и отрывочными набросками приходившихъ въ голову мыслей и соображеній, размѣщены не такъ какъ у Н. Н. Муравьева (писавшаго постоянно въ одинаковыхъ тетрадяхъ, съ оглавленіями каждой, и даже съ перемѣченными послѣдовательно въ теченіи многихъ лѣтъ страницами), а смотря по тому, какая тетрадь попадалась подъ руку: кавалерійскому генералу, человѣку характера отмѣнно-живаго и впечатлительнаго, поэту въ душѣ, трудно бывало держаться строгаго порядка въ бумагахъ своихъ. Въ записную книгу вносилъ онъ иногда и черновыя письма свои, которыя для насъ служатъ теперь отчасти пополненіемъ вышеназванныхъ перерывовъ. Изъ нихъ видно, что, въ 1842 году, оставивъ службу на Кавказѣ, послѣ непріятностей съ непосредственнымъ своимъ начальникомъ Е. А. Головинымъ, которыя возникли, кажется, при тайныхъ пройскахъ П. Е. Коцебу, графъ Граббе поселился въ Кіевѣ. Въ началѣ Апрѣля 1845 года онъ былъ въ Петербургѣ, откуда перебрался на жительство въ Малороссійское помѣстье свое Тимчиху. Къ новому Кавказскому правителю, князю Воронцову, онъ относился критически. Въ одномъ письмѣ 1845 года читаемъ:

«Пассекъ былъ одною изъ самыхъ героическихъ фигуръ Кавказа, гдѣ ихъ столько; въ этомъ видѣ я сдѣлалъ его извѣстнымъ Государю. И три холодныя и пошлыя строчки въ донесеніи графа Воронцова сообщили это довольно однако необыкновенное происшествіе— смерть трехъ генераловъ! За тѣмъ умолчаны имена погибшихъ офицеровъ, чтобы общее распространить въ семействахъ безпокойство. Я крѣпко тревожусь за Беклемишева. — Г.-м.-Фрейтагъ опять имѣлъ случай оказать важную военную услугу быстрымъ содѣйствіемъ графу

Воронцову выдти изъ опаснаго положенія. Надѣюсь, что это для него будетъ полезно».

Къ одному пріятелю графъ Граббе пишетъ уже изъ сельскаго уединенія своего, Декабря 8-го 1845 г. «Семейство мое, въ главномъ корпусѣ, хорошо ограждено отъ нашествія зимы. Я же въ своемъ флигелѣ, который не успѣли оштукатурить и гдѣ въ кабинетѣ моемъ нѣтъ даже печки, а только камины, проведу эту зиму нѣсколько побивачному. Не смотря на неугасимый огонь, не скажу, чтобы было тепло, и я наглядно могу ежеминутно удостовѣряться въ своемъ дыханіи».

Въ 1846 г., лѣтомъ, графъ Граббе былъ посыланъ въ Молдавію для привѣтствія пріѣхавшаго туда Турецкаго султана. «On est satisfait ici de la manière dont je me suis acquitté de ma mission. J'ai ordre de rester à la cour, qui se trouve à Peterhoff, j'ignore pour combien de tems».

Приводимъ нѣсколько писемъ его, относящихся къ тому времени, когда, будучи уже генералъ-адъютантомъ, онъ оставался не у дѣлъ.

Къ А. П. Ермолову.

Декабря 16-го 1845, Тимчиха.

Трудно и неловко послѣ многолѣтняго молчанія приняться за первое письмо; но не могу и не хочу долѣе молчать, чтобы за неудовольствіемъ не послѣдовало и полное забвеніе, чтó быть можетъ уже и случилось. Но въ нашемъ взаимномъ отношеніи, вашемъ, благодѣтеля, начальника рѣдкаго, потомъ (могу ли сказать?) почти друга; въ моемъ, — вами въ нѣжной молодости взысканнаго благодѣяніями, ободреніемъ, примѣромъ столь высокаго образца, самымъ лестнымъ сближеніемъ, тогда отеческимъ, потомъ дружескимъ: для васъ это молчаніе незамѣтно, и если вами замѣчено, то это новое доказательство вашего снисхожденія. Для меня же,—оно тяготитъ меня, какъ упрекъ, тяжело выговорить, почти какъ упрекъ въ неблагодарности и въ неразуміи: ибо кто можетъ не дорожить перепискою съ Ермоловымъ? Если сердитесь, то вы сами строже этого ничего не выдумаете. Но вы уже не сердитесь! Я знаю въ вашей душѣ уголокъ, мало кому извѣстный, вами тщательно отъ свѣта скрываемый, въ которомъ таится сокровище, всегда готовое, доброты и нѣжнаго снисхожденія для немногихъ, между которыми я занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ свое время. Такъ ли, Алексѣй Петровичъ? А это просто была лѣнь, общая знакомая.

Но о чемъ можетъ писать къ вамъ добровольный отшельникъ, зарывшійся въ деревнѣ, въ Малороссіи, занятый почти исключительно обязанностями отца большаго семейства, важными и утѣшительными для него, но безъ занимательности для всякаго другаго. Впрочемъ счастье ваше, что я пишу къ вамъ зимою; иначе не миновать бы

вамъ идиллическаго описанія красиваго мѣстоположенія пріятнаго моего пріюта, теплаго неба Малороссіи, полнаго счастія, которое я почти догонялъ на этотъ разъ верхомъ въ ежедневныхъ скачкахъ съ моими старшими мальчиками чрезъ поля и долы. Все это продолжалось до 1-го Декабря и прекратилось внезапнымъ нашествіемъ зимы со всѣмъ ея причетомъ. Мы остаемся и зиму въ деревнѣ и вообще не располагаемъ (я могъ бы сказать и не можемъ) ее оставить безъ новыхъ какихъ либо обстоятельствъ. Призывъ на дѣйствительную службу нашелъ бы меня совершенно здоровымъ и столько же готовымъ; но чѣмъ я долѣе здѣсь остаюсь, тѣмъ менѣе онъ становится вѣроятнымъ: ибо продолжительное отсутствіе мое безъ сомнѣнія толкуютъ тамъ не въ мою пользу, если вообще не вовсе меня забыли. Но я не имѣю средствъ для поѣздокъ въ Петербургъ, чтобы освѣжать себя въ памяти; тѣмъ менѣе могу прожить тамъ, даже въ какомъ бы то ни было городѣ. Спѣшу прибавить, что въ этомъ не могу обвинять никого кромѣ себя; ибо содержанія мною получаемаго при собственныхъ, хотя небольшихъ средствахъ, было бы достаточно вездѣ, еслибы я не былъ окруженъ большимъ семействомъ: восемь человѣкъ дѣтей съ учителями и гувернанткой! Но по важности болѣзни моей жены, пятеро уже были опредѣлены въ казенныя заведенія самымъ милостивымъ образомъ и сходно съ моимъ желаніемъ; остальныхъ также готова была взять на свое попеченіе великодушная Императрица, а жену для излѣченія отправить съ докторомъ за границу. Но по ея выздоровленіи, для сохраненія дѣтямъ матери, вовсе не постигающей возможности разлуки съ ними, я собралъ ихъ опять всѣхъ около себя. Отъ того только мнѣ иногда трудно, но за то сколько утѣшенія и отрады! Привычка къ занятіямъ пріятно наполняетъ все остальное отъ семейства время. Вотъ вамъ, Алексѣй Петровичъ, кажется довольно полный отчетъ въ моемъ положеніи, котораго выгодныя и слабыя стороны вы проникните однимъ взглядомъ. Покуда Небо хранитъ здоровье въ моей дѣтской колоніи, какъ доселѣ, будьте увѣрены, что мнѣ хорошо. Отзовитесь хоть однимъ словомъ.

Къ графу А. Ѳ. Орлову.

5 Января. Тимчиха (1846).

Вамъ, кому уже столько и съ такимъ удовольствіемъ признаю себя обязаннымъ, рѣшился я въ возможной краткости открыть то, что̀ въ моемъ настоящемъ положеніи меня безпрерывно мучитъ. На службѣ и генералъ-адъютантъ, я живу въ деревнѣ и праздно. Если бы я былъ утомленъ и здоровье мое разстроено, то могъ бы безъ стыда и угрызенія совѣсти пользоваться отдыхомъ, послѣ сорокалѣтней, всегда дѣятельной службы, понятнымъ. Но я здоровъ, ношу въ душѣ глубочайшую признательность за всѣ милости Государя, без-

предѣльную преданность за нѣсколько счастливыхъ дней особеннаго ко мнѣ благоволенія, драгоцѣннѣйшее воспоминаніе цѣлой моей жизни. Къ тому же я глубоко проникнутъ убѣжденіемъ, что въ царствованіе славное, упрочивающее подвигами войны и мира на долгія времена могущество Россіи, человѣку уже съ дѣлами знакомому и себя чувствующему непростительно оставаться терпѣливо и безмолвно празднымъ, и (что̀ несравненно еще мучительнѣе) показаться, можетъ быть, даже неблагодарнымъ. Эта послѣдняя нестерпимая мысль выше всѣхъ, другихъ побужденій заставила меня прервать молчаніе, быть можетъ, болѣе приличное. Безпрестанно порываюсь ѣхать въ Петербургъ; но долженъ выговорить, что безъ ободрительнаго востребованія не только жизнь въ Петербургѣ, но даже подъемъ съ мѣста при моемъ большомъ семействѣ (которое бы я впрочемъ на время здѣсь оставилъ) съ моими ограниченными средствами для меня весьма затруднительны. Въ этомъ единствено заключается вся причина моего вынужденнаго удаленія даже изъ Кіева. Какое бы употребленіе ваше сіятельство ни сдѣлали изъ этого письма (а оно не можетъ иначе быть, какъ васъ достойное), я успокоился уже, написавъ его.

Къ А. П. Ермолову.

31 Марта. (1846). Тимчиха.

Недавно получилъ я ваше письмо отъ 8-го Февраля, напомнившее мнѣ пріятнѣйшимъ образомъ всѣ прежнія, лучшихъ лѣтъ моей жизни, ваши письма.

Въ положеніи моемъ ничто не перемѣнилось. Все таже тихая, занятая жизнь, ни для кого кромѣ собственнаго семейства, и то мало, полезная, но столько однако, сколько отъ меня зависитъ. Относительно жизни служебной, вы пишите точно какъ будто отъ меня зависитъ выборъ новаго поля служенія. Нѣтъ, любезный Алексѣй Петровичъ, я кажется сбитъ съ большой дороги; побочныхъ никогда не зналъ и не знаю. Честолюбіе мое, видно, никогда не было велико или было особеннаго рода, потому что ничтожество переношу съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ и терпѣніемъ. Не сержусь, а смѣюсь даже въ случаяхъ, гдѣ немногое отъ временъ моей дѣятельности, мнѣ принадлежащее, другому присвоивается. Напримѣръ, вы недавно могли прочесть въ журналахъ обнародованное будто новое учрежденіе о назначеніи капитала для вознагражденія линейныхъ казаковъ за убитыхъ, раненныхъ и загнанныхъ, при преслѣдованіи горцевъ, лошадей. Это все существуетъ съ 1840 года. Я захватилъ тогда у возмутившихся Черкесовъ 50 тысячъ барановъ и вырученныя за нихъ деньги обратилъ на этотъ предметъ, получивъ на то одобреніе начальства. Капиталъ и положеніе, мною составленные, безъ самомалѣйшаго измѣненія теперь выданы за новые. Но тогда о Кавказѣ не печатали.

Многое тоже можно сказать о реляціяхъ, въ которыхъ описаны новыми доступными разные пути и мѣста, будто прежде неизвѣстные и не пройденные. Въ Андіи и Мехельтѣ по взятіи Ахульго и покореніи Черкесъ были наши пристава; въ послѣдствіи они возмутились. Возвращаясь изъ Ахульго въ 1839 году чрезъ Гимры и осмотрѣвъ мѣсто сраженія подъ начальствомъ А. А. Вельяминова, съ его собственнымъ описаніемъ въ рукахъ, я въ оффиціальномъ донесеніи упомянулъ, какъ знаменитъ этотъ подвигъ и въ заключеніи прибавилъ, что съ этой стороны *имъ початы горы*. Сердиться было бы смѣшно, но смѣяться можно всѣмъ неловкимъ и съ успѣхомъ, къ сожалѣнію, незнакомымъ продѣлкамъ запоздавшаго честолюбія. Мой девизъ былъ:

Да возвеличится Россія,
И сгинутъ наши имена! *)

Впрочемъ никто не сотретъ медали за 1839 годъ, развѣ истребленіемъ носящихъ ее въ кровавыхъ неудачахъ. Этотъ девизъ остался и теперь моимъ, и останется, если бы случилось еще быть допущеннымъ къ общественной дѣятельности. Страхъ люблю въ другихъ, когда дарованіе честолюбиво: оно непрерывнѣе и долѣе тогда полезно Государю и Отечеству. Но съ дарованіемъ или безъ него, честолюбіе есть самый тревожный спутникъ жизни и врагъ душевнаго спокойствія; отъ него надобно лѣчиться, какъ отъ тяжкаго недуга.

Прочитавъ этотъ безсвязный отрывокъ исповѣди отшельника, вы вѣрно вывели заключеніе, что онъ выжилъ изъ ума, выдохся и ни на что болѣе не годенъ, развѣ няньчить дѣтей, что̀ я и дѣлаю, хлопочу о разведеніи огромнаго огорода, плодоваго сада, увеличеніи и безъ того большаго парка, постройкѣ мостиковъ на искуственномъ ручьѣ, удачно созданномъ изъ болота, расположеніи табачныхъ плантацій и проч. А тихіе и занятые досуги кабинета! А домашній каминъ! Приведется ли мнѣ еще посидѣть съ вами передъ вашимъ каминомъ, если вы, при всегдашнемъ пренебреженіи къ удобствамъ жизни, не забыли устроить его въ вашемъ домѣ?

У насъ уже весна, и мои ежедневныя скачки верхомъ съ двумя старшими сыновьями начались опять съ прежнимъ удовольствіемъ и съ чувствомъ несломленной еще силы и полнаго здоровья. Порадуйте меня тѣмъ же и о себѣ.

Что̀ опять затѣяли неугомонные Поляки? Изъ исторіи Польши можно извлечь всѣ отрицательныя правила, какъ не должны себя вести правительства и народы ни въ періоды могущества, ни въ несчастіи.

---

*) Стихи Н. М. Языкова. *П. Б.*

Къ графу П. Д. Киселеву.

(Начало 1846 г.).

Allez vous du haut de votre grandeur froncer les sourcils, cher comte, en recevant une lettre inattendue, et aura-t-elle le malheur de vous paraître importune? A Dieu ne plaise que cela arrive, et cela n'arrivera pas, j'en ai la certitude, tel que je crois vous connaître. Mais vite, vite, le but de la lettre, pensera le ministre, habitué à en chercher à toute action. Et bien, ce n'est pas au ministre, ou très indirectement au moins, que je m'adresse, mais à l'ancien ami, dont j'ai éprouvé depuis si longtemps et si agréablement la bienveillance. Souffrez donc à ce titre de la part d'un campagnard retiré un peu de verbiage, mais le moins possible.

Vous saurez donc que je suis depuis huit mois retiré avec ma famille à une petite, très petite campagne en Petite Russie, non parce que dans ma position il serait désagréable (ce qui est vrai pourtant) d'habiter toute autre ville que Pétersbourg, mais par une raison plus impérieuse, puisque il faut la nommer: faute de moyens, même pour rester à Kiew, dont j'avais fais l'expérience. A la campagne on vit comme on veut, ou comme on peut, sans être en spectacle, à moins que cela ne soit à quelques voisins insignifiants, dont on ne tient pas compte. Nous nous sommes donc réduits au stricte nécessaire, et même un peu au-dessous, puisque, malgré l'hiver, qui ne laisse pas quelquefois de nous faire sentir ses 20 degrés et plus de froid, je me passe d'un poèle dans mon cabinet en me contentant d'une grossière cheminée, n'ayant pas eu le temps d'achever mes préparatifs d'hiver et comme de raison ayant cédé tout ce qui est habitable à ma nombreuse famille et à tout ce qui nécessairement l'augmente, les maîtres et les gouvernantes. J'ai huit enfants, quatre garçons et quatre filles, outre moi et ma femme. Quelque agréable et piquant que tout cela puisse être, le père d'une telle famille n'en est pas à penser seulement à ses aises et, au moment présent, il faut songer à leur avenir, quelque indifférent qu' on puisse être sur le sien propre, après s'être consciencieusement acquitté de ses longs devoirs. Qui songera à eux, si je venais à leur manquer dans ma situation actuelle? Et puis je me sens fort, mes facultés telles que le Ciel a plu de me les accorder toutes entières...

Къ А. П. Ермолову.

26-го Іюля 1846 (Петербургъ)

Мнѣ грустно было оставаться здѣсь послѣ вашего отъѣзда и кромѣ того, вовсе не убѣжденный въ необходимости моего здѣсь пребыванія, я рѣшился на дняхъ, противъ мнѣнія нѣкоторыхъ доб-

рыхъ людей, совѣтовавшихъ мнѣ, не спрашиваясь, оставаться до маневровъ, объявить военному министру о моемъ намѣреніи отъѣхать и желаніи получить на то высочайшее соизволеніе. Военный министръ очень благосклонно нашелъ, что нѣтъ никакого препятствія къ моему немедленному отъѣзду; но сегодня я получилъ съ фельдъегеремъ высочайшее повелѣніе остаться здѣсь, чтобы быть посредникомъ при Финляндскомъ отрядѣ на большихъ маневрахъ, которые начнутся 1-го и кончатся 5-го Августа включительно. Это—дѣло другое. Теперь я остаюсь по обязанности, а не на удачу.

Левъ Васильевичъ Давыдовъ [1]) останавливался у меня на нѣсколько часовъ; я не успѣлъ съ нимъ наговориться, а вы знаете наиболѣе о комъ. Ему нужно многихъ навѣстить и къ нѣсколькимъ явиться. Надѣюсь однако, что удастся еще съ нимъ посидѣть. Онъ глубоко тронутъ вниманіемъ, оказаннымъ вами больному его сыну.

Я теперь остаюсь безвыѣздно въ Петербургѣ тунеядцемъ и приказалъ вещи мои изъ дому г. Закревскаго, гдѣ приступили къ передѣлкѣ, перевезти на другую квартиру. Нѣсколько вечеровъ сряду провожу на терасѣ Монплезира въ обществѣ Ларіона Васильевича [2]) и его семейства. Его здоровье очень плохо.

Послѣ васъ было нѣсколько праздниковъ прекрасныхъ, но праздникъ на Царицыномъ острову былъ очарователенъ. Само небо, казалось, приняло участіе въ немъ. Такъ тихъ и тепелъ былъ воздухъ, такъ красиво и будто неподвижно, всталъ надъ островами мѣсяцъ, то опоясываясь легкими облачками, то серебря только края ихъ. Но не берусь описывать этой на волшебный сонъ похожей ночи. Записка ваша, на отъѣздѣ изъ Петербурга ко мнѣ написанная, не въ одной памяти останется у меня. Я было занемогъ тогда, но это кажется была только грусть въ высшей степени и слѣдствіе непривычной для меня праздности.

*

Дневникъ возобновляется въ 1847 году съ пріѣздомъ въ Петербургъ, куда графъ П. Х. Граббе привезъ старшаго сына для поступленія въ Пажескій корпусъ.

---

1) Двоюродный братъ А. П. Ермолова и родной—партизана. *П. Б.*
2) Васильчикова, тогда предсѣдателя Государственнаго Совѣта. *П. Б.*

ДНЕВНИКЪ.

1847-й годъ.

7-го Сентября 1847. Въ восемь часовъ утра пріѣздъ въ С.-Петербургъ. 8-го. У военнаго министра.—Вревской.

9-го. У барона Штиглица. Кобденъ. Пріѣздъ г. Блудова изъ Рима. Князь Менщиковъ уѣхалъ ночью въ Москву. В. А. Перовскій въ Царскомъ Селѣ. Г. Киселевъ въ Царскомъ. Смерть Холмскаго на пути въ Малороссію. Левъ Алексѣев. Перовскій—засталъ. Холера въ Малороссіи. Князь Воронцовъ.—Ермоловъ за границу. Причина. Не поѣхалъ.

10-го. Съ пріѣзда сѣрое небо и мелкой дождь. Съ сыномъ въ Александро-Невскій монастырь. Памятники Крылова и Гнѣдича надъ близкими ихъ могилами. Карамзина. Мавзолей Демидова. Церковь гр. Шереметевыхъ. Ихъ гробницы. Изящная внутренность церкви Александро-Невской. Замѣчательная живопись.—Вечеромъ въ Александринской театръ на Русской спектакль. Давали продолженіе Вертера и „Въ свѣтѣ ангелъ не жена, дома съ мужемъ сатана". Съ удовольствіемъ увидѣлъ игру Русскихъ актеровъ; обѣ Самойловы, Сосницкая. Театръ на половину пустой. Встрѣча нѣсколькихъ знакомыхъ. Добрый совѣтъ г. Генрикова.

11-го. Въ 12-мъ ч. въ Пажескій корпусъ. Пріязненный пріемъ моему сыну. Осмотръ корпуса. Мраморныя доски съ именами падшихъ на полѣ сраженія воспитанниковъ корпуса. Баронъ Гейсмаръ въ Аргуани, Ридигеръ, Попандопуло въ Ахульго. Вечеромъ въ театръ Михайловской — Duchesse de Marsan. M-me Volnys актриса замѣчательная, выходящая однако нерѣдко

изъ предѣловъ натуры. Бертонъ былъ посредственъ, даже въ нѣкоторыя минуты ниже посредственности.

12-го Сентября. Посѣщеніе m-me Оомъ, у которой воспитывалась Александра Павловна Сурхаева, моя крестница съ Императрицей, прекрасная дѣвушка, взятая въ плѣнъ при штурмѣ Ахульго. На порогѣ встрѣтила меня горестная вѣсть о ея смерти; подробности услышалъ отъ m-me Оомъ. Похоронена у Троицы Сергія. Надгробный камень по повелѣнію Императрицы покроетъ ея могилу. Счастливая встрѣча на Невскомъ съ г-ней Тизенгаузенъ. Она взялась доложить Императрицѣ о моемъ желаніи представиться съ сыномъ.—Англійскій магазинъ. Непривычныя покупки. Башуцкой.—Вечеромъ пріѣхалъ инспекторъ классовъ Пажескаго корпуса полковникъ Ортенбергъ и доставилъ мнѣ два пріятныхъ часа. Остатокъ вечера—7-й томъ Consulat et l'Empire.

13-го. Нѣсколько часовъ у г-ла Данилевскаго. Обвинительный пасквиль противъ меня, напечатанный г-мъ Головинымъ въ Ригѣ, мимо ценсуры, по его словамъ, въ 10-ти экземплярахъ. Надобно достать. Это можетъ имѣть послѣдствія и заставить, наконецъ, взяться за перо. Mémoires d'un proscrit. Порученіе Данилевскому написать исторію войнъ настоящаго царствованія.—Левенштернъ.—Гдѣ дѣвалось безмятежное спокойствіе сельскаго дома! Возвратясь нашелъ карточку пріѣзжавшаго г. Киселева.

14-го Воскресенье. Во 2-мъ часу ѣздилъ къ г. Киселеву, Вронченко, г. Левашеву и г. Нессельроде; никого не засталъ. Пѣшкомъ по Невскому; встрѣтилъ Вронченко и г. Левашева. День заключилъ дома съ книгой Тьера.

15-го Сентября. Прекрасное солнечное утро. Въ 1-мъ часу въ лѣтній садъ съ сыномъ. Встрѣтилъ тамъ генераловъ Эйлера и Гербеля. Оттуда на Петербургскую сторону, Аптекарскій, Каменный, на Елагинъ островъ. Осмотръ дворца. Копія съ Тиціановой Венеры и Майкова противень (pendant). Прекрасный видъ по просѣкѣ. Кругомъ по острову, дача Манзея, на Крестовской, Петровской, остановились передъ дачей г-ла Шильдера, не заставъ его дома; маленькій дворецъ Петра Великаго въ разрушеніи, по Колтовской, мимо Дворянскаго и Перваго корпусовъ, на Васильевскомъ, по Исакіевскому мосту домой въ два часа времени. Вечеромъ Александринской театръ. Играли Русскіе

актеры и Мартыновъ. Это актеръ! И въ совокупности все право хорошо, лучше Нѣмцевъ и покуда не хуже Французовъ. Это пріятная неожиданность.

16-го. Вторникъ. Въ 9 ч. утра отвезъ и послѣ молитвы въ церкви Пажескаго Корпуса, призывавшей милость и благословеніе Всевышняго на благороднаго, нѣжнаго и кроткаго юношу, оставилъ сына въ корпусѣ. Экзаменъ ему теперь дѣлается безъ меня, чтὸ казалось мнѣ приличнѣе.

17-го. Полковникъ Ортенбергъ въ 7-мъ часу вечера привезъ мнѣ сына. Онъ по экзамену поступилъ прямо въ 3-й классъ, а по Исторіи и Географіи признанъ достойнымъ втораго.

18-го Сент. Зашелъ къ г.-л. Дубельту. По разсѣянности отдалъ лорнетъ для перемѣны стеколъ, не взявъ адреса магазина. Не знаю, отыщу ли.

19-го. Абу-Мусселимъ-Каплановъ пріѣхалъ поутру; изъ прекраснаго юноши вышло Монгольское лицо съ ушами выгнутыми впередъ по звѣриному. Онъ Кумыкъ изъ Ташъ-Кичу. Съ печалію говорилъ мнѣ о прежней безопасности, въ которой они въ мое время жили. Странное послѣдствіе огромнаго усиленія войсками, властію и всякаго рода средствами. Аулъ и домъ Бековича противъ Моздока Шамилемъ выжженъ. Бековичъ въ Кизлярѣ.—Въ часъ къ г. Киселеву. На этотъ разъ засталъ и глазъ на глазъ передъ пылавшимъ каминомъ, уже пріятнымъ, съ трубками, часа два провелъ въ живомъ, занимательномъ разговорѣ. Съ приходомъ Бутурлина оставилъ его; пѣшкомъ по Невскому. Какъ мало уже знакомыхъ лицъ между незнакомыми!

20-го, Суббота. Утро свѣжее, но прекрасное. Съ балкона въ 7 часовъ утра, до пробужденія большей части жителей Петербурга, я любовался на борьбу взошедшаго солнца съ густымъ туманомъ; вѣтеръ гналъ его сѣрыми клубами вправо отъ меня надъ массою домовъ къ морю; а налѣво шпиль Инженернаго замка и позолоченныя стрѣлы рѣшетки Михайловскаго дворца блестѣли, отбрасывая лучи солнца; стрѣлки казались свѣтлымъ газовымъ огнемъ. Живителенъ воздухъ ранняго утра; я обливаю имъ всякой день мои комнаты, отворяя балконъ. Здѣсь воздухъ въ это время имѣетъ какой-то пріятный для меня запахъ, напоминающій близкое море. Вчера въ первомъ часу я пѣшкомъ ходилъ въ Пажеской Корпусъ, гулялъ съ сыномъ по

саду, потомъ въ спальной залѣ взглянулъ на его кровать. Въ часъ пошелъ съ пажами на ихъ обѣдъ, занявъ мѣсто возлѣ сына. Трогательны молитвенные хоры ихъ передъ обѣдомъ и послѣ. Столъ скромный, но достаточный. Сейчасъ послѣ обѣда фехтовальный классъ подъ руководствомъ старика Вальвиля.— Кончилъ 7-й т. Consulat et l'Empire—мастерски написанъ; въ концѣ общій обзоръ дѣяній Наполеона, исполинскіе шаги его къ первому между завоевателями мѣсту въ три года отъ Ульма до Фридланда.—Тоска непривычнаго одинокаго обѣда. Это значитъ ѣсть, а не обѣдать.—Странно, что я пропустилъ въ воспоминаніяхъ дня два пріятныхъ часа, доставленныхъ мнѣ до обѣда братьями Мельниковыми. Одинъ изъ нихъ, г.-м. путей сообщенія, строитъ половину Московской желѣзной дороги, человѣкъ весьма занимательный и съ благородной страстію преданный своему дѣлу и всему полезному.

21-го Сентября. Проснувшись въ 7 ч. и оглянувшись, увидѣлъ на улицѣ снѣжную вьюгу; крыши и мостовая покрыты снѣгомъ. Не грусть овладѣла мною, но мысль—съ какимъ наслажденіемъ встрѣтятъ новую весну тѣ, которымъ суждено до нея дожить, не въ городѣ однако, а въ деревнѣ, гдѣ для меня это ежегодное явленіе всегда составляетъ истинный праздникъ. Упорствующіе оставаться на дачахъ вѣроятно уступятъ этому первому позыву зимы и возвратятся въ городъ. Едва успѣлъ я это написать, какъ небо внезапно очистилось, и благотворное солнце озарило ослѣпительнымъ блескомъ эту слишкомъ раннюю зимнюю сцену. Весь этотъ пухъ обратится въ грязь.

23-го. Вчера поутру безъимянное письмо по городской почтѣ, которымъ вызывали мое участіе въ судьбѣ г-жи Девель съ дѣтьми, дочери брата Петра, пріѣхавшей на дняхъ изъ Ст. Русы, о чемъ я не зналъ. Я поѣхалъ ее отыскивать и не засталъ. Объ ней уже заботятся. Заѣхалъ къ Екатеринѣ Александровнѣ Струковой. Живѣйшая радость встрѣчи съ этой достойной женщиной. Предложеніе квартиры у Фоковъ до отысканія наемной. Еще колеблюсь. Заѣхалъ къ почтенному старику Григорьеву и племяннику Андрею, все въ преслѣдованіи г-жи Девель... Близнята-дѣвочки, изъ которыхъ одна моя крестница. Душевная награда за исполненный долгъ. Въ десятомъ вечера пріѣхалъ г. Мих. Данилевскій, и мы пробесѣдовали безъ умолку до половины

перваго. Всегда поражаетъ меня въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ противоположность его жизни, чувствъ и поступковъ съ живымъ и быстрымъ и увѣренъ, что непритворнымъ сочувствіемъ ко всему высокому, изящному, благородному, даже нѣжному. Онъ возбудилъ во мнѣ вчера состраданіе. On me tue à coups d'épingles, повторялъ онъ мнѣ часто. О, всѣ ошибки, всѣ пороки влекутъ неминуемо за собою наказаніе! Это Немезида древнихъ. Надобно было видѣть на его лицѣ выраженіе страданія, которое не могло бы сильнѣе быть на лицѣ мученика, влекомаго на казнь. Ни на комъ еще не видалъ я такого убѣдительнаго доказательства благотворнаго дѣйствія, производимаго занятіями, какъ на немъ. Наканунѣ я засталъ его съ перомъ, окруженнаго матеріалами для исторіи Суворова, имъ приготовляемой; лице его было свѣтло, складки почти изгладились, другой человѣкъ! Я вспомнилъ у Шиллера лирическое обращеніе къ этому истинному утѣшителю человѣка, безъ котораго даже при условіяхъ счастія нѣтъ его. (Die Beschäftigung). Мѣсто его займутъ скука и пороки.

25. Въ полдень пришли Кабардинецъ Хату-Анзоровъ и Абу-Муссемимъ-Каплановъ, Кумыкской князь. Поступки князя Влад. Голицына, поставленнаго мною начальникомъ Кабарды, особливо при вторженіи Шамиля. Но почему не смотрѣли за нимъ? Онъ имѣетъ мужество, умъ, но требуетъ строгаго надзора.—Ничто столько не возноситъ души къ Небу, какъ благотворительный поступокъ съ самопожертвованіемъ, а не отъ избытка.

26-го Сент. Заѣхалъ къ г-лу Данилевскому. Разговоръ его открываетъ одни за другими отдѣлы моей памяти, навсегда, казалось, закрытые и доставляетъ ей новые любопытные матеріалы изъ важныхъ документовъ, ему доступныхъ. Письмо императора Павла, которымъ онъ извѣщаетъ г-ла Германа о приглашеніи Суворова принять главное начальство надъ соединенною Австро-Россійскою арміею, поручая его однако надзору Германа для обузданія въ Суворовѣ, какъ въ письмѣ выражено, слишкомъ дерзкаго духа предпріимчивости. Узнать, какимъ средствомъ отстраненъ этотъ надзоръ.—Согласился на переѣздъ къ Фокамъ.

27-го Сент. Благородное и лестное для меня восклицаніе г-ла Лидерса при чужомъ разсказѣ о военныхъ дѣйствіяхъ

послѣ меня на Кавказѣ. Первая и покойная ночь въ новой квартирѣ. Вещи не сыскали еще своего обычнаго мѣста, пока обживешься. Пріятное и здѣсь рѣдкое чувство живой родственной пріязни семейства Фоковъ, перешедшее на моего сына.

3-го Октября. Обѣдъ у г-ла Сухозанета съ Бутурлинымъ, Гербелемъ, Арендтомъ и Яковлевымъ. Князь Воронцовъ ослѣпъ совершенно на лѣвый глазъ, а правымъ едва видитъ и не можетъ даже подписывать бумаги. Слухъ о новой неудачѣ и снятіи осады Салты. Печальная судьба человѣка, проведшаго жизнь до назначенія главнокомандующимъ на Кавказъ до преклонныхъ лѣтъ истиннымъ баловнемъ судьбы. Шуточное пророчество обо мнѣ хозяина. Генералъ Мельниковъ прислалъ мнѣ свою рукопись объ устройствѣ главныхъ линій желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

Извѣстія о кн. Воронцовѣ подтверждаются. Такъ недавно еще предметъ общаго вниманія и преждевременныхъ торжествъ въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ, онъ теперь возбуждаетъ уже состраданіе.

——

Восточная линія желѣзной дороги отъ Москвы до Нижняго будетъ имѣть около 400 верстъ и стоитъ до 24 м. р. с. Продолженіе на Казань прибавитъ еще 350 в. Южная должна очевидно направляться къ Одессѣ на Тулу, Орелъ, Курскъ, Харьковъ, Полтаву и Кременчугъ. Эта линія послужитъ главнымъ проводникомъ торговли съ Востокомъ и сблизитъ Черное море съ Балтійскимъ на разстояніи 2 или 3 сутокъ для пассажировъ и отъ 5 до 7 сутокъ для тяжестей клади. Вѣтвь отъ Москвы до Одессы будетъ имѣть до 1260 верстъ (по почтовому тракту 1358) и можетъ стоить до 55 м. р. серебромъ. Западная вѣтвь соединитъ Москву чрезъ Варшаву. Съ Западной Европой, проходя черезъ Смоленскъ, Минскъ и Гродно, или Смоленскъ, Витебскъ и Вильно, на Варшаву. Съ окончаніемъ строющейся теперь Австрійской линіи отъ Польской границы черезъ Вѣну въ Тріестъ, Петербургъ находиться будетъ въ разстояніи менѣе 3-хъ сутокъ, Москва въ разстояніи $2^1/_4$, а Одесса $3^1/_2$ сутокъ отъ *Вѣны* и менѣе нежели полусутками далѣе отъ *Тріеста.* Вѣтвь на Варшаву будетъ имѣть около 1200 верстъ (по почтовому 1315) и можетъ стоить до 60 м. р. серебромъ. Общая

сложность трехъ вѣтвей (кромѣ строющейся уже дороги между С.-Петербургомъ и Москвой) составляетъ до 2800 верстъ и приблизительно до 140 м. р. с.

Доводы, почему не компаніи, а правительству полезнѣе принять на себя постройку главныхъ линій. Особыя средства правительства въ Россіи для устройства главныхъ линій: работа войсками. Проектъ учрежденія военнаго резерва общественныхъ работъ.

——

5-го Октября. Первый фельетонъ Булгарина свѣжій и умный—слѣдствіе занятаго досуга въ деревнѣ, всегда благотворнаго. Парижскія письма Греча тяжелымъ слогомъ, повтореніе Французскихъ журналовъ. Булгаринъ оставитъ память, Гречъ грамматику. Князь Воронцовъ, холера и ожиданіе пріѣзда Государя—настоящіе предметы разговоровъ. Состраданіе, страхъ и любопытство. Городъ кажется мнѣ болѣе прошлогодняго оживленнымъ и многолюднымъ.

6-го. Вчера въ часъ къ М. Н. Муравьеву; засталъ его и жену. Пріятные полчаса. Нашелъ у нихъ Вячеслава Якушкина. Изъ двухъ предполагаемыхъ преемниковъ почти ослѣпшаго князя Воронцова (князь Михаилъ Горчаковъ и Н. Н. Муравьевъ). По моему мнѣнію первый отличается умной головой, второй—даромъ начальствованія. Не трудно угадать, котораго бы я предпочелъ, хотя перваго люблю, а втораго нисколько. Потомъ къ гр. Арсенію Андреевичу Закревскому; засталъ у него к. Лобанова, скоро оставившаго насъ. Письмо А. П. Ермолова къ Устрялову по поводу одного мѣста объ немъ въ его исторіи нынѣшняго царствованія. Нахожу, что нѣсколько вычурно. Главное возраженіе не могло быть высказано по вышинѣ, откуда брошена молнія.

7-го Октября. Утро. Туманъ. Къ князю В. А. Долгорукову, просидѣлъ часа два занимательно по важности предмета, надъ которымъ засталъ его. Поутру приходилъ баронъ Паленъ гв. артилеріи, бывшій въ числѣ прикомандированныхъ подъ моимъ начальствомъ, въ послѣдней экспедиціи на Кавказѣ. Ночью несносно выѣзжать по нестерпимому смраду отъ вывозимыхъ нечистотъ.

8-го. Визиты г.-а. Игнатьеву; пріятный пріемъ и разговоръ. Мое лишнее слово. Дѣла Кавказскія. Новый генер.-адъют. Молодой князь Воронцовъ принятъ прямо шт.-кап. Преображенскаго полка и назначенъ флигель-адъютантомъ. Г.-л. Аргутинскій-Долгоруковъ раненъ. Онъ, по сознанію въ донесеніи, управлялъ дѣйствіями войскъ. Въ немъ готовится по видимому полезный генералъ. Князь Воронцовъ воспаленіемъ глазъ удержанъ былъ въ бездѣйствіи въ лагерѣ. Сознаніе благородно. Гарнизонъ съ потерею, но пробился.—Холера въ Москвѣ.—У Данилевскаго посидѣлъ. Признаніе въ побужденіяхъ благодарности и осторожности при составленіи біографіи заживо князя П. М. Волконскаго. Въ донесеніи о дѣлѣ при занятіи Салты намекъ на бой подъ Ахульго. Не принимаю сравненія. У насъ кромѣ 1300 плѣнныхъ истребленъ весь гарнизонъ при отчаянной оборонѣ. Шамиль втроемъ не пробился, а прокрался. Для нашихъ дѣйствій въ Салтѣ предстоялъ цѣлый фронтъ аттаки, а тамъ одна точка, за нею лезвее скалы, передъ нею гранитный щитъ, на вершинѣ которой Сурхаева башня. Въ Салтѣ новое доселѣ неизвѣстное лице Омаръ; тамъ Шамиль, Сурхай, Алибекъ, весь цвѣтъ мюридовъ. Да Богъ съ вами! Слава Богу, что одолѣли, и снова явился геройскій духъ въ офицерахъ и солдатахъ.

9-го Октября. Четвергъ. Вчера пріѣхалъ Государь въ Царское Село. Поутру пріѣзжали г.-а. Анрепъ, Дашковъ, генер. консулъ въ княжествахъ, адмиралъ Колзаковъ. По выѣздѣ гг. П. П. Паленъ, г.-а. Игнатьевъ.

10-го. Осмотръ квартиры на Невскомъ у Энгельгардта. Оставилъ ее за собой. Во Французскій театръ; играли m-me Вольнисъ и Плесси; изъ актеровъ сравнительно-хорошъ одинъ Алланъ; прочіе ниже посредственности. Не дождался конца.—Графъ Коллоредо женится на Сабаньской, урожденной гр. Потоцкой.—В. К. Марія Николаевна была въ театрѣ. Лидія Кандалинцова.

11-го Октября. Пробѣгалъ Французскіе журналы, какъ вошелъ М. Н. Муравьевъ. Часа полтора занимательной бесѣды развлекли и настроили умъ и душу. Г. Ридигеръ возведенъ въ графское достоинство. Душевно радъ за него. Увѣренъ, что по его понятіямъ это одинъ изъ счастливыхъ дней его жизни.

12-го. Неожиданный пріѣздъ г-ла Норденстама. Часть утра до 2-хъ ч. съ нимъ. Толковый отчетъ его на всѣ мои вопросы о Кавказѣ. Иное ново, многое угадалъ. Князь Воронцовъ выше сталъ въ моихъ глазахъ. Ставрополь продолжаетъ строиться. Мой бульваръ разросся и даетъ тѣнь; водоемъ въ центрѣ города полонъ превосходной воды и бьетъ фонтаномъ. Садъ, мною посаженный, преданъ преемниками запущенію; но благодарная природа дѣлаетъ свое: деревья ужъ въ обхватъ; оранжерея опустѣла. Варвары, готоваго не сберегутъ! Тамъ уже 12 т. жителей. Пѣшкомъ по Невскому, съ г-мъ Павломъ Петровичемъ Мельниковымъ. Рабочіе желѣзной дороги отъ опасенія холеры распущены. Потомъ къ Дюгамелямъ. Заѣхалъ къ г-лу Данилевскому и просидѣли вдвоемъ до пяти. Необыкновенно-лестный рескриптъ князю Воронцову. Первое недоразумѣніе: г-лъ-адъютанты приглашены въ Царское, я не увѣдомленъ. Ошибкой или съ намѣреніемъ, или потому что нужно прежде представиться Государю. Увидимъ! „Тарантасъ“ не такъ поверхностенъ, какъ говорили завистливые критики. Тутъ вездѣ проглядываетъ въ полу-серіозной усмѣшкѣ Русскій умъ, въ слогѣ бойкомъ и народномъ, безъ преувеличенія и гримасы.

15-го Октября. Пропустилъ два дня безъ замѣтокъ. Въ Понедѣльникъ, въ половинѣ восьмаго утромъ, по желѣзной дорогѣ въ Царское Село. Мнѣ досталось сидѣть вдвоемъ съ г.-а. Анненковымъ, директоромъ канцеляріи военнаго министерства, и занимательный разговоръ сократилъ и безъ того короткую ѣзду. Комнаты отвели мнѣ во дворцѣ рядомъ съ гр. П. П. Паленомъ. Посидѣлъ съ нимъ съ полчаса. Въ 11 ч. собрались въ залѣ передъ церковью. Увидѣлъ много знакомыхъ. Въ четверть 12-го вошелъ Государь съ невѣстой Константина Николаевича и прошелъ въ церковь, гдѣ началась обѣдня. Церковь великолѣпна и прекрасна; пѣвчіе восхитительны: гармонія отрывающая отъ земли и возносящая къ Творцу. Записавшись у Государя Наслѣдника и Государыни Наслѣдницы, у принца Виртембергскаго, князя П. М. Волконскаго, поспѣшилъ съ г. Анненковымъ къ желѣзной дорогѣ, куда пріѣхалъ и е. в. Михаилъ Павловичъ. Мы получили мѣста вмѣстѣ съ е. в Остатокъ дня въ городѣ прошелъ въ какомъ-то разсѣяніи.

Важнѣйшее—цѣль приглашенія въ Царское. Тотчасъ по выходѣ изъ церкви, Государь Императоръ представилъ генералъ и флигель-адьютантовъ и гвардіи генераловъ августѣйшей невѣстѣ. Императрица велѣла гр. Апраксину подозвать меня, благосклонно поговорила со мною, но не оставила замѣтить продолжительность моего пребыванія въ Петербургѣ, не представляясь ей. Болѣзнь сына была моимъ оправданіемъ.

Вчера, 14-го, въ 11 ч. утра былъ у графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова и засталъ его одного. Обязательный пріемъ и разговоръ. *Давать и все давать. Онъ пожелалъ отдыха.* *) Странныя слова послѣ всего прошедшаго и противъ человѣка, въ память успѣховъ котораго выбита и роздана медаль, и въ Главномъ Штабѣ, въ одной залѣ съ моделью Бородинскаго сраженія, показывается рельефная модель взятаго имъ, послѣ осады, штурмомъ Ахульго. Богъ имъ судья! До нужды не слѣдовало, кажется, его допустить и, узнавъ, оставлять въ ней. Кажется, не долго буду имъ живымъ упрекомъ.—Заѣзжалъ къ г. Клейнмихелю и кн. Менщикову, обоихъ не засталъ. Въ третьемъ часу зашелъ къ г-лу Норденштаму; нашелъ одну жену Ольгу Владимировну и пошелъ съ нею погулять по Невскому. Замѣчательно образовалась и развилась въ обществѣ добраго и достойнаго мужа и собственными душевными силами, послѣ воспитанія въ Грузіи и на Кавказѣ. Обѣдалъ одинъ на новой квартирѣ въ домѣ Энгельгардта, куда переѣхалъ отъ Фоковъ 13-го.

15. Въ седьмомъ часу вошелъ сынъ и въ восемь поѣхали къ М. Н. Муравьеву, гдѣ провели пріятно вечеръ болѣе на половинѣ его достойнѣйшей жены. „Кто виноватъ?“ Искандера. Дарованіе и бойкость съ примѣтнымъ неискусствомъ составить книгу. Эпизоды тяжело вяжутся. Есть пошлости и галлицизмы, эти двѣ крайности. Примѣръ послѣдняго: *Далъ надъ собою призъ.*

16-го Октября, Четвергъ. Утро. Сегодня торжественный въѣздъ невѣсты, Александры Альтенбургской. Въ позапрошлую ночь судорога свела мою оконтуженную ядромъ лѣвую ногу, и боль, готовая усилиться, продолжается въ ней. Надо будетъ од-

---

*) Эти слова Николая Павловича очевидно относятся къ усиленію войскъ на Кавказской линіи, котораго просилъ графъ Граббе, будучи тамъ начальникомъ. *П. Б.*

нако сѣсть верхомъ и слѣдовать за Государемъ и на незнакомой лошади. Не случилось бы чего! Погода, хотя холодная, кажется, благопріятствуетъ торжеству дня. Вчера линейные унтеръ-офицеры гвардіи нѣсколько часовъ стояли на Невскомъ, чтобы опредѣлить мѣста войскъ: слишкомъ долго для опытныхъ войскъ и для людей изнурительно. Письмо отъ г-ла Ростовцева о сынѣ Александрѣ, тоже въ будущемъ году поступающемъ въ Пажеской Корпусъ въ комплектъ. Такъ раздѣляется недавно еще тѣсно соединенное семейство. Бѣдная мать! Расположеніе духа, послѣ сцены вчерашняго утра, грустное. Одолѣть! Пора узнать и переносить безобразную сторону жизни. Не слишкомъ ли я увеличиваю свои права на признательность; а съ другой стороны неблагодарность за прошедшія заслуги не есть ли самая постоянная черта въ исторіи человѣчества? Одолѣть непремѣнно! И долго ли еще остается терпѣть? Признакъ близости конца отозвался.

17-го Октября, Пятница. Вчера торжественный въѣздъ обошелся счастливо. Мнѣ дали *Фаворитку*, красивую и отлично выѣзженную любимую лошадь Ольги Николаевны. Шествіе было великолѣпно. Пріѣзжали по утру подполковникъ Домбровскій (подробности о Кавказѣ); генералъ - губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ, бывшій мой подчиненный въ Ахульго, флигель-адъютантъ графъ Адлербергъ.

Не могу еще залѣчить недавной раны колкаго отзыва; но неблагородство его должно пасть на него самого. Присутствіе мое здѣсь должно быть тягостно, и не полагаю, чтобы могло быть продолжительно. Въ природѣ человѣка (какъ бы высоко онъ ни стоялъ въ санѣ) обидѣть и потомъ ненавидѣть. Великодушіе на всѣхъ степеняхъ можетъ стать выше: простить и забыть, но удалиться.

18-го Октября, Суббота. Дома нашелъ оффиціальное письмо г-ла Ростовцова съ увѣдомленіемъ, что Михаилъ *), поступилъ въ комплектъ Пажескаго корпуса и что Е. В. изъявилъ свое согласіе на оставленіе при мнѣ сына Александра до поступленія въ комплектъ.

19-го. По утру пріѣзжали Бетаки, бывшій полиціймейстеръ Ставрополя, теперь комендантъ, и Смоленскій помѣщикъ Ком-

*) Будущій герой и первая жертва Карса въ 1877 году. *П. Б.*

чицкій, нѣкогда мой подчиненный въ Лубенскомъ гусарскомъ полку. Въ Крашневѣ Салтыковъ, въ Яковлевичахъ племянники Пассека Петра Петровича. Въ часъ къ Катеринѣ Ал. Струковой. Всегда съ удовольствіемъ проходятъ часы въ обществѣ этой умной и благородной женщины. Печальная жизнь Данилевскаго въ семействѣ, однимъ занятіемъ заглушаемая. Кто виноватъ?

Сегодня завыванія вѣтра и хлестанье снѣжныхъ капель дождя въ окна разбудили рано. Вода въ каналахъ прибыла. Кажется, слышалъ пушечные выстрѣлы, сигналы прибыли воды.

Пропустилъ упомянуть о Муравьевѣ; нѣтъ, спуталъ. Онъ былъ у меня въ Пятницу. Довольно, можетъ быть, слишкомъ откровенный съ нимъ разговоръ, но взаимный. Женатъ на Парижанкѣ. Молчаніе, странное, противъ начальника Восточной Сибири, на счетъ сношеній съ Китаемъ. Содержаніе возвышено ему до 24 т. р. с.

Сегодня съ 11-ти часовъ Д. М. Броневскій. Выходя во второмъ часу, встрѣтился на лѣстницѣ съ М. Н. Муравьевымъ и вмѣстѣ зашли къ книгопродавцу Исакову, у котораго купилъ нѣсколько книгъ. Встрѣча съ Булгаринымъ. Обѣщалъ прислать новое сочиненіе Коха о Кавказѣ, гдѣ упоминается обо мнѣ. Съ Зеебахомъ; остановилъ меня, чтобы отъ имени г-жи Нессельроде въ обязательныхъ выраженіяхъ пригласить меня къ ней. Демьянъ Васильевичъ Кочубей просидѣлъ въ занимательномъ разговорѣ до 5-ти часовъ.

23-го Октября. Четвергъ. Солнечное холодное утро и сильный вѣтеръ. Началъ день у достойнаго, благонамѣреннаго принца Ольденбургскаго обязательнымъ отъ него пріемомъ.

Вчера въ 11-ть часовъ утра пріѣзжалъ и просидѣлъ Броневскій; всегда пріятный и занимательный съ нимъ разговоръ.

Молодой г. Нессельроде возобновилъ приглашеніе матери на ея вечера. Придется уступить вѣжливости, не смотря на разстройство въ порядкѣ моего дня. Вечера ея начинаются въ 11 часовъ ночи, когда я обыкновенно ложусь спать.

Нѣсколько страницъ Шницлера замѣчательныхъ. Американцы послѣ упорнаго боя взяли Мексику. Швейцарцы готовятся къ междоусобной войнѣ, нелѣпой по ихъ положенію относительно Европы. Упадокъ курса на Лондонской биржѣ. Продолженіе банкрутствъ. Замѣчательное для наблюдателя явленіе

нескончаемыхъ и раззорительныхъ для Англіи трудностей выйти изъ ошибочной, бѣдственной системы управленія несчастной Ирландіей, наслѣдіе прошедшихъ вѣковъ—и это при полномъ развитіи богатства государственнаго и правительственнаго ума! Урокъ другимъ, приступающимъ къ преобразованію существующаго, столѣтіями завѣщаннаго порядка, доведшаго до высокой степени могущества. Останавливаться въ развитіи постепенномъ не должно, но съ великою осторожностью и съ пособіемъ времени, прислушиваясь къ истиннымъ желаніямъ и потребностямъ народнымъ. Если съ одной стороны требуются тяжелыя уступки и пожертвованія, чтобы доставить другимъ непонятныя улучшенія, то можно задуматься, время ли, хотя въ теоріи цѣль признается достойною безпрерывнаго къ ней стремленія. Давно сказано: ce qu'il y a de pire au monde—c'est l'abus de ce qu'il y a de meilleur.

25-го Октября. Суббота. Вчера по утру г.-а. Шильдеръ почти до двухъ часовъ. Пріѣзжали въ мое отсутствіе к. Меншиковъ и Кочубей. Г.-а. Гербель. Любопытно и горестно слѣдить, какъ замѣтно съ каждымъ годомъ болѣе пустѣетъ голова человѣка, отставшаго отъ спеціальнаго дѣла и не привыкшаго занимать свои досуги образовательными занятіями.

Les valets dépassent souvent la volonté du maître.

27-го. Въ 11-ть съ сыномъ въ Казанскій Соборъ, но тѣснота отъ толпы народа заставила скоро уѣхать. Навѣстилъ Яковъ Андр. Дашковъ. Господарь Бибеско и его интрига; Гики и партія Боверъ. Въ половинѣ одиннадцатаго на вечеръ къ г-жѣ Несельроде. Сначала все новыя лица, потомъ отыскались знакомые. Прекр. гр. Шувалова, рожденная Нарышкина; возобновилъ знакомство съ Бибик., женой ген.-губ. Кіевскаго. Мальцова. Соловая очень перемѣнилась. Потомъ усѣлись особо гр. П. П. Паленъ, Сухозанетъ, Левенштернъ и князь П. А. Вяземскій въ пріятномъ разговорѣ. К. Вяземскаго разсказъ былъ самый удачный. Петръ Великій, прочитавъ какой-то проектъ, поданный ему однимъ Французомъ, за который этотъ требовалъ въ концѣ большой суммы денегъ въ награду, подписалъ слѣдующую резолюцію: Сказать Французу, не хочетъ ли онъ ...... Екатерина Вторая, по подобному же поводу, желая знать не осталось ли о томъ въ бумагахъ мысли Петра, приказала отыскать и потре-

бовала найденный проектъ. Прочитавъ его, она къ резолюціи Петра прибавила свою: „А я бѣдная вдова не могу предложить и этого“.

Костромской губернаторъ Григорьевъ съ фельдъегеремъ потребованъ въ Петербургъ для преданія военному суду за самовольное истязаніе розгами трехъ солдатъ по розыскамъ о зажигательствѣ.

31-го Октября. Пятница. Приходилъ и посидѣлъ Булгаринъ. Не хочу многому про него повѣрить.

2-го Ноября. Воскресенье. Вчера въ часъ по полудни смотръ гвардіи на Марсовомъ полѣ; войска въ шинеляхъ, мы въ сертукахъ; я былъ верхомъ на «Фавориткѣ», на Англійскомъ сѣдлѣ. Смотръ для кавалеріи неудачный. Государь былъ очень ею недоволенъ. Погода довольно благопріятствовала. Обѣдалъ въ клубѣ. Знакомство съ сосѣдомъ по столу, статсъ-секретаремъ барономъ Корфомъ, котораго, никогда прежде не встрѣтивъ, угадалъ. Записка отъ кн. В. В. Долгорукова съ приглашеніемъ на обѣдъ во Вторникъ.

4. Съ Николаемъ на обѣдъ къ кн. В. В. Долгорукову очень пріятный, и просидѣли безъ умолку до 9 ч. Были адмиралъ Рикордъ, Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, к. Давыдовъ, Левенштернъ, гр. Орловъ-Денисовъ. Вина превосходныя. Званъ опять въ Субботу. Черта изъ жизни Дашкова, министра юстиціи. Происшествіе съ банкиромъ барономъ Штиглицомъ. Наконецъ истинный свѣтскій разговоръ—de la causerie—задѣвая безъ оскорбленія мѣста чувствительныя, противорѣчія безъ личностей; умные и занимательные разсказы очевидцевъ и дѣйствовавшихъ лицъ въ жизни, въ положеніяхъ важныхъ и на степеняхъ значительныхъ или въ высшемъ кругу общества. Много понятыхъ намековъ, мимоходомъ брошенныхъ. Это первая съ пріѣзда бесѣда, отъ отсутствія которой и подобныхъ можно потосковать въ однообразномъ одиночествѣ деревни. Игра благороднымъ орудіемъ слова, съ людьми умѣющими владѣть имъ, имѣетъ невыразимую прелесть. Это самый увлекательный турниръ, въ которомъ не должно однако попадать въ бровь или въ глазъ, какъ Монгомери Генриху Второму.—Сегодня пощекотилъ многихъ; не уязвилъ, кажется, никого. Да и въ душѣ нѣтъ горечи ни противъ кого. Passe d'armes удачный. И письмо, отправленное по утру, ото-

звалось возбужденіемъ мыслей и чувствъ кроткихъ и теплыхъ. Сколько необходимыхъ выраженій, пошлымъ ихъ употребленіемъ испорченныхъ и избитыхъ!

5-го Ноября. Середа. Ne sait-on pas que dans les situations élevées l'expérience vient vite, parce qu'on a des moyens d'instruction, que d'autres n'ont pas? Si heureux et si habile qu'il soit, il ne lui sera pas facile de réaliser tout ce qu'on attend de lui.

Сію минуту два пушечные выстрѣла съ крѣпости. Вода въ каналѣ передъ моими окнами прибыла выше колецъ. Морской вѣтеръ продолжается. Ночью также я былъ разбуженъ двумя выстрѣлами. Значительная часть Васильевскаго острова должна быть подъ водою. Это всегда угрожающее Петербургу море стòитъ Везувія. Стекла дрожатъ отъ порывовъ вѣтра.

Quelle prodigieuse quantité d'esprit et de talent se dépense souvent aujourd'hui, faute de génie!

6-го Ноября. Четвергъ. Сандулаки.—Происхожденіе фамиліи Ролла отъ Сербскихъ королей. Александръ Фокъ. Г.-м. Ховенъ, корнетомъ поступившій изъ пажей ко мнѣ въ Лубенскій гусарскій полкъ. Мнѣнія и признанія обоихъ о воспитаніи въ Пажескомъ корпусѣ. Непонятный выборъ туда офицеровъ, давно и каждому извѣстныхъ, кромѣ высшаго начальства. Да сохранитъ Провидѣніе моего прекраснаго отрока!—Мих. Никол. Муравьевъ просидѣлъ до трехъ часовъ, потому не былъ у сына. Выгодное понятіе его о г. Несельроде, объ умѣ и опытности въ предметахъ не до одного управленія дипломатическаго относящихся. Гр. Блудовъ; мнѣніе о папѣ Піѣ IX-мъ, благонамѣренномъ, но увлеченномъ уже донынѣ далѣе, чѣмъ хотѣлъ идти сперва. Общее въ цѣлой Италіи и нескрываемое чувство ненависти противъ Австріи. Затѣмъ противъ монаховъ, еще сильныхъ, богатыхъ и знатныхъ, но удерживаемыхъ въ противудѣйствіи общему духу народа, боязнію за себя и достояніе и еще болѣе раздѣляемою со всѣми ненавистію къ Австріи. Кто знаетъ чѣмъ все это разразится? Въ нашемъ съ Папою дѣлѣ полууспѣхъ. Главное—назначеніе правительствомъ католическихъ епископовъ—не могло быть допущено по началамъ (principes) папства; теперь еще менѣе при ослабленіи вліянія ихъ въ политикѣ. Папы только и удерживаются неприкосновенностію началъ, на которыхъ власть и святость ихъ основана. — Бездѣльники,

едва не задержавшіе банкира Штиглица, пойманы, кажется, въ Ригѣ; они тамошніе жители.—Въ четвертомъ часу заѣхалъ къ Данилевскому и въ пріятномъ разговорѣ засидѣвшись, отказался отъ своего обѣда, принявъ приглашеніе отобѣдать съ нимъ, въ кабинетѣ съ его дочерью Антониною. Пертретъ императора Александра, передъ нами висѣвшій, подалъ поводъ къ занимательнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ о томъ времени. Нѣкоторые были удачны. Ночью судороги въ ногахъ, заставившихъ по оставшейся боли отказаться отъ поѣздки въ Царское Село, на сегоднишній праздникъ лейбъ-гусарскаго полка. Можетъ быть дѣлаю дурно; но что̀ дѣлать? Эта обязанность не изъ тѣхъ, гдѣ надъ собою торжествуемъ; но замѣчается иногда болѣе.

Сухозанетъ принялъ. Нашелъ у него Шведскаго посланника, познакомился и послалъ карточку. Такъ противъ воли расширяется кругъ знакомства. Почтительность Кавказцевъ. Странное слово ко мнѣ Булгарина о толкѣ въ публикѣ. Напрасно. Меня тамъ сдѣлали невозможнымъ. Первое, для меня слишкомъ возвысили; второе, унизили.

9-го Ноября. Воскресенье. Вчера въ часъ, по случаю праздника Св. Михаила, парадъ и молебенъ въ манежѣ Инженернаго замка въ присутствіи в. к. Михаила Павловича, Наслѣдника и трехъ великихъ князей. Государь занемогъ поутру. Неимовѣрная вѣсть на счетъ важнѣйшаго для Россіи вопроса; г-лъ Безобразовъ. Тотъ же вопросъ, что̀ вчера сдѣлалъ Булгаринъ съ прибавленіемъ, что будто отъ меня самого слышали о моемъ небываломъ назначеніи. Такъ вѣсти, здѣсь кѣмъ нибудь празднымъ на удачу брошенныя, растутъ какъ снѣжный комъ, не всегда безъ вреда, иногда даже съ этимъ намѣреніемъ пущенныя для того, кто служитъ предметомъ ихъ. Вчера обѣдъ у кн. В. В. Долгорукова; были братъ его, гр. Гурьевъ, Бутурлинъ, Австрійскій дипломатъ, кажется Калерджи, Александръ Кочубей, въ придачу Миклашевскій. Медемъ по болѣзни не могъ пріѣхать. Я одинъ военный. Разговоръ не составился, и обѣдъ далеко отсталъ пріятностью отъ прежняго во Вторникъ.

Сію минуту вышелъ г.-м. Безобразовъ, мой Кавказецъ. Любопытныя извѣстія о происшествіяхъ на Лабѣ, послѣ моего отъѣзда. Набѣгъ на Темнолѣсскую станицу. Двусмысленное

поведенiе г.-л. Засса въ этомъ случаѣ. Сергѣевъ офицеръ въ полку у Безобразова.

10. Ѣздилъ въ школу портупей-прапорщиковъ къ Петру Скоропадскому. Директоръ Сутговъ водилъ меня по всему заведенiю. Прекрасно, чисто, удобно, просторно; засталъ за обѣдомъ; воспитанники имѣютъ веселый и здоровый видъ. Петръ въ лазаретѣ, гдѣ я съ нимъ посидѣлъ. Отецъ его утвержденъ Полтавскимъ губернскимъ предводителемъ.

11. Сiю минуту вышелъ отъ меня г.-м. Романъ Ивановичъ Ховенъ, безпрерывный въ продолженiи двадцати слишкомъ лѣтъ спутникъ жизни А. П. Ермолова. Занимательныя подробности послѣднихъ дней службы А. П. въ Грузiи, въ поясненiе нѣсколькихъ оскорбительныхъ для него строкъ въ книгѣ Устрялова. Прощанiе Москвы съ нимъ, не оставившее ему спокойнаго часу, чтобы написать ко мнѣ. Книжонка Головина, ему самимъ авторомъ доставленная. Какъ эти люди, жалкiе на сценѣ дѣятельности, бодры и неутомимы во лжи и клеветѣ! Оставить ему это утѣшенiе безъ возраженiя и открытiя истины. Видно нравится, когда знаютъ, презираютъ и употребляютъ. Это паукъ взнесенный на высоту, прицѣпившись къ хвосту орла, и въ ядовитой своей головѣ почитающiй себя причиною смѣлаго полета. Какъ легко его уничтожить свидѣтельствомъ тысячъ очевидцевъ! А пройдетъ, быть можетъ, утвердится *по печатному* въ мнѣнiи. Нѣтъ у насъ гласности тамъ, гдѣ она и для пользы правительства была бы необходима.

На недавнемъ обѣдѣ, званомъ въ надеждѣ прiятной бесѣды, самое одушевленное слово вырвалось по случаю воспоминанiя о Гурьевской кашѣ, почти вышедшей изъ употребленiя.

Четвергъ 13-го Ноября. Вечеръ у Муравьевыхъ. Самого засталъ больнаго. Всегда поучительный разговоръ. Вѣрное опредѣленiе свѣдѣнiй и разговоровъ о дѣлахъ гражданскихъ А. П. Ермолова: графа Блудова много и незаключительно, г. Панина свободно и запутано, г. Гурьева добросовѣстно и безбоязненно. Странныя у насъ понятiя о государственномъ кредитѣ. Канкринъ умѣлъ бы ихъ опредѣлить вѣрнѣе и вѣроятно удержать если не самыя мѣры, то ошибочное объ нихъ объявленiе, основанное на ложныхъ началахъ.

Вчера Государь осматривалъ въ Михайловскомъ манежѣ гвардейскихъ ремонтныхъ лошадей. Я не былъ, но видѣлъ артилерійскихъ—незавидны.

14-го Ноября. Встрѣтилъ Государя; первый въ нынѣшній пріѣздъ благосклонный взглядъ и поклонъ. Передъ тѣмъ встрѣтился съ нимъ въ дрожкахъ. Поутру записка Дашкова съ приглашеніемъ завтра на обѣдъ къ адмиралу Колзакову. Имѣя уже приглашеніе г-ла Сухозанета, долженъ былъ отказаться. — Запросъ канцлера Россійскихъ орденовъ, могу ли присутствовать въ Думѣ. Конечно могу.—Сегодня въ часъ былъ смотръ ремонтныхъ лошадей гвардейской кавалеріи и артилеріи въ присутствіи Государя. И этотъ разъ не былъ, неувѣренный, въ какой формѣ.

16-го Ноября. Воскресенье. Отвѣтъ капитулу орденовъ. Вопросъ г.-а. Игнатьева о моемъ казачьемъ мундирѣ. Почему г.-а. Бергъ напоминаетъ мнѣ даже своею наружностію Стефановича? Онъ же его видимо и покровительствуетъ.

Нѣсколько маленькихъ досадъ и въ глубинѣ души опасеніе за семейство, окруженное холерою. Вотъ причины потеряннаго душевнаго равновѣсія; также неопредѣленность моего здѣсь положенія.

Зашли къ кн. В. В. Долгорукову. Толпы народа на обоихъ тротуарахъ. Засталъ у себя флигель-адъютанта графа Адлерберга, просидѣлъ почти до 4-хъ часовъ. Несчастный случай съ сыномъ генералъ-адъютанта Перовскаго, бѣжавшимъ отъ отца, но отысканнымъ.—Обѣдать къ Муравьевымъ, гдѣ кромѣ другихъ засталъ Александра Ник. Муравьева, съ которымъ 20 лѣтъ не встрѣчался. Къ Вѣрѣ Мур. на верхъ. Застали тамъ дѣвицу Жибелову, показавшую на фортепіано дарованіе весьма замѣчательное по искусству, рѣдкое по пріятности.

18-го Ноября. Вторникъ. Въ часъ былъ на смотру гвардейскихъ ремонтныхъ лошадей въ присутствіи Государя. Возвратясь, переодѣлся и сдѣлалъ большую прогулку пѣшкомъ по Дворцовой набережной, въ Лѣтній садъ. 180 т. пудъ сѣна, по словамъ ген.-губернатора, затерто льдомъ, идущимъ по Невѣ. Въ девять часовъ на вечеръ къ статсъ-секретарю Дегаю. Знакомство съ его прекраснымъ семействомъ. Много новыхъ лицъ. Пьянистъ Леви, изъ Вѣны, артистъ замѣчательный, произвелъ на меня мало впечатлѣнія. Онъ хотѣлъ и успѣлъ блеснуть одолѣніемъ

трудностей и чрезвычайною бѣглостью. Но прекрасенъ былъ віолончель m-elle Христіани, какъ она сама, съ своею наружностію Коринны, съ оригинальною и чисто-дѣтскою любезностію, рѣзво перебѣгавшею отъ милыхъ дѣтей хозяевъ, съ которыми танцовала, къ своему пѣвучему віолончелю Страдиварія и отражая умно и ловко навязчивость мужчинъ, общее вниманіе которыхъ на себя обратила. Фредро снялъ съ нея портретъ въ короткій присѣстъ. Остался ужинать въ небольшомъ обществѣ. Пристрастныя и неясныя сужденія и сравненіе Веллингтона съ Наполеономъ. Обратились ко мнѣ, спрашивая моего мнѣнія. Есть мужи геніи, которые, подобно кометамъ на небѣ, являются на сценѣ міра вѣками, измѣняютъ ходъ обществъ человѣческихъ, порядокъ событій, разрушаютъ и созидаютъ: таковы Александръ, Цесарь, Наполеонъ. Есть другіе, возникающіе въ періоды опасности народовъ для ихъ спасенія или для того только, чтобы славою почтить паденіе ихъ: таковы Фабіи, Сципіоны, Аннибалы; а въ наше время эрцгерцогъ Карлъ, Блюхеръ, Веллингтонъ, Кутузовъ, Барклай-де-Толли. Первые принадлежатъ исторіи всемірной, послѣдніе — исторіи своего народа. Безногій Норовъ, путешественникъ-писатель, графъ и гр-ня Армфельдъ, гр-ня Лаваль, Гамалей и нѣсколько незнакомыхъ были на вечерѣ.

Константинъ Гика, бывшій каймаканъ М. Валахіи въ Турецкую войну, навѣстилъ и оживилъ впечатлѣнія того времени, похвальныя для него.

19. Сегодня день кончины Александра. Есть надъ чѣмъ задуматься! Между тѣмъ какъ Императоръ, исполнивъ высокое посланіе Промысла спасти Россію и Европу отъ порабощенія завоевателя и потомъ, по общей судьбѣ человѣческой, вкусивъ отъ горькаго плода неблагодарности, искалъ на дальнемъ берегу Меотисскомъ забвенія и отдыха отъ заботъ въ уединеніи, незабвенною и трогательною Елисаветою раздѣляемомъ, черный духъ раздора, возмущенія, слѣдствіе всѣхъ страстей, высокихъ и порочныхъ, отъ самаго дна бурею времени поднятыхъ, пролеталъ по Россіи, и грозные отголоски его, доходившіе до умирающаго Императора, кроткаго, великодушнаго, должны были горько возмущать послѣднія его минуты, быть можетъ ускорить ихъ.

20-го Пятница. Этотъ день восшествія на престолъ Государя, кромѣ парадной формы для развода, и праздничной, послѣ того, ничѣмъ не празднуется. Въ междудѣйствіяхъ лаконическій разговоръ съ кн. Меншиковымъ. Рѣшено весной взять Гергебиль. Зачѣмъ же взяли Салту и вѣроятно оставили?

22-го Ноября. Суббота. Церковный парадъ по случаю праздника Семеновскаго полка, въ присутствіи Государя. Я немного опоздалъ. Герцогъ Лейхтенбергскій пріѣхалъ наканунѣ. Послѣ парада къ Маріи Николаевнѣ записался. Демьянъ Вас. Кочубей просидѣлъ въ занимательномъ разговорѣ до 4-хъ часовъ.

Въ часъ въ Думу Св. Георгія въ Георгіевской залѣ зимняго дворца. Двадцать два члена въ присутствіи Михаила Павловича. Четыре ордена Св. Георгія 4-го класса по представленію кн. Воронцова за отличіе при осадѣ Салты. Двѣсти семь за 25-тилѣтнюю безпорочную службу. Четверо изъ представленныхъ не признаны достойными. Все кончилось въ три часа. Завтракъ во дворцѣ.

24-го. До одиннадцати занялся новымъ въ этомъ году сочиненіемъ: Aufzeichnungen des General-Leutenants Grafen Friedrich Wilhelm von Bismark. Выходка противъ Россіи и императора Александра, какъ будто униженіе ихъ нужно для величія Наполеона, и теперь, когда страстямъ той эпохи можно бы улечься и оцѣнивать событія того времени съ безпристрастіемъ. Это энтузіазмъ, доходящій до искаженія истины. Вчера балъ у Бутурлина. Не сдѣлавъ ему визита, какъ и многимъ другимъ, я не былъ приглашенъ.

27-го Четвергъ. Вчера былъ на церемоніи присяги Константина Николаевича. Передъ окончаніемъ упалъ въ обморокъ. Участіе окружавшихъ, г.-м. Катенина, статсъ-секретаря Гофмана, г. Адлерберга, флиг.-адъютанта полк. Корфа, до того мнѣ незнакомаго. Гофманъ довелъ меня до кареты. Докторъ Рейнгольдъ пріѣзжалъ ко мнѣ, но лѣчить было нечего: я оправился. Александръ Фокъ провелъ у меня остатокъ вечера. Готовность Императрицы назначить Ольгу въ фрейлины ея двора, но съ условіемъ представленія. Это будетъ трудно. Сегодня въ 9-ть ч. утра вошелъ Гербель; сію минуту вышелъ ст. сек. Дегай. Вслѣдствіе разговора, коснувшагося важныхъ предметовъ, общее вниманіе въ настоящее время занимающихъ, про-

челъ ему нѣсколько строкъ, написанныхъ еще въ деревнѣ. Онъ выслушалъ, казалось, съ большимъ одобреніемъ въ особенности слога, о которомъ я мало думалъ.

28-го Ноября. Пятница. Вчера, послѣ безпокойной ночи, всталъ слабый. Графъ Орловъ прислалъ сына. Графъ Адлербергъ, ст.-сек. Гофманъ, Сухозанетъ и другіе присылали провѣдать. Въ 3 ч. спросилъ свой обѣдъ, какъ неожиданно вошелъ Николай. Государь пріѣзжалъ къ нимъ и распустилъ до другаго дня. Спросилъ имя сына.

30-го Воскресенье. Г.-м. Катенинъ сократилъ часъ въ занимательномъ разговорѣ. Еще въ Пятницу выѣзжалъ слабый, въ каретѣ съ сыномъ, не смотря на мокрую погоду. Тогда же Струкова пріѣзжала и посидѣла у меня. Письмо отъ Алексѣя Петровича Ермолова отъ 22-го, передъ выѣздомъ за границу. Отвѣчать не успѣю. Новые виды вслѣдствіе новыхъ ожиданій. Приглашеніе адмирала Колзакова. А. П. Мельниковъ просидѣлъ у меня до ночи. Швейцарія допущена до междоусобной войны; странное явленіе въ наше время. Демагогическія пиршества во Франціи—къ чему поведутъ ее? Хорошо ли выбрано время задать себѣ труднѣйшую изъ правительственныхъ задачъ, которая должна на долго занять все наше вниманіе, быть можетъ, всѣ наши силы? Боже храни Царя и Россію! По общему закону человѣческой природы, мнѣ недолго уже оставаться жильцемъ міра; но сколько послѣ себя оставляю дорогихъ мнѣ, безъ сравненія дороже собственной жизни, на которыхъ отразятся будущія судьбы отечества! Какая отвѣтственность лежитъ на тѣхъ, которые намѣреваются вести его по новымъ, неизвѣстнымъ еще путямъ, особливо если это дѣлается въ слѣпотѣ честолюбія, а не съ чистыми желаніями его пользы и благосостоянія! Изъ настоящихъ дѣятелей, начинающихъ великое дѣло, надежныхъ не знаю; есть самонадѣянный. Его жизнь не освѣщена никакимъ подвигомъ самоотверженія, предвѣстникомъ успѣха.

1-го Декабря. Понедѣльникъ. Вчера мнѣ сдѣлалось хуже, почти весь день пролежалъ.

Статсъ-секретарь Дегай прислалъ мнѣ свое сочиненіе: «Взглядъ на современное положеніе уголовнаго законодательства въ Европѣ». Займуся имъ.

2-го Декабря. Вторникъ. Въ продолженіи вчерашняго дня навѣстили: графъ Адлербергъ, адъютантъ Е. В. Наслѣдника, баронъ Ѳедоръ Ив. Корфъ. Въ половинѣ пятаго пріѣхалъ на обѣдъ къ Колзаковымъ. Кромѣ хозяевъ засталъ г-ню Толстую при В. К. Еленѣ Павловнѣ, Кудрявскаго по Иностр. Коллегіи, семейство Дашковыхъ, Константина Гику съ сыномъ, чрезвычайнаго сходства съ матерью, нынѣ женою г. Бибеско, господаря Валахіи. Пріятный разговоръ съ г. Толстой. Обѣдъ перенесъ хорошо, не смотря на слабость. Двѣ партіи въ билліардъ съ адмираломъ. Выигралъ—одинъ родъ побѣдъ, мнѣ предоставленный. Въ восемь былъ дома. Histoire de la conquête de l'Algérie de 1830 à 1847 par m. de Mont-Rond.

Le duc de Lucques n'a pas voulu jouir jusqu'au bout de l'amour de ses sujets.

О зимѣ ни слуху, а столица ждетъ подвозовъ. Курица стоитъ уже здѣсь 1 р. 75 коп., если въ счетахъ повара нѣтъ обмана.

Voyage du M. Lyell dans l'Amérique du Nord.

Une centaine d'Allemands arrivèrent il y a quelques années en Amérique. Ils venaient du Wurtemberg; telle était leur joie d'être délivrés des vexations incessantes et interminables des fonctionnaires d'ordre inférieur de leur ancienne patrie (les Scheibers, comme ils les appellent), que leur première pensée et leur première mesure en se constituant en communauté, furent de décréter qu'à l'avenir il serait interdit à tous les habitants du village d'apprendre à lire et à écrire.

3-го Декабря. Середа. Вчера ѣздилъ только обѣдать къ А. П. Мельникову, а остался на чай. Декеръ сыгралъ нѣсколько піесъ на рояли, не совсѣмъ въ духѣ. Потомъ со мною въ билліардъ. Я выигралъ у него нѣсколько партій. У хозяина также. Утро провелъ, занятый отвѣтомъ на письмо А. П. Ермолова, передъ отъѣздомъ въ чужіе края. Сегодня отправилъ; также письмо домой, что-то невольно грустное. Записка къ г. Закревскому. Онъ желалъ меня видѣть, но это утро у меня занято. Да и вообще это мои лучшіе часы, которые не охотно разстроиваю.

4-го Декабря. Четвергъ. Посидѣлъ и этотъ разъ надоѣлъ Константинъ Гика. Мостовыя, особливо торцевыя, опасны въ

эту минуту, такъ бойко и скользко ѣздить. По камню еще легче.

5-го Декабря. Въ 11-ть часовъ утра къ гр. Закревскому. Разговоръ объ А. П. Ермоловѣ. Пріѣхалъ кн. Илья Андреевичъ Долгорукій. Любопытныя и странныя подробности объ отношеніяхъ его брата ген.-адъют. князя Василія къ графу Никитину, у котораго онъ начальникомъ штаба. Кандидаты въ фельдмаршалы. Уморительная дружба честолюбцевъ. Заѣзжалъ къ гр. Ал. Ѳед. Орлову. Засталъ только сына.

7-го Декабря. Воскресенье. Въ девять на балъ къ г-лу Корфу вмѣстѣ. Отсутствіе красоты въ такомъ множествѣ женщинъ, наиболѣе Нѣмокъ. Военный министръ. Первый мой вистъ въ Петербургѣ и вообще въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Вчера къ 11-ти часамъ во дворецъ. Въ сѣняхъ встрѣтилъ Арендта, объявившаго, что Государь занемогъ. Записался у Наслѣдника, его супруги, Великихъ Князей. Поблагодарилъ ихъ адъютанта Корфа за участіе и пособіе въ день моего обморока. Обѣдня въ малой церкви. Baise-main Императрицѣ и Наслѣдницѣ. Нѣсколько обязательныхъ словъ первой, въ воспоминаніе нашей общей съ Е. В. крестницы, покойной Александры Павловны Сурхаевой. Нѣсколько сухихъ словъ Наслѣдника, угрожающихъ моему покойному привычному казачьему мундиру. Не одинъ Востокъ подражаетъ намъ, и мы отъ него заимствуемъ: Турецкій султанъ, по принятому обычаю, никому не кланяется; у насъ вводится тоже. Награды этого дня. Дома засталъ Андрея Маркевича, оставилъ его на завтракъ. Вас. Вас. Кочубей, товарищъ его въ Училищѣ Правовѣденія, предметъ насмѣшекъ воспитанниковъ. Молодой князь Воронцовъ былъ во дворцѣ.

8-го Декабря. Понедѣльникъ. Поутру были К. Каплановъ, потомъ М. П. Позенъ. Часа два чрезвычайно-занимательныхъ съ этимъ примѣчательно-умнымъ человѣкомъ. Саблуковъ—почтенный старикъ.

9-го Вторникъ. Въ 12 къ графу Закревскому; просидѣлъ пріятно часа два. Къ Мих. Павл. Позену; не засталъ. Зашелъ къ Беллизару взять нѣсколько книгъ для себя и для дѣтей. До 9 ч. вечера читалъ прекрасное сочиненіе Маттера de l'état moral, politique et littéraire de l'Allemagne. На вечеръ къ с. с. Дегаю. Пріятное открытіе, вовсе неожиданное, пріязненнаго впечатлѣнія, сдѣланнаго на прекрасную артистку Хр—и.

Разговоръ съ m-elle Христіани. Горькія сужденія ея о нашемъ высшемъ обществѣ и молодыхъ людяхъ. Двѣ піесы на віолончели, грустныя какъ продолженіе нашего разговора. Ненаглядныя дѣти хозяевъ. Башуцкой. Чернышевъ флиг.-адъютантъ, сочинитель сказки о Бѣломъ Царѣ. Памятный пріятный вечеръ.

10-го Декабря. Середа. Чувство возвращенія силъ. Въ третьемъ часу пѣшкомъ къ г. Киселеву; засталъ, но извинился, что готовится ѣхать по приглашенію Императрицы. Общее ожиданіе перемѣнъ, характеръ времени. Невольное значеніе моего утренняго визита. Нѣсколько партій въ билліардъ. На вечеръ къ А. А. Фокъ, пріѣхавшей изъ деревни. Чувство усталости и вмѣстѣ какого-то раздраженія, отозвавшагося и вовсе неумѣстнаго въ разговорѣ. Затаенное чувство, и въ эту пору жизни, впечатлѣнія, сдѣланнаго женщиною. Это золотая нить, вьющаяся по всей пестрой ткани жизни почти каждаго человѣка, часто ему одному извѣстная и оставляющая многое въ его поступкахъ для другихъ непонятнымъ.

Въ часъ къ Лизѣ Христіани; засталъ одну и провелъ пріятный часъ съ нею. Дома нашелъ конвертъ отъ В. К. Константина, съ дипломомъ на избраніе меня въ члены Географическаго Общества.

11-го Декабря, Четвергъ. Сегодня отвѣтъ Ѳ. П. Литке на увѣдомленіе о моемъ избраніи въ д. ч. Геогр. Общества, полученіе диплома, книжки и устава.

13-го Декабря, Суббота. Сильный насморкъ. Не смотря на то, вчера, въ два часа по-полудни, ѣздилъ на прощальный концертъ Лизы Христіани, въ домѣ Кушелева-Безбородки. Зала была довольно полна, военныхъ мало; генераловъ, кромѣ меня, еще графъ Апраксинъ. Сенявина красоты рѣдкой. Концертъ посредственный, продолжался почти до 5 часовъ. Обѣдалъ одинъ. Былъ званъ на вечеръ къ Христіани, но усилившійся отъ выѣзда насморкъ удержалъ на весь вечеръ дома. Книга Маттера о Германіи сократила время.

Евгеній Якушкинъ ѣдетъ за-границу. Ялуторовскъ — пребываніе отца.

14-го Декабря, Воскресенье. Сегодня роковой памяти день. Много неопытныхъ, несбыточными теоріями напитанныхъ, нѣсколько злодѣевъ, вызывавшихъ смуты для безотчетныхъ и пре-

ступныхъ видовъ. Толпа безсмысленныхъ солдатъ, не вѣдавшихъ, что̀ творятъ. Гр. Милорадовичъ, жертва убійцы, онъ, столькими битвами прославленный и невредимый. Святыня и санъ митрополита поруганные. Тяжкій, но славный день для Государя. Теперь мирный благовѣстъ колоколовъ оглашаетъ всѣ концы изящно украшенной имъ послѣ того столицы.

15-го, Понедѣльникъ. Въ 4 на обѣдъ къ Муравьевымъ. Жена г.-л. Николая Николаевича Муравьева, урожденная г. Чернышова. Чрезмѣрная застѣнчивость. Странный образъ ихъ жизни въ деревнѣ. Гостебоязнь ихъ. Дочь Муравьева отъ перваго брака. Нѣсколько словъ о прошедшемъ. Остатокъ вечера дома одинъ съ книгой г. Маттера. Въ ближайшемъ знакомствѣ онъ не выиграетъ. Французскій его языкъ отзывается Страсбургомъ. Желаніе всѣмъ сказать пріятное, даже тамъ, гдѣ нужно порицаніе, запутываетъ его въ длинные и неясные періоды; вообще однако книга занимательная, въ особенности статьи о воспитаніи и педагогикѣ.

Il faut applaudir à cet habilité qui fait montrer que la science fortifie toutes les facultés de l'intelligence, loin de les affaiblir, et ne jette pas nécessairement dans la pauvreté tous ceux qui la cultivent. Donnée au génie de l'homme pour le conduire aux choses utiles et aux intérêts qui embellissent son existence, la science, loin d'enfanter la misère, doit procréer la richesse. Supposer le contraire, c'est insulter à sa nature.

18-го Декабря, Четвергъ. Только-что сѣлъ вчера умываться, доложили о флигель-адъютантѣ графѣ Орловѣ, сынѣ г. Алексѣя Ѳедоровича. Съ удовольствіемъ принимаю всегда этого молодого человѣка, прекрасно воспитаннаго и съ умѣньемъ дѣлающаго вопросы о разныхъ предметахъ, въ особенности до военныхъ событій касающихся. Онъ заслужитъ успѣховъ на поприщѣ, имъ избранномъ, которые по счастливому его положенію безъ того-бы даромъ ему достались. Сдѣлалъ въ саняхъ и пѣшкомъ большую прогулку. Встрѣтилъ и не узналъ прекрасныхъ дѣтей Наслѣдника. До обѣда прочелъ 1-ю часть соч. Дегая. Обѣдалъ одинъ. Въ восемь часовъ поѣхалъ на годовое собраніе Географическаго Общества. Засталъ залы уже полные и В. К. Константина Николаевича. Съ большимъ удовольствіемъ возобновилъ знакомство съ астрономомъ Струве, у

котораго на Пулковской обсерваторіи въ прошедшемъ году и въ его домѣ провелъ нѣсколько счастливыхъ и памятныхъ часовъ. Вообще я встрѣтилъ здѣсь много пріятныхъ знакомыхъ. Мѣсто вокругъ стола досталось мнѣ занять насупротивъ Великаго Князя Предсѣдателя, между адмираломъ Врангелемъ и г. Прянишниковымъ. Чтеніемъ отчета Общества за $18^{46}/_{47}$ годъ открыто засѣданіе. Изложеніе отчета прекрасное и содержаніе занимательное; прочтенъ незнакомымъ мнѣ лицомъ очень хорошо. Потомъ Струве прочелъ статью о путешествіи въ Сибирь въ 1740 году астронома Делиля, составленную изъ его рукописи, подаренной Обществу княземъ А. И. Долгоруковымъ. Статья любопытная, приводящая на память нѣкоторыя примѣчательныя лица того времени, между прочимъ Волынскаго, жертву ненависти Бирона, страшнымъ концемъ своимъ ознаменовавшаго послѣдніе дни императрицы Анны. Любопытны свидѣтельства чрезвычайной дѣятельности Делиля и переписки его огромной. Онъ занимался также астрологіей, тогда бывшей еще въ почетѣ. Такъ, не успѣвъ исполнить цѣли своего дальняго путешествія, наблюденіе перехода Меркурія близъ Солнца въ Березовѣ, по причинѣ закрытаго облаками неба, онъ изъявляетъ сожалѣніе, что прежде нежели пуститься для этого въ такой дальній путь, слѣдовало по астрологіи дойти, будетъ-ли имѣть успѣхъ предпріятіе. Занимательны подробности пребыванія экспедиціи на Уралѣ у гр. Строганова, плаванія по этой рѣкѣ на прекрасномъ суднѣ, вельможею нарочно для экспедиціи построенномъ. Опасность отъ тогдашнихъ рѣчныхъ разбойниковъ на Уралѣ. Крикъ ихъ *сарынь на кичку* передъ нападеніемъ, по которому судовщики должны были ложиться на палубѣ, въ знакъ готовности сдаться. Записка Струве была на Французскомъ языкѣ, и сильное Нѣмецкое произношеніе иногда съ трудомъ допускало понимать его чтеніе. Помѣщеніе Общества удобное. Въ 10-ть ч. воротился домой.

Въ Римѣ одною изъ причинъ упадка Сената было чрезмѣрное количество сенаторовъ и неизбѣжное послѣдствіе того—неспособность многихъ изъ нихъ. Слишкомъ большое и слишкомъ малое число судей имѣетъ каждое свои неудобства. До Каія Гракха число сенаторовъ простиралось до 300; при Августѣ—до 4000.

22-го Декабря. Понедѣльникъ. Продолжаю безцвѣтныя замѣтки моей нынѣшней Петербургской жизни, хотя бы для того чтобы сравнивать ихъ въ свое время съ днями, которые быть можетъ суждено мнѣ еще проводить въ деревнѣ. Вчерашній, даже въ присутствіи сына, былъ особенно грустенъ, въ слѣдствіе разстроеннаго здоровья или сокровенныхъ мыслей, странное мое здѣсь положеніе живѣе обыкновеннаго изображавшихъ, такъ что я почувствовалъ необходимость, для ихъ разсѣянія, хотя бы цѣною страданія, прогуляться по сильному морозу. Я прошелъ два раза пѣшкомъ по Невскому, предоставленному, по прихоти высшаго общества, въ этотъ день купечеству и мѣщанамъ. Вообще гулявшихъ было мало, и въ числѣ ихъ болѣе слышанъ былъ Нѣмецкій языкъ. Морозъ и прогулка нѣсколько подѣйствовали, и я возвратился обѣдать съ сыномъ въ расположеніи духа не столько грустномъ.

24-го Декабря. Среда. Вчера, въ половинѣ двѣнадцатаго, въ сильный морозъ, отправился съ ген-мъ Мельниковымъ на новую станцію Московской желѣзной дороги. Скоро пріѣхали по условію кн. В. В. Долгоруковъ и Л. К. Нарышкинъ съ А. П. Мельниковымъ. Всѣ вмѣстѣ поѣхали по желѣзной дорогѣ на Александровскій заводъ въ семи верстахъ. Это стоило поѣздки, не смотря на стужу. Превосходная отдѣлка 162 готовыхъ паровозовъ, совершенство машинъ для приготовленія разныхъ частей, желѣзныхъ и деревянныхъ для строющихся вагоновъ отъ самыхъ мелкихъ до огромныхъ, достойно удивленія. Желѣзо, чугунъ, дерево выдавливаются, рѣжутся какъ бумага сталью въ разныхъ видахъ, движимые паровою машиною въ 60-тъ силъ. Въ пятомъ часу к. В. В. Долгоруковъ подвезъ меня домой. Въ 6-мъ съ сыномъ поѣхали къ нему обѣдать. Дорогой возокъ мой наткнулся на телѣгу. У насъ дышло переломило пополамъ, и безъ того бойкія лошади понесли насъ, къ счастію по пустой улицѣ. Кучеръ съ трудомъ остановилъ ихъ на Марсовомъ полѣ. Мы съ сыномъ поспѣшили выйти и тотчасъ же увидѣли возокъ, подъѣзжавшій къ намъ. Мы его наняли и доѣхали до к. Долгорукова, я не безъ тревоги на счетъ сына, выскочившаго безъ шинели, одѣтаго легко и уже съ небольшимъ кашлемъ. Насъ уже ждали к. Голицынъ, К. Давыдовъ, Нарышкинъ и братья Мельниковы. Обѣдъ былъ очень пріятенъ. Вечеръ заключили у

Мельниковыхъ, я нѣсколькими партіями неудачными на билліардѣ, сынъ-упражненіемъ на рояли Вирта.

26-го Декабря. Пятница. Вчера въ 11-ть ч. во дворецъ. Недоразумѣніе на счетъ формы. Успѣлъ исправить. Выставка произведеній казенныхъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ. Лучшее по мнѣ была ваза сѣроватаго Сибирскаго камня, прекраснаго зерна и работы. Записался у Наслѣдника и Наслѣдницы. Государь и Наслѣдникъ нездоровы. Обѣдня и молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ въ малой церкви. Выходъ Императрицы. Обѣдъ у Фоковъ. Вечеръ у кн. Голицыной, урожденной Балкъ-Полевой, жены ген.-губ. Витебскаго, Могилевскаго и Смоленскаго и первое съ нею знакомство. Съ удовольствіемъ сблизился съ Чихачевымъ, извѣстнымъ путешественникомъ. Невыгодныя вѣсти съ Оренбургской линіи о взятіи Хивинцами нашего форта на Аральскомъ морѣ и Сыръ-Дарьѣ и о разграбленіи каравана. Разговоръ о Кавказѣ. Неудачные танцы.

27-го Декабря. Суббота. Вечеръ у Л. К. Нарышкина. Прекрасные новые покои его и лѣстница. Портреты царя Алексѣя Михайловича и супруги его Натальи Кириловны Нарышкиной. По поводу Андреевской ленты на дѣдѣ Нарышкина, въ портретѣ, въ молодости его написанномъ, онъ разсказалъ, какъ она ему досталась. Петръ Третій, шутя съ Нарышкинымъ, надѣлъ на него свой Андреевскій орденъ; Нарышкинъ, тотчасъ отворивъ дверь, вышелъ къ ожидавшимъ Государя и поспѣшно возвратился въ его кабинетъ. „Ваше Величество“, сказалъ онъ, „какую я сдѣлалъ ошибку! Весь дворъ поздравилъ меня съ Андреевскимъ орденомъ, что̀ дѣлать?“ Орденъ ему остался.

28-го Декабря. Воскресенье. Пріѣзжалъ и посидѣлъ по утру Дашковъ. Невольное сожалѣніе о Бухарестскомъ небѣ и свободѣ въ образѣ жизни. Открытіе Французскихъ палатъ. Рѣчь короля. Порывы далѣе и далѣе духа свободы и независимости политической во всей Италіи.

29-го Понедѣльникъ. Между тѣмъ какъ мы любовались на Англичанъ, съ необыкновеннымъ мастерствомъ катавшихся на конькахъ, подошелъ в. к. Михаилъ Павловичъ. Послѣ привѣтствія мнѣ о здоровомъ видѣ моего сына, онъ прибавилъ, что возьметъ его въ артилерію. Нельзя было противорѣчить, хотя намѣренія на его счетъ были другія; тогда отходившему уже

Великому Князю, я сказалъ въ слѣдъ, что это обѣщано его крестнику, второму моему сыну Михаилу, и что я надѣюсь на это. Великій Князь воротился ко мнѣ и отвѣчалъ: Конечно. Toute la race doit appartenir à l'artillerie. Вотъ какъ рѣшаются иногда важнѣйшія вещи, на судьбу цѣлой жизни вліяніе имѣющія!—Въ пятомъ часу пріѣхали ко мнѣ братья Мельниковы и вмѣстѣ отправились на обѣдъ къ Петру Никиф. Беклемишеву за Таврическимъ садомъ.

30-го Декабря. Вторникъ. Вчера былъ дежурнымъ. Читаю Капфига L'Europe après l'année 1830. Смерть принцессы, Аделаиды, сестры короля Людовика Филиппа.

Тайна прелести жизни въ деревнѣ въ преклонные, но еще свободные отъ дряхлости годы. Повѣрка всѣхъ впечатлѣній дѣловой и городской жизни картиною первобытной природы, источникомъ всѣхъ подражательныхъ искусствъ, высшимъ ихъ образцомъ и возбудителемъ. Подъ ея небомъ, среди ея звуковъ, безчисленныхъ ея красокъ, въ напитанномъ ея благоуханіями воздухѣ, хорошо провести дѣтство и отрочество и возвратиться съ посохомъ и опытностію старости. И въ промежуткѣ между тѣми и послѣднею хорошо по временамъ освѣжать дѣятельностью городскаго быта отуманенную душу.

Записка **императрицы Екатерины Великой** о Рославльскомъ конномъ полку или о Рязанскихъ драгунахъ.

Черновые наброски **императрицы Екатерины Великой**, хранящіеся въ Государственномъ Архивѣ: а) проектъ манифеста о внутреннихъ преобразованіяхъ; б) о направленіи своей дѣятельности; в) опытъ перевода Иліады; г) характеристика Русскаго человѣка.

Архивъ графа Игельстрома съ предисловіемъ **графа Д. А. Толстаго**. Указы императрицы Екатерины Великой и императора Павла.

Двѣнадцатый годъ. Воспоминанія князя **А. А. Шаховскаго.**

Письмо императора **Александра Перваго** къ княгинѣ **Софіи Сергѣевнѣ Мещерской.**

Письма **Александра Николаевича Мордвинова** къ шефу жандармовъ графу А. Х. Бенкендорфу.

„Дмитрій Самозванецъ", трагедія **А. С. Хомякова.** Полный текстъ.

ВЪ КОНТОРѢ „РУССКАГО АРХИВА" ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕКАБРИСТА А. С. ГАНГЕБЛОВА

на веленевой бумагѣ. 282 стр. Цѣна съ перес. **два** рубля.

„НАШЕ ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ"

Сборникъ статей **Николая Михайловича Павлова** (Н. Бицина) 8°. 500 стр. Цѣна въ отдѣльной продажѣ **два** рубля. Для подписчиковъ «Русскаго Архива» 1888 года **одинъ** рубль съ пересылкою. Въ этой книгѣ обсуждены главнѣйшія задачи Русской жизни, Русской исторіи и словесности въ царствованіе покойнаго Государя Александра Николаевича.

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ:

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.

Цѣна 50 к. съ пересылкою.

MÉMOIRES DE LA COMTESSE EDLING.

Полный Французскій текстъ.

на веленевой бумагѣ. Цѣна 3 рубля или 6 фр. съ пересылкою. Въ Петербургѣ въ Пушкинской улицѣ, д. 9-й, кв. 45-я, у доктора Л. Ѳ. Зміева. Въ Парижѣ: rue Bonaparte, 28, у Леру (Ernest Leroux).

Русскій Архивъ

1888 года

(годъ двадцать шестой).

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива" въ 1888 году съ доставкою—**девять** руб.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ** Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени".

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ книжнымъ рѣдкостямъ.

Предметная роспись „Русскому Архиву" за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.